

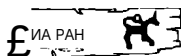
АРХЕОЛОГИЯ АФГАНИСТАНА
В ДНИ МИРА И ДНИ ВОЙНЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Г.А. Кошеленко, Р.М. Мунчаев, В.А. Гаилов

АРХЕОЛОГИЯ АФГАНИСТАНА

В ДНИ МИРА И ДНИ ВОЙНЫ

Москва 2014

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН

Посвящаем нашу книгу
светлой памяти выдающегося ученого и друга
Григория Максимовича Бонгард-Левина

Рецензенты:
кандидат исторических наук С.В. Мокроусов
кандидат исторических наук Н.Д. Двуреченская
кандидат исторических наук С.В. Новиков

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда О.В. Дерипаски «Вольное Дело»

К76 Г.А. Кошеленко, Р.М. Мунчаев, В.А. Гаибов.

Археология Афганистана в дни мира и дни войн. - М.: Институт археологии РАН, 2014.-е. 164, илл.

1ЭВМ 978-5-94375-165-3

Афганистан является страной, в которой до недавнего времени сохранялось поразительное число замечательных памятников прошлого. Однако в последние годы страну постигла катастрофа, приведшая к гибели как сами памятники, так и коллекции артефактов прошлого, хранившихся в музеях. Основной задачей авторов было рассказать историю исследования памятников прошлого, и каким образом разразилась эта катастрофа.

Книга состоит из трех частей. Первая из них - историографическая, в которой подробно описывается деятельность археологических миссий на территории страны, начиная с раскопок Ч. Массона в 30-40-ые годы XIX века. Основное внимание уделено деятельности Французской археологической делегации в Афганистане (РАГА), сделавшей для изучения прошлого страны больше, чем все остальные миссии. Рассматривается также деятельность итальянской, японской, немецкой и английской экспедиций. Большое место уделено деятельности Советско-Афганской археологической экспедиции.

Вторая часть книги освещает катастрофу, обрушившуюся на археологические памятники и музейные коллекции в Афганистане. Крушение государственной инфраструктуры привело к безнаказанному разграблению памятников как местными крестьянами, а затем и так называемыми полевыми командирами. Рынки древностей процветают, особенно в Пакистане и в Лондоне. Огромный вред нанесла и деятельность талибов, которые организовали систематическое уничтожение произведений искусства прошлого, хранящихся в музеях. Наконец, в этом разделе книги рассказывается также и некоторых современных супер-богачей, наживающихся на трагедии народов Афганистана.

Третья часть книги имеет более конкретный характер. В трех главах этой части исследуются некоторые проблемы, возможность решить которые дали результаты работ Советско-Афганской археологической экспедиции.

Книга богато иллюстрирована, она рассчитана как на специалистов - археологов и историков - так и на широкий круг читателей, интересующихся прошлым народов Центральной Азии.

УДК 902/904

ББК 63.48(5)

1ЭВМ 978-5-94375-165-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт археологии Российской академии наук, 2014

© Г.А. Кошеленко, Р.М. Мунчаев, В.А. Гаибов, 2014

© НП «Историко-культурное наследие Кубани», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	7
Часть 1. Открытия.....	11
Глава I. Странное начало.....	13
Глава II. Эпоха DAFA.....	24
§ 1. Греко-Бактрийский мираж.....	24
§ 2. Переходный период (от А. Фуше до Д. Шлюмберже).....	33
§ 3. Д. Шлюмберже: от Мундигака до Лашкари Базара.....	42
§ 4. Поль Бернар и открытие центральноазиатского эллинизма.....	49
§ 5. Последние дни.....	61
§ 6. Некоторый итог и попытки возрождения.....	66
Глава III. Свои и чужие.....	69
§ 1. Собственные силы.....	69
§ 2. Другие.....	76
§ 3. Советско-Афганская экспедиция.....	82
Часть 2. Трагедия.....	93
Глава IV. Судьбы Музея и памятников.....	95
Глава V. Сокровища богини.....	105
Часть 3. Проблемы.....	117
Глава VI. Бактрийский город кушанского времени.....	119
Глава VII. Некрополь Тилля-тепе: индийская уникальная монета.....	136
Глава VIII. Бактрийский царь в кочевнической трактовке.....	151
Заключение.....	162
Список сокращений	163

Авторы данной книги уже давно планировали написать и опубликовать работу, посвященную той трагедии, которая постигла прошлое афганского народа. В истории человечества нет такого второго случая, когда памятники истории целого народа уничтожались бы столь тотальным образом, как это происходило (да и сейчас происходит, хотя и в несколько меньших размерах) в Афганистане. С одной стороны, правительство радикальных мракобесов, называемое Талибаном, уничтожало музеи, музейные коллекции, самые крупные из памятников искусства прошлого, с другой стороны, измученные непрерывной войной крестьяне разрушали ближайшие остатки древних селений, рассчитывая найти там сокровища, которые можно будет предложить перекупщикам, переправлявшим эти артефакты в Пакистан, а оттуда в Лондон, являющийся главным центром торговли произведениями антикварного искусства, а из Лондона они уже расходились по всему миру.

Эта страшная трагедия, как нам кажется, еще не запечатлелась в душах людей, не вызвала того отклика, которого она, с нашей точки зрения заслуживает. Мир содрогнулся, когда по приказу Талибана, взорвали две гигантские статуи Будды в Бамиане (одну высотой 53, а другую - 37 м), но через некоторое время событие это ушло из памяти массы людей, затерялось где-то на периферии их сознания. При этом подавляющее большинство тех, кто узнал из средств массовой информации об этом преступлении, даже не подозревали, что этот взрыв - только вершина айсберга, что в городах страны целенаправленно уничтожались тысячи и тысячи произведений древнего искусства.

Поэтому задача авторов настоящей книги, как они ее себе представляют, - рассказать об археологии Афганистана, о памятниках, обнаруженных здесь, о людях, которые совершили эти открытия. Но это также будет рассказ о том, как гибли и памятники и произведения искусства в огне гражданской войны. К сожалению, очень мало можно сказать о тех, кто «делает бизнес» из этой преступной торговли. Они предпочитают оставаться в тени, хотя, конечно, в этой сумеречной зоне все знают всех.

Данная книга не является учебным пособием. Тем, кто хочет ознакомиться с систематическим изложением материалов по археологии Афганистана, мы можем рекомендовать достаточно хорошую книгу¹, в которой, правда, результаты работ советской археологической экспедиции в Афганистане представлены в самой минимальной форме, но здесь уж ничего не поделаешь - это часто бывает на Западе. Мы, исходя из своих представлений о приоритетах, будем сколь возможно подробно писать только о тех проблемах, которые нам кажутся принципиально важными, и о которых мы можем высказать собственное мнение. Кроме того, есть проблемы, которые сейчас, как нам кажется, невозможно решить и которые, соответственно, не найдут отражения в книге.

К числу таких проблем относится, например, проблема культуры бронзового века на территории Северного Афганистана. Неудачный термин

¹The Archaeology...

Рис. 1.
Карта Афганистана

«Бактрийско-маргианский археологический комплекс» (БМАК) скрывает за собой культуру Северного Афганистана этого времени. Бесспорно, что эта культура - весьма загадочна и нуждается в глубоком и всестороннем исследовании. Однако, как ее истолковывать, если все находки, характеризующие эту культуру, происходят из грабительских раскопок, и у исследователя нет ни одной надежной опорной точки. Мы даже не пытаемся подступиться к этой теме.

В соответствии с нашей основной идеей, весь материал книги будет разделен на три части. Первая из них будет посвящена истории археологического исследования Афганистана, в ней мы постараемся показать, как происходило накопление знаний и артефактов, какие разрабатывались концепции на основе этого. Вторая часть будет посвящена той трагедии культурного наследия, о которой мы писали выше. Наконец, третья часть - несколько эссе, построенных на материале, полученном при раскопках различных памятников Афганистана.

Перед тем, как перейти к основной части работы, мы должны сказать буквально несколько слов о географической ситуации и основных этапах истории страны. Афганистан представляет собой настоящее «ядро» Центральноазиатского региона (Рис. 1). На севере он граничит с Туркменистаном, Узбекистаном, Таджикистаном. На западе - с Ираном, на юге и востоке -

Основные события истории Афганистана можно проследить по: Массон, Ромодин 1964: История Афганистана...

с Пакистаном. Афганистан четко делится на две части, которые разделены гигантской, идущей в направлении запад-восток системой Гиндукуша. Южная часть тяготеет к Индо-Пакистанскому субконтиненту, северная к Средней Азии,

Государственность на территории Афганистана, насколько мы можем судить, возникла в первые века I тыс. до н.э. в форме небольших образований, базирующихся на отдельной горной долине, небольшом оазисе, отдельной ирригационной системе. В середине VI в. до н.э. территория страны была завоевана персами, создавшими огромную державу, управлявшуюся царями из династии Ахеменидов. Позднее это государство гибнет под ударами армии великого завоевателя Александра Македонского. Владычество македонян и греков продолжалось здесь до середины II в. до н. э., когда весь этот регион стал жертвой кочевнического завоевания. В I в. н.э. из нескольких разрозненных владений вождей номадов создается могучее Кушанское царство. Тем ядром и исходным пунктом, откуда началась экспансия Кушан, была Бактрия - та большая историко-культурная область, которая охватывала территорию современных Северного Афганистана и южных областей Узбекистана и Таджикистана. В период своего расцвета государство Кушан помимо Бактрии включало в себя также и южный Афганистан, территорию современного Пакистана и значительную часть Индии.

Во второй половине III в. н.э. начался упадок царства Кушан, территория Афганистана частично переходит под власть Сасанидского Ирана, частично - под власть новой волны кочевников: хионитов, а затем эфталитов и тюрков. При этом большая часть территории страны находилась под властью местных правителей, в той или иной степени зависящих от верховных владык. Обстановка политической раздробленности была одной из важнейших причин успехов арабов, которые в середине VII в. н.э. начали завоевание территорий Афганистана. Однако, только в первые десятилетия VIII в. была покорена арабами большая часть страны. Последний очаг сопротивления - Кабулистан - был завоеван в начале следующего столетия.

Начавшийся упадок власти халифов привел большую часть территории Афганистана под власть сначала Тахиридов, а затем - Саманидов. В рамках последнего государственного образования возникла мощная держава Газневидов, центром которой был город Газни на юге Афганистана. Газневидам пришлось сражаться с Сельджукидами и Гуридами. Последние также вынуждены были воевать и с Хорезмшахами. Все это происходило накануне монгольского нашествия, эти постоянные конфликты резко ослабили народы перед лицом этой мощной угрозы. Монгольское нашествие в начале XIII века нанесло жесточайший удар населению всех территорий Афганистана, отбросило их далеко назад.

В течении достаточно долгого времени большая часть территории Афганистана входила в состав государства Хулагуидов - потомков сына Чингисхана Хулагу, ядром которого был Иран. В это время в рамках этого государственного образования возникают и первые собственно афганские владения, управляемые местными князьями. К концу XIV века Афганистан стал интегральной частью огромной державы, созданной Тимуром, а Герат на долгое время стал столицей государства Тимуридов. В 1504 г. один из тимуридских принцев по имени Бабур захватил Кабул. Он создал новую огромную державу, в которую вошли почти все земли Афганистана и значительная часть Индии, вплоть до Бенгалии. Столицей этого государства стал город Дели, а династия потомков Бабура стала называться династией Великих Моголов.

Постепенно в пуштунских (афганских) племенах вызревало осознание необходимости и возможности создания собственной государственности, вне рамок тех огромных империй, которые возникали и гибли на просторах Центральноазиатского региона. Первыми ростками этой новой тенденции были небольшие княжества, создававшиеся пуштунскими племенными вождями. Но первым серьезным собственно пуштунским государственным образованием стала держава Дуррани (1747-1819 гг.). С возникновением этого государства пуштуны вступили в новую историю.

Как мы видим, исторические процессы, развертывавшиеся на территории Афганистана, были сложны, интересны и противоречивы. Каждый из этапов характеризовался собственной культурой. Памятники, отражавшие эту культуру, в той или иной форме, в том или ином состоянии, входят в понятие культурное наследие, и изучение этих памятников дает не меньше информации об особенностях прошлого, чем письменные источники.

ЛИТЕРАТУРА

История Афганистана с древнейших времен до наших дней. / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М., 1982.

Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. 1-П. М., 1964.

ЧАСТЫ.

ОТКРЫТИЯ

Глава I.

СТРАННОЕ НАЧАЛО

Одним из самых ярких памятников прошлого на территории Афганистана является знаменитый пещерный комплекс в Бамиане³. Комплекс состоит из огромного числа пещер, служивших жилищами буддийским монахам. Кроме того, здесь же находятся (точнее находились) две гигантские статуи, изображавшие стоящего Будду. Одна из них высотой 37 м, вторая - 53 м. Они монолитны и были высечены в специальных нишах в скалах, окружающих долину. Когда в 30-ых годах XX века сотрудники Французской археологической делегации в Афганистане (*Délégation archéologique française en Afghanistan* - здесь и далее *DAFA*) обследовали этот комплекс, в самом труднодоступном месте - над головой большей из статуй - они прочитали надпись:

If any fool this high samootch explore
Know Charles Masson has been before⁴.

Чарльз Массон, оставивший эту горделивую надпись, современной наукой считается пионером археологического изучения Афганистана, человеком, который в 30-ые годы XIX века смог в некоторых отношениях подняться до уровня науки следующего века⁵.

Естественным является желание узнать больше об этом выдающимся человеке. Но при более близком знакомстве выясняется, что такого человека вообще не существовало. Человек же, который вошел в историю науки как Чарльз Массон, в действительности носил имя Джеймс Льюис. Он родился в 1800 г. в Лондоне. Мало что известно о его ранних годах, одно только можно сказать определенно: он получил очень приличное образование, хорошо знал древнегреческий язык и латынь, свободно говорил на французском и на итальянском. Позднее в Индии его иногда даже принимали или за француза или за итальянца. Он очень интересовался эпохой Александра Македонского и его походом в Индию⁶.

После окончания школы он некоторое время работал в одной из лондонских фирм. Однако после ссоры с отцом он резко изменил свою жизнь. В 1821 г. он записался рядовым в армию Британской Ост-Индской компании, отплыл в Индию и некоторое время служил в 3-ей батарее Первой бригады бенгальской (европейской) артиллерии⁷. Интересно, что в это время он использовался в качестве рисовальщика генерал-майором Хардвиком для его трудов по зоологии Индии. Дж. Льюису пришлось принять участие и в военных действиях. Так он участвовал в осаде Бхаратпура в 1826 г.

³О его судьбе мы расскажем позднее.

⁴Hammond, Allchin 1978. P. 4; Errington 1999. P. 207; Tarzi 1977. Т. II. P. 14, 71.

⁵Hackin 1933. P. 2; Hammond, Allchin 1978. P. 4-5.

⁶Possehl 1990. P. 112.

Английские вооруженные силы на территории Индии состояли тогда из двух категорий: коронные войска (целиком с чисто английским составом) и войска Достопочтенной Британской Ост-Индской компании. Эти войска, в свою очередь делились на две части: полки с чисто европейским составом и полки, где рядовой состав был местным, а офицеры - англичане.

Однако природная живость характера привела к новому неожиданному повороту в его жизни. В июле 1827 г., когда бригада находилась в Агре, Дж. Льюис дезертировал из своей части. Тогда-то он принимает свое новое имя. Вместе с таким же дезертиром Ричардом Поттером (первоначально Джоном Брауном) он двинулся на северо-запад. Они хотели, прежде всего, покинуть зону британской юрисдикции. Дело в том, что тогда ситуация в Индии была достаточно сложной. Помимо территорий, находящихся под прямым контролем властей Британской Ост-Индской компании, в Индии существовало как множество мелких, так и довольно крупных государственных образований, часть из которых находилась под прямым, а часть - под косвенным британским контролем. Имелись также и совершенно суверенные государства. Например, на западе субконтинента располагалась могущественная сикхская держава, которой правил Ранджит Сингх и в которой обрелось множество французских офицеров, ветеранов наполеоновских войн, ныне укреплявших сикхскую армию. Именно в сторону сикхского государства и направились Ч. Массон и Р. Поттер. Отсюда Ч. Массон уже один отправился в Пешавар и, через Хайберский перевал, в Афганистан. Он побывал в Кабуле, Кандагаре, затем спустился к долине реки Инд, посетил Лахор и, наконец, оказался в Карачи. Из Карачи он на корабле отправился в Бушир в Персидском заливе.

Здесь Ч. Массон совершает еще один неожиданный поворот. Он входит в контакт с местными представителями Британской Ост-Индской компании. Им он представляется как Чарльз Массон, американец из штата Кентукки, который путешествовал в течение десяти лет: из Америки в Европу, оттуда в Россию, а затем - в Афганистан и Иран⁸. По свидетельству подполковника Вильсона он представил «ценный меморандум о странах Центральной Азии»⁹. Этот меморандум также представляет определенную загадку. В нем, например, дано детальное описание Герата, такое описание, которое не вызывало никаких сомнений у английских офицеров в его достоверности. Но теперь точно установлено, что Ч. Массон в Герате никогда не был. Следовательно, свое описание он заимствовал у кого-то. Но у кого? Ответа на этот вопрос нет¹⁰.

Ч. Массон произвел очень благоприятное впечатление на англичан, живущих в Бушире и служащих в Ост-Индской компании. В Иране он провел десять месяцев, он сопровождал в поездках нескольких офицеров, и побывал в Тебризе, Багдаде, по реке Тигр спускался вплоть до Басры и Бушира. Он получил несколько выгодных предложений. Самое важное для него - от Джона Кэмбелла, английского посла в Иране, - заняться на средства Компании «антикварными исследованиями» в Афганистане. Его друг подполковник Дэвид Вильсон, британский резидент в Бушире, предлагал ему описать его путешествия, что он позднее и исполнил, правда, без тех экстравагантностей, которыми отличались его устные рассказы¹¹.

Чарльз Массон отправился по уже знакомому маршруту на индийское побережье, откуда, присоединившись к одному из караванов,

⁸ Уильямс 1986. Р. 44-47.

⁹ ЕтнДЮп 1999. Р. 207.

¹⁰ P055eM11990. Р. 113.

¹¹ Ма^оп 1842.

шедшему в Кандагар и Газни, в конечном счете, в июне 1832 г. прибыл в Кабул. Предшественники Кипплинговского Кима работали очень четко, и уже в декабре этого года агент английской разведки Карамат Али сообщает политическому агенту в Лудхиане К. Вэйду о присутствии в Кабуле англичанина по имени Массон. В донесении дана и его краткая характеристика: «понимает персидский язык, у него с собой две или три книги иностранного облика, компас, карта и астрольбия. У него поношенная одежда, у него также нет слуги, лошади или мула, чтобы везти его багаж»¹². В этом же архиве в одном из неподписанных донесений содержится и описание его внешности: «серые глаза, рыжая борода, волосы на голове пострижены коротко. У него нет ни чулок, ни обуви, зеленая шапка на голове, на плече на перевязи чашка для питья, как у дервиша или факира»¹³.

Свои исследования памятников прошлого Афганистана Ч. Массон начал в 1832 г. с буддийского пещерного комплекса в Бамиане¹⁴. Он прибыл туда вместе с одним из видных придворных эмира, который должен был собрать там подати. Тогда-то Ч. Массон и оставил ту надпись, с которой начался рассказ о его жизни. Итоги его работ в Бамиане отражены в отчете, снабженном иллюстрациями, который сейчас хранится в Британской библиотеке¹⁵. Это было первое систематическое описание этого замечательного комплекса¹⁶. Ч. Массон отмечал, что долина Бамиана - одна из красивейших в Афганистане. Наличие здесь сотен пещер, выкопанных монахами, он справедливо связывал с господством буддизма. Правда, он не понял, что гигантские статуи, находившиеся здесь, представляют собой изображение Будды. Он считал, что они воспроизводили облик умерших царей.

По предложению представителей Компании в Бомбее он продолжил свои исследования и в следующем году. В бумагах, предваряющих это предложение, Генри Поттингер, британский резидент в Каче, сообщал, что Массон «хорошо знает восточные языки, у него мягкие и доброжелательные манеры, так, что я думаю, что ему обеспечен успех в осуществлении этого проекта и необходимо финансово поддержать его в его деятельности». Это предположение оправдалось. С помощью английских представителей, находившихся в Кабуле, Ч. Массон получил разрешение производить раскопки от самого шаха Дост Мухаммед хана. Ему особенно покровительствовал сын Дост Мухаммеда, занимавший пост губернатора Кабула. Правда, местные вожди племен не очень считались с этим документом, но Ч. Массон находил способы поладить и с ними. Раскопки осуществлялись, и их стоимость была фантастически низкой¹⁷.

Бомбейские власти предоставляли Ч. Массону вплоть до 1838 г. необходимые средства. Взамен он отдавал Компании все свои находки, большая часть которых отправлялась в существовавший тогда Музей Индии в Лондоне.

К 1834 г. работники Компании, однако, смогли точно установить, что под именем Чарльза Массона скрывается английский дезертир Джеймс Льюис¹⁸. Однако он смог избежать полагающейся ему

¹² Whitteridge 1986. P.61.

¹³ Grey 1929. P.188.

¹⁴ Possehl 1990. P. 117-118.

¹⁵ Некоторые наблюдения над этим комплексом вошли в другие его публикации. См. Masson 1836b. P. 707-720; Masson 1839. P. 39-122.

¹⁶ Любопытно сравнить наблюдения Ч. Массона с тем, что писал об этом комплексе памятников прославленный Александр («Скандар») Бернс (Burnes 1833. P. 561-564). Сравнение будет явно в пользу Ч. Массона.

¹⁷ Errington 1999.214-216.

¹⁸ Whitteridge 1986. P.101-102.

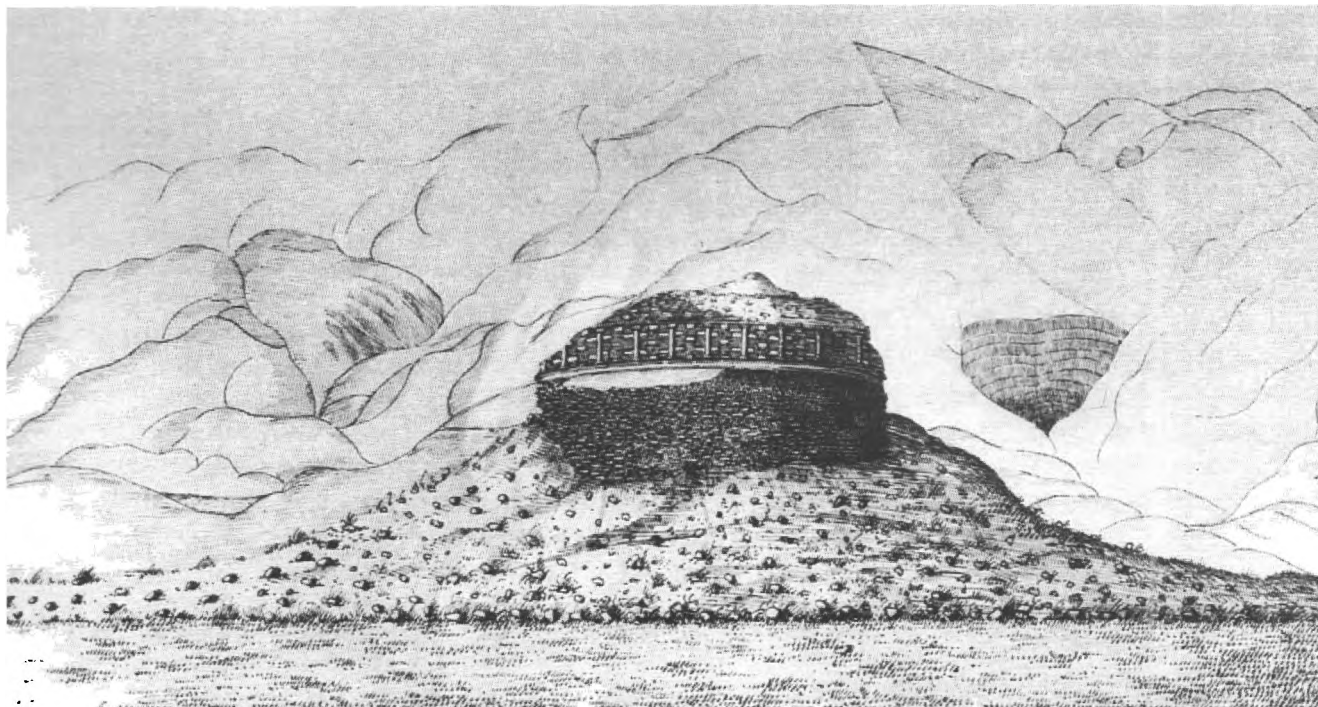

Рис. 1.
Ступа близ Вардака
(рисунок Ч. Массона)

смертной казни. Английская секретная служба всегда отличалась реализмом и практичностью. Джентльмены, работавшие в ней, уже смогли оценить информацию, которую поставлял из Кабула этот человек. Эта информация касалась не только памятников археологии, но также политики, географических сведений и многого другого, что было необходимо знать этой службе. Взамен помилования от Короны Ч. Массон с 1835 г. стал агентом Компании в Кабуле. Для помилования дезертира необходимо было личное решение короля. Тот факт, что Компания получила его, свидетельствует о том, что его информация была в высшей степени необходима Компании¹⁹. Это было время, когда определенные силы среди английского руководства как в Индии, так и в Британии, начали эскалацию действий, приведших, в конечном счете, к Первой Англо-Афганской войне 1838-1842 гг.²⁰. Ч. Массон видел с другой точки зрения те события и явления, которые верхушка Компании истолковывала как свидетельства слабости Афганистана и возможности легкой победы. В своих донесениях из Кабула он достаточно нелицеприятно высказывался о политике Компании. Результатом стал отзыв его из Кабула в Пешавар в 1838 г.

Провидение, видимо, хранило его, ибо в том же году началась война, которая после первых успехов обернулась жесточайшим поражением англичан, потерявших всю оккупационную армию. Считается, что уцелел только один участник этого похода - военный врач.

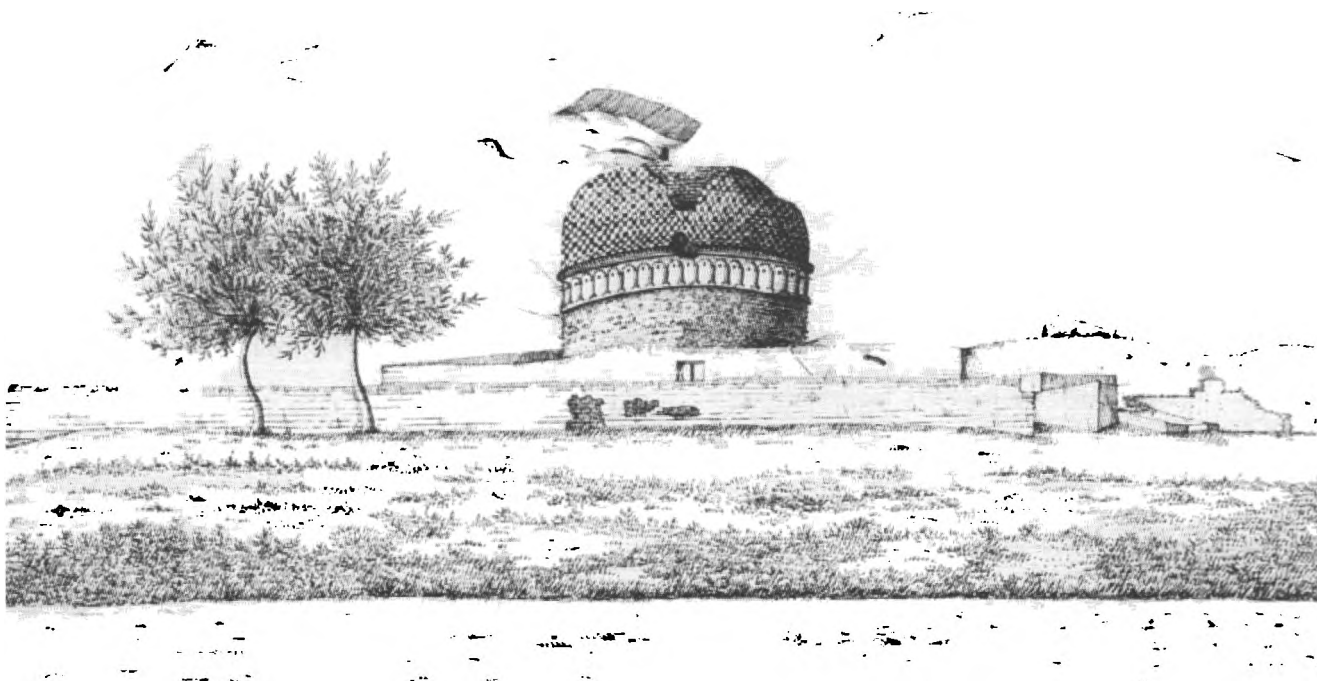
Некоторое время Ч. Массон провел Карачи и Синде, где приводил в порядок свои отчеты²¹. В конечном счете Ч. Массон так и не получил никакого нового назначения и поэтому попросился в отставку²². В 1842 г. он отбыл в Англию. Правда, ему пришлось перед этим пережить в

¹⁹ Possehl 1990. P. 119.

²⁰ Подробнее см. Таннер 2004. С. 171-190.

²¹ Wilson 1841.

²² Whitteridge 1986. P. 136-137.

высшей степени неприятные моменты, когда он во время восстания белуджей был несправедливо обвинен в предательстве и шпионаже в пользу русских (!)²³.

В Англии он получал маленькую пенсию от Ост-Индской компании. Существовая на эти весьма скромные средства, он приводил в порядок отчеты о своих археологических работах и коллекцию монет. Умер Ч. Массон в 1853 г.

Как мы указывали выше, Ч. Массон был абсолютно прав, критикуя политику Компании. Но вина его состояла не только в том, что он был прав, но и в том, что он, не стеснясь, об этом говорил. В литературе уже отмечалась одна из важнейших особенностей творчества Ч. Массона - его исключительная точность. Это было характерно как для его археологических работ, так и его политических наблюдений. В свое время Т. Холдрич писал: «все самое главное, что мы узнали об Афганистане после второй войны [имеется в виду вторая Англо-Афганская война 1878-1879 гг.] он нам говорил перед первой»²⁴.

Недовольство «больших людей» находило многообразные формы выражения. Одной из них было отрицание его научных заслуг. Некоторую пищу для этого давало небольшое количество его публикаций²⁵. Однако, нельзя забывать, что он оставил огромный архив своих документов, отражающих его исследования. Документация, монеты, реликвии (вместе с их содержимым) из буддийских памятников, а также и другие находки послужили очень важным источником для понимания прошлого Афганистана. Необходимо при этом иметь в виду, что целый ряд памятников с тех пор просто исчез.

Рис. 2.

Ступа в районе Дарунта
(рисунок Ч. Массона)

²³ Possehl 1990. P. 123.

²⁴ Holdrich 1910. P. 261-262. См. также Whitteridge 1986. P. 41.

²⁵ Masson 1834. P. 153-175; Masson 1836. P. 1-28; Masson 1836a. P. 537-548; Wilson 1841.

Рис. 3.
Золотой сосуд из реликвария ступы 2
в Бимаране

Археологические исследования Ч. Массона были достаточно многообразны. Мы можем выделить три основных направления. Первой из сфер его деятельности было изучение буддийских памятников на юго-востоке Афганистана. В период с 1833 по 1835 гг. Ч. Массон исследовал более 50 буддийских памятников (ступа) вокруг Кабула, недалеко от Вардака (несколько западнее), но особенно масштабными были его работы в Хадде и в районе Дарунта - к югу и к западу от Джелалабада²⁶ [Рис. 1, 2]. Важными категориями находок были реликварии (правда, они встречались не во всех ступах). Они обычно находились в самом центре первоначальной ступы, в маленькой специально устроенной камере. Иногда они встречались и в массе кладки при более позднем расширении ступы. Раскопки Ч. Массона показывают разнообразие этих реликвий. Они включали зубы животных, свинец, человеческие скелеты, а также обычные реликварии, пепел, фрагменты костей, монеты, геммы, украшения из золота, серебра и полудрагоценных камней. Два реликвария особенно важны для истории искусства, истории религиозных доктрин, наконец, для решения сложных хронологических проблем. Первый из них найден в Бимаране (ступа 2)²⁷. Он представлял собой вазу из стеатита, в которой лежал маленький (высотой всего 7 см) золотой сосуд, четыре монеты индо-скифского царя Азы²⁸, несколько украшений. Ваза несла на себе надпись на кхарошти: «Священный дар

²⁶ Wilson 1841. P. 51-118.

²⁷ The Crossroad P. 186-192.

²⁸ Индо-скифами называют тех кочевников, которые сокрушили Греко-Бактрийское царство, а затем вторглись и в Индию.

Рис. 4.

Бронзовая ваза-реликварий
с надписью (окрестности Вардака)

Шивараксита, сына Манджаванды, для реликвий Господина, в честь всех Будд»²⁹. Датировка монет представляют достаточно сложную проблему. Им было посвящено несколько исследований. Наиболее популярным является мнение, согласно которому они представляют собой посмертные выпуски царя и должны датироваться примерно 60 годом I в. н.э.³⁰

Наибольший интерес вызывает золотой сосуд, напоминающий миниатюрную пиксиду (Рис. 3). На нем представлены 8 фигур, сгруппированных в две композиции. В центре каждой из них - стоящий фронтально Будда, в характере изображения которого сильно сказываются эллинистические черты. По обе стороны от него представлены индийские божества: Брахма и Индра. Они изображены в профиль, будучи обращенными к Будде. Такая же сцена представлена и на оборотной стороне. Эти сцены разделяются двумя фигурами молящихся (или, может быть, бодхисатв). Значение этих сцен состоит в том, что это - явно один из самых первых примеров изображения Будды в антропоморфном образе³¹.

Второй реликварий - из окрестностей Вардака - представляет собой бронзовую вазу³² (Рис. 4). Она несет на себе надпись, которая дает интереснейшую информацию относительно кушанской династии. В надписи, в частности, упоминается кушанский царь Хувишка

²⁹ Fussman 1986. P. 69-86.

³⁰ The Crossroad P. 188.

³¹ The Crossroad P. 188-192.

³² The Crossroad P.174-175.

(единственное упоминание этого царя в документах, происходящих из этого региона). Кроме того важна также датировка этого правителя (51 г. по эре, созданной царем Канишкой). Интересны также сведения об экспансии буддизма: в ней в частности, говорится о проникновении секты махасангхика из Матхуры (Индия).

Анализ материалов Ч. Массона современными исследователями показывает динамику распространения буддизма в восточном Афганистане начиная с I в. н.э. Больше всего буддийских культовых сооружений (ступа) возводится или расширяется в конце первого и начале второго веков н.э. Самая ранняя ступа найдена в районе Дарунта. Монастыри на равнине Джелалабада и в окрестностях Кабула и Бардака несколько более поздние и могут быть отнесены к периоду 150-190 гг. н.э. Самые важные ступы Хадды должны быть датированы еще более поздним временем - концом V в. н.э.³³

Второе направление научной деятельности Ч. Массона можно назвать эпиграфическим. Изучая свою коллекцию двуязычных монет, выпускавшихся греческими и местными династами (приблизительно от 200 г. до н.э. вплоть до 127 г. н.э.) Массон очень скоро понял, что греческая легенда на аверсе имеет свой точный эквивалент на оборотной стороне, но написанный с использованием тогда еще неизвестной системы письма³⁴. Это стало первым шагом к пониманию той системы письма, которую мы сейчас называем кхарошти.

После возвращения в Англию, в 1844 г., Ч. Массон передал копии наскальной надписи из Шахбазгархи, выполненной этим письмом, Королевскому Азиатскому обществу³⁵. Благодаря этой копии удалось «почти отлично» транскрибировать этот текст³⁶. В 1845 г. было выявлено, что надпись представляет собой эдикт царя Ашоки - повторяющий текст уже хорошо известный, выполненный с помощью письма брахми, к тому времени уже хорошо известного ученым. Именно этот текст стал решающим фактором в дешифровке кхарошти и заслуги Ч. Массона в этом очень велики.

Наконец, третье направление деятельности Ч. Массона связано с открытием им в июле 1833 г. руин огромного древнего города в долине Беграма, к северу от Кабула³⁷. Он предположил, что это - остатки города Александрия Кавказская, то есть одного из тех городов, которые основал великий завоеватель. Многие современные исследователи согласны с мнением Ч. Массона³⁸. После 1835 г. его деятельность политического агента мешала ему в исследовании городища. Ч. Массон нашел следующий выход: он нанимал местных жителей для сбора находок, лежащих на поверхности. Находки включали в себя кольца, инталии, огромное число различных бронзовых предметов (печати, наконечники стрел, украшения, булавки). Кроме того, было собрано 68877 монет (главным образом бронзовых), охватывающих время от IV в. до н.э. вплоть до XIII в. н.э.

Кроме того, им было куплено значительно количество разнообразных интересных предметов (включая инталии) и примерно 10000 золотых, серебряных и бронзовых монет - главным образом на кабульском

³³ Errington 1999/2000. P. 191-216.

³⁴ Prinsep 1835. P. 329.

³⁵ Masson 1846. P. 292-302.

* Norris 1846. P. 303-314; Wilson 1850. P. 153-251.

³⁷ В 30-40 годы XX века здесь проводили раскопки французские археологи, сделавшие замечательные открытия. См. ниже.

³⁸ Bernard 1982. P. 217-242.

базаре. Они охватывают период от III в. до н.э. вплоть до начала XIX в. Занимаясь анализом собранного им огромного нумизматического материала, он пришел к выводу, что для понимания локальной истории бронзовые монеты важнее, нежели серебряные и золотые, что резко расходилось с общепринятыми тогда представлениями. Он указывал, что бронзовая монета главным образом остается на месте, где она была произведена (в отличие от золота и серебра, широко путешествующих по миру) и поэтому бронзовая монета лучше отражает местные условия. В этом отношении он очень далеко опередил свое время.

Созданная Ч. Массоном (на основе монетных находок) схема истории города в середине XX века подверглась довольно резкой критике. Главным объектом дискуссий был тот период, который последовал за падением власти греко-бактрийцев в этом районе. Ч. Массон, в частности, доказывал, что самый известный из так называемых индо-скифских правителей - Аз I - не контролировал данный регион. Однако А.К. Нарайн³⁹ и Р.Б. Уайтхед⁴⁰ не считали этот вывод справедливым. Своего рода третейским судьей стал Д.В. Мак Доуэлл⁴¹. Он указал, что, в конечном счете, все построения опираются на чисто нумизматические факты. Ч. Массон исходил из достаточно простых заключений: длительность того или иного царствования отражается в количестве монет, выпущенных этим правителем. В Беграме монет Азы I среди сборов на территории города практически нет, в то время как монеты правителей, близких ему по времени, представлены десятками и сотнями экземпляров. По просьбе Мак Доуэлла тогдашний Директор департамента археологии Афганистана Ш. Мустаминди приказал охранникам этого городища в 1971 и 1972 гг. после весенних дождей собирать монеты, которые оказывались на поверхности. Число монет каждого правителя заносилось в особую таблицу и после этого сравнивалось с теми цифрами, которые были зафиксированы Ч. Массоном. Сравнение показало полную справедливость его выводов. Индо-скифы никогда не захватывали этот район.

После смерти от пневмонии в 1855 г. жены Ч. Массона опекунам их детей Ост-Индская компания выплатила 100 фунтов за его бумаги и монеты. Когда в 1878 г. Музей Индии был закрыт, большая часть коллекции Ч. Массона (буддийские реликвии и множество мелких находок, собранных в Беграме и купленных на базаре в Кабуле) вместе с небольшой частью монет были переданы в Британский музей. Другие монеты были подарены Королевскому Азиатскому обществу, Музею Ашмолеан в Оксфорде, Музею Фитцвиллиам в Кембридже. Очень небольшая часть монет оказалась также в Музее Виктории и Альберта⁴². У нас нет точных сведений, но кажется, что большая часть коллекции монет, хранившихся в Правлении компании (India Office), была по решению правительства Индии продана на аукционе в 1887 г. Оставшиеся были определены как «хлам» и оставались на складе до 1995 г., когда они (на основе договора о длительной аренде) были переданы из Британской библиотеки в Британский музей. Среди этих монет было 6200 монет из Беграма, собранных Ч. Массоном.

³⁹ Narain 1957. P. 163-164.

⁴⁰ Whitehead. 1947. P. 38-41; Whitehead 1950. P. 206-207.

⁴¹ MacDowall 1985. P. 555-566.

⁴² Desmond 1982. P. 38-39.

После долгих лет забвения материалы Ч. Массона сравнительно недавно оказались в центре внимания исследователей. Один из фондов предоставил средства для того, чтобы обработать его бумаги, которые хранятся в различных подразделениях архива бывшей Ост-Индской компании⁴³. Выяснилось, что здесь хранятся настоящие сокровища⁴⁴. В бумагах Ч. Массона сохранились детальные описи всех находок, сделанных при раскопках ступ. Кроме того, сохранились также списки монет и других объектов, найденных на территории Беграма и купленных на Кабульском базаре. Также там имелись детальные планы и разрезы тех ступ, которые подвергались раскопкам. В архиве Ч. Массона находились топографические планы, показывающие точное расположение каждого из памятников. В целом ряде бумаг имелись много более детальные планы, нежели те, которые были ранее опубликованы Ч. Массоном. Много было и рисунков, как монет, собранных в Беграме, так и монет из личной коллекции Ч. Массона. Выяснилось, что его тексты очень решительно правились Принсепом и Вильсоном, что при печатании оригинальные рисунки Ч. Массона часто заменялись более грубыми копиями и т.д.⁴⁵

К сожалению, проблема монет много более сложна. Как отмечалось выше, коллекции передавались из музея в музей, продавались на аукционах, терялись, будучи определяемы как «хлам». В результате этого только часть монет, хранящихся, например, в Британском музее, может быть точно определена, как монеты, собранные Ч. Массоном⁴⁶.

Несколько лучше ситуация с мелкими находками, хранившимися в Восточном отделении Британского музея. Очередная ревизия хранилища позволила обнаружить большое число находок, которые относительно легко идентифицируются благодаря тому, что они воспроизведены или в опубликованных работах Ч. Массона или в тех рукописях, которые сейчас стали доступны ученым.

Таким образом, бесспорно, что подлинное начало археологического изучения Афганистана связано с именем Ч. Массона, человека необычной судьбы, сделавшего очень многое для понимания его прошлого⁴⁷.

ЛИТЕРАТУРА

Таннер С. Афганистан. История войн от Александра Македонского до падения «Талибана». М., 2004.

Bernard P. Alexandrie du Caucase ou Alexandrie d'Oxus // *Journal des Savants*. 1982. P.217-242.

Burnes A. On the colossal Idols of Bamian // *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 2.1833. P. 561-564.

Desmond E. *The India Museum 1801-1879*. London, 1982.

Errington E. *The British East Indus Company Collection* // Callieri P. *Seals and Sealings from the North-West of the Indian Subcontinent and Afghanistan (4th century BC - 11th century AD)*. Naples, 1997. P. 18-23.

⁴³ Например, в India Office Library, архиве East India Company Bombay Government, India Office Newspaper Room.

⁴⁴ Подробнее см. Errington 1999. P. 208-215.

⁴⁵ Errington 2001. P. 359-360.

⁴⁶ Подробнее см. Errington 2001. P. 357-409.

⁴⁷ Possehl 1990. P.111.

Errington E. Rediscovering the collections of Charles Masson a Coins. Art. and Chronology. Essays on the Pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands Ed. by M. Alam and D.E. Klimburg-Setler. Wien, 1999. P. 207-237.

Errington E. Numismatic evidence for dating the Buddhist remains of Gandhara Silk Road Art and Archaeology. 6 (Papers in Honour of Francine Tissot). 1999/2000. P. 191-216.

Errington E. Charles Masson and Begram // TOTTOI. Orient-Occident. Vol. 11/1. 2001. P. 357-409.

Errington E. Ancient Afghanistan through the eyes of Charles Masson // International Institute for Asian Studies Newsletter. March 2002. P. 8-9.

Fussman G. Numismatic and epigraphic evidence for the chronology of early Gandharan art // Investigating Indian art / Ed. by M. Yaldiz. Berlin, 1986. P. 67-88.

Grey C. European Adventurers of Northern India, 1785 to 1849. Lahore, 1929.

Hammond N., Allchin R. Introduction // The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period / Ed. by F.R. Allchin and N. Hammond. London/New York/San Francisco, 1978. P. 1-8.

Holdrich T. The Gates of India, being an Historical Narrative. London, 1910.

Hackin J. Nouvelles recherches archéologiques à Bamian (MDAFA. T. III.). Paris, 1933.

MacDowall D.W. The Successors of the Indo-Greeks at Begram // South Asian archaeology. 1983. Papers from Seventh International Conference of the Association of South Asian Archaeology in Western Europe / Ed. by J. Schotsmans and M. Taddei. Naples, 1985. P. 555-566.

Masson C. Memoir on the ancient coins found at Beghrām, in the Kohistān of Kābul // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 3.1834. P. 153-175.

Masson C. Second memoir on the ancient coins found at Beghrām, in the Kohistān of Kābul // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 5.1836. P. 1-28.

Masson C. Third memoir on the ancient coins discovered at site called Beghrām, in the Kohistān of Kābul // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 5.1836a. P. 537-548.

Masson C. Notes on an inscription at Bamian // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 5.1836b. P. 707-720.

Masson C. Narrative of an excursion into the Hazarah country of Bisut and Bamian and Saghun // Proceedings of the Bombay Geographical Society. II. 1839. P. 39-122.

Masson C. Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan and Panjab. Vol. 1-3. London, 1842.

Masson C. Narrative of an excursion from Peshawar to Shah-Baz-Garhi // Journal of the Royal Society. VIII. 1846. P. 292-302.

Narain A.K. The Indo-Greeks. Oxford, 1957.

Norris E. On the Kapur-di-Giri rock inscription // Journal of the Royal Society. VIII. 1846. P.303-314.

Possehl G.L. An Archaeological Adventurer in Afghanistan; Charles Masson // South Asian Studies. 6.1990. P. 111-124.

Prinsep J. Further notes and drawing of Bactrian and Indo-Scythic coins // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 4.1835. P. 327-348.

Whitehead R.B. Notes on the Indo-Greeks. III // Numismatic Chronicle. 1947. P. 38-41.

Whitehead R.B. Notes on the Indo-Greeks. II // Numismatic Chronicle. 1950. P. 206-207.

Whittridge G. Charles Masson of Afghanistan. Explorer, Archaeologist, Numismatist and Intelligence Agent. Warminster, 1986.

Wilson H.H. Ariana Antiqua. A Descriptive Account of the Antiquities and Coins of Afghanistan: with a Memoir on the Buildings called Topes, by C. Masson Esq. London. 1841 (repr. Delhi, 1971).

Wilson H.H. On the rock inscriptions of Kapur di Giri. Dhauli and Girnar Journal of the Royal Society. XII. 1850. P. 153-251.

Глава II.

ЭПОХА РАГА

Совершенно бесспорно, что наибольший вклад в изучение археологии Афганистана внесли французские археологи. В этой главе авторы решили обрисовать основные этапы истории французского археологического присутствия в Афганистане, полного драматических поворотов и замечательных открытий, ставших главными вехами в изучении прошлого не только Афганистана, но и всего огромного Центральноазиатского региона. Естественно, что начать мы должны с момента создания Французской археологической делегации в Афганистане - первого археологического научного центра в стране.

§ 1. Греко-Бактрийский мираж

Первая Англо-Афганская война и все последовавшие за ней события, привели к практически полному закрытию Афганистана, во всяком случае, для археологов⁴⁶. Снова, как и до Ч. Массона, основным источником сведений становятся сообщения путешественников, а не раскопки.

Ситуация изменилась только в 20-ые годы XX века. Предпосылками этого стало признание полной независимости Афганистана со стороны Великобритании после Третьей Англо-Афганской войны (завершилась 12 августа 1919 г.). Правительство Афганистана во главе с королем (эмиром) Амануллоем начинает политику модернизации {Рис. 1}. Одним из элементов ее стало обращение к Франции с просьбой не только о дипломатическом признании, но и о создании постоянно действующей Французской археологической делегации в Афганистане и французского лица в Кабуле.

Подобное предложение, естественно, было чрезвычайно интересным, поскольку Афганистан много десятилетий был практически закрыт для иностранцев и археологически почти совершенно не изучен. Исследователи, работавшие на Востоке, все больше воспринимали Афганистан, как «отсутствующее звено». Без изучения Афганистана невозможно было понять общие процессы, происходившие в регионе⁴⁹. Кроме того, поразительные открытия начала XX в. Китайском Туркестане разжигали воображение и заставляли думать, что Афганистан даст не меньшее количество сокровищ.

Цели короля были достаточно прозрачны, поскольку он демонстрировал миру свое стремление к модернизации и открытости. Руководящие круги страны также, видимо, смутно сознавали необходимость

⁴⁶ Одной из главных причин этого была политика Англии, от которой после Второй Англо-Афганской войны зависел Афганистан (Olmeg-Sharq 1997. P. 18).

⁴⁹ Pene 2010. P. 57.

обращения к прошлому для поиска в нем неких моральных опор, доказательств прошлого величия, которое должно было способствовать национальному объединению - самой настоящей задаче страны в это время⁵⁰.

Вполне оправданным было и обращение именно к Франции. Афганистан находился между двух могущественных сил. Советская Россия окончила гражданскую войну и начинала подниматься из руин, усиливая свой контроль над соседними с Афганистаном среднеазиатскими областями⁵¹. С другой стороны соседом являлась Британская Индия, многократно выступавшая угрозой самому существованию независимого Афганистана. Обращаться за помощью к одной из этих сил означало увеличивать свою зависимость от них, чего правительству Афганистана, естественно, не хотелось. Франция же представлялась удобным и в какой-то степени знакомым контрагентом, поскольку в Афганистане, естественно, знали о существовавшем уже много лет договоре о Французской археологической экспедиции в Иране (*Délégation archéologique française en Perse*), которая много лет (с 1897г.) достаточно успешно работала в этой стране.

Цели Франции, согласившейся на переговоры, и позднее подписавшей соглашение⁵², также были достаточно ясны. Публикация документов, связанных с созданием DAFA, как в книге Ф. Оливье-Утар⁵³, так и в книге А. Фене⁵⁴, не оставляют сомнения в том, что согласие французских властей на создание постоянно действующей миссии определялось не возвышенными гуманитарными принципами, а сугубо прозаическими соображениями. Эти документы заставляют отбросить идею, которая постоянно тиражировалась на Западе и нашла свое достаточно яркое выражение в книге С. Горшениной и К. Рапэна: «На юге Амударья составляла политическую границу между советской Трансоксианой, которая с течением времени закрывалась, и афганской Бактрией, которая повернулась к «свободному», не коммунистическому миру. Река разделяла два археологических подхода, которые исключали друг друга. Мотивации научной любознательности, природа полученной информации, и публика, которой они сообщались, в течение XX века, были диаметрально противоположны. Академизм, контролируемый колониальной, а затем тоталитарной системой, доминировал к северу от Окса, оставляя место на юге научному подходу, менее подверженному влиянию политики»⁵⁵. Этот тезис, столь привычный для многих западных пропагандистов, твердо убежденных в своем моральном превосходстве и старательно распространяемый ими, однако, не выдерживает столкновения с грубой прозой жизни. История DAFA с момента ее организации является прямым опровержением этой идеи.

Документы, опубликованные только недавно, ясно показывают, что создание DAFA было продиктовано в первую очередь политическими мотивами, о которых во внутренней переписке говорилось совершенно открыто. Именно в это время в составе Министерства иностранных дел Франции было создано важное подразделение - *Service des Œuvres française à l'étranger*⁵⁶. Тогда же была организована служба

Рис. 1.

Король (эмир) Афганистана
Аманулла-хан

⁵⁰ Olivier-Utard 1997. P. 23.

⁵¹ Именно в это время прекратили свое существование Хивинское ханство и Бухарский эмират - анахронические пережитки средневековья в регионе.

⁵² Переговоры происходили в Тегеране. Подписание договора имело место 9 сентября 1922 г. См. Bernard 2010. P. 9-11.

⁵³ Olivier-Utard 1997.

⁵⁴ Fenet 2010.

⁵⁵ Gorshenina, Rapin 2001. P. 54-55.

⁵⁶ Olivier-Utard 1997. P. 25.

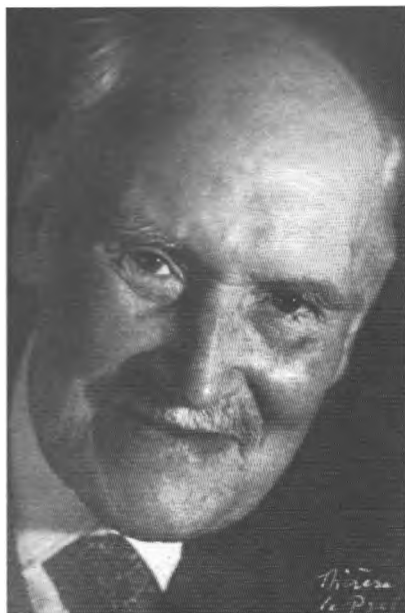

Рис. 2.

Директор *dafa* Альфред Фуше

Service de la propagande française. В многочисленных документах говорилось о том, что задачей всех заграничных учреждений Франции является распространение «по всему миру французских трудов и французского духа» и специально подчеркивалось: французские школы и научные учреждения должны стать «настоящими очагами пропаганды в пользу Франции, они представляют оружие в руках наших публичных властей»⁵⁷.

Таким образом, создание DAFA было политическим актом, который наложил свой отпечаток на ее деятельность, особенно в начале. Необходимо также подчеркнуть, что пост директора DAFA изначально имел свою дипломатическую составляющую. Директором DAFA был назначен выдающийся ученый Альфред Фуше⁵⁸ (Рис. 2), который прибыл в Кабул на год с лишним раньше, чем французский посол⁵⁹. В своей переписке с Министерством иностранных дел А. Фуше касается многих вопросов, далеко выходящих за пределы компетенции директора DAFA (политика других стран по отношению к Афганистану, проблемы возможностей торговли между Афганистаном и Францией и т.д.). Назначению А. Фуше на этот пост способствовали его личные дружеские отношения с рядом руководителей МИД Франции, среди которых было много выходцев из академических кругов⁶⁰.

Именно А. Фуше подписал от имени Франции договор о деятельности DAFA⁶¹, а также соглашение о французском лице⁶². Согласно этому договору, Франция получала монопольное право на проведение археологических исследований на территории Афганистана на период в 30 лет⁶³, выполняя таким образом практически обязанности Службы древностей страны⁶⁴. Одним из важных пунктов договора был пункт о разделе находок (по 50% каждой из сторон) между Афганистаном и Францией⁶⁵. Результатом этого стало создание прекрасной коллекции

⁵⁷ Olivier-Utard 1997. P. 25-26. Франция имела богатейший опыт использования своих зарубежных гуманитарных учреждений для своей пользы. Не углубляясь в проблему, отметим только широко известный факт относительно огромной роли, которую сыграла Французская школа в Афинах в вовлечении Греции в Первую мировую войну на стороне Антанты.

⁵⁸ См. Olivier-Utard 1997. P. 29-30. Альфред Фуше был крупнейшим во Франции специалистом по раннему буддийскому искусству, в частности по искусству Гандхары, которое тогда обычно называли греко-буддийским. Он несколько раз путешествовал по Индии (в последний раз в 1918-1921 гг.), был тесно связан с Археологической службой Индии (Archaeological Survey of India), в частности с ее руководителем Д. Маршаллом

(который, среди прочего, осуществлял раскопки Таксилы), выполнял ряд работ по договору с ней. А. Фуше еще в 1905 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную происхождению искусства Гандхары (см. Foucher 1905). В 1928 г. он был избран членом Академии надписей и изящной словесности. Аннотированная библиография его трудов см. Fenet 2009. P. 13-56.

⁵⁹ Любопытно отметить путь А. Фуше в Афганистан: Париж - Калькутта - Бомбей - Бушир - Шапур - Персеполь - Исфаган - Тегеран - Мешхед - Герат - Кабул (см. Fenet 2010. P. 42). Это путешествие продолжалось целый год, правда, иногда со значительными остановками. Так в Тегеране А. Фуше пробыл три месяца (см. Bernard 2010. P. 11).

⁶⁰ См. Fenet 2010. P. 43-50.

⁶¹ O1meг-Warб 1997. P. 35-37.

⁶² См. O1meг-Warб 1997. P. 33-35.

⁶³ Этот пункт не очень нравился А. Фуше, который был сторонником международной кооперации исследователей, но представители афганского правительства, не заинтересованные в увеличении числа иностранцев на территории страны, настояли на его включении в текст договора.

⁶⁴ Текст договора см. O1meг-Warб 1997. P. 38-39.

⁶⁵ В то время это была совершенно обычная признанная практика. Например, как справедливо указал П. Бернар, коллекция произведений искусства из Ура хранится в Британском музее; а находки из Вавилона - в Берлине; половина находок из раскопок в Дуре-Европос 20-30-ых годов находится в Йельском университете (США).

произведений искусства из Афганистана в Музее Гиме в Париже. Перед подписанием договор проходил своего рода апробацию со стороны ряда виднейших членов Совета старейшин. Любопытна реакция А. Фуше и на эту процедуру и на поведение ее участников. Он очень радовался невежеству ее участников. Благодаря ему [невежеству] - пишет он - «мы сильно обогатим наши музеи... мы счастливы, что старые советники не имеют никакого представления о рыночной стоимости греко-буддийских скульптур»⁶⁶.

Последствия политической роли DAFA были достаточно многообразны. Лучшим доказательством полезности Делегации стали бы сенсационные археологические открытия. При этом очень желательным было бы, чтобы эти открытия были сделаны на территории древней Бактрии. Вся политическая и научная элита Франции получала в это время классическое образование и, естественно, что в этой ситуации ее взоры обращались к Бактрии (особенно же к ее столице - Бактрам). поскольку именно эта древняя область была сценой важнейших исторических (и легендарных) событий⁶⁷. В частности, многие события времени похода Александра Македонского на Восток разворачивались именно в Бактрии и ее столице - Бактрах. Великий завоеватель провел в Средней Азии почти три года, сражаясь с непокорным местным населением. Интриговали также сообщения Полибия об осаде города армией селевкидского царя Антиоха III, длившейся два года, и окончившейся признанием со стороны Селевкида полной независимости Бактрии и царского титула ее правителя Евтидема. Добавляли интереса сообщения древних авторов о 1000 городов в Бактрии и о походах бактрийских греков в Индию и ее покорении ими. К этому набору исторических свидетельств добавлялись и легендарные: о походе царицы Семирамиды во главе ассирийской армии в Бактрию и ее покорении, а также о Бактрии как родине пророка Зороастра (Заратуштры). Относительно хорошо известные уже в это время прекрасно исполненные греко-бактрийские монеты давали пищу предположениям, что при первом же ударе лопаты бактрийская почва отдаст непревзойденные шедевры древнего искусства. Все эти вопросы обсуждались на самом высоком уровне. Когда в Сенате Французской республики рассматривался вопрос о финансировании Делегации, то одним из выступавших были произнесены следующие слова: «Афганское правительство дало нам драгоценные свидетельства своего особого дружеского расположения, разрешив господину Фуше предпринять исследования греко-буддийского искусства среди руин древней Бактрианы, где сохранились еще многочисленные следы походов Александра Великого и правителей македонской династии Селевкидов...»⁶⁸.

Эти слова отражали общее настроение всех тех лиц, которые были причастны к организации Делегации и определению планов ее работы. Этой же позиции придерживалась и специальная комиссия по раскопкам в Афганистане (составленная из представителей Министерства иностранных дел и Министерства просвещения), во главе которой стоял Э. Сенар (учитель А. Фуше)⁶⁹. Э. Сенар был в это время весьма

* См. Olivier-Utard 1997. P. 42.

⁶⁷ Подробнее см. Bernard 2009. P. 156-157.

⁶⁸ См. Fenet 2010. P.70.

⁶⁹ Об этой комиссии см. Olivier-Utard 1997. P. 44-45.

влиятельной фигурой во французских академических кругах. Он был президентом Азиатского общества, одним из руководителей Академии надписей и изящной словесности, членом Наблюдательного совета Музея Гиме, заседал в большом числе комитетов и комиссий, включая те, которые определяли деятельность французских зарубежных миссий⁷⁰. Кроме того, Э. Сенар был тесно связан с деятелями, определявшими политику Франции на Востоке, с деловыми кругами. Он, в частности, был одним из создателей Французской ассоциации друзей Востока⁷¹.

Эта комиссия упорно толкала А. Фуше в сторону Бактрии как объекта раскопок, руководствуясь именно теми соображениями, о которых мы писали выше - найти произведения греко-бактрийского искусства и, тем самым, высоко поднять престиж французской науки. А. Фуше же явно предпочитал район вокруг Кабула и в окрестностях Джелалабада. Его резоны были вполне очевидны. Этот район Афганистана был наиболее близок области Гандхара - древней стране, располагавшейся по обе стороны афгано-пакистанской (в то время - афгано-индийской) границы. Искусство ее было объектом его исследований на протяжении многих лет. Кроме того, он уже успел провести некоторые предварительные исследования, которые по его поручению продолжил А. Годар. Он также посетил Беграм, где некоторое время спустя французские археологи сделали блестящие открытия. Считается, что дискуссия по определению места раскопок была единственным за всю жизнь расхождением (иногда даже говорят о «кризисе») между Э. Сенаром и А. Фуше. Необходимо, правда, добавить, что иногда и А. Фуше проявлял энтузиазм в отношении Бактр. Так во время доклада в Симле перед высшими чинами английской администрации Индии, включая вице-короля, А. Фуше высказал предположение, что «колыбель греко-буддийского искусства нужно искать в руинах Бактр»⁷².

Сложность проблемы усугублялась еще и тем обстоятельством, что вставал вопрос об участии в раскопках А. Стейна, имевшего огромный опыт раскопок и прославившегося своими открытиями в Восточном Туркестане. Однако, эта мысль не нашла своего практического воплощения, и у Стейна, кажется, были основания для глубокой обиды («предательство тридцатилетней дружбы»). Однако в этом не было вины ни А. Фуше, ни его парижских руководителей. Видимо, непреодолимым препятствием стала позиция Афганского правительства, не желавшего допускать англичанина на северные рубежи государства⁷³.

Решения далекой парижской комиссии по раскопкам в Афганистане были совершенно недвусмысленны и А. Фуше вынужден был отправиться в далекую Бактрию⁷⁴. Для того, чтобы хоть как-то представить те условия, в которых проходила работа А. Фуше необходимо помнить, что Балх (Бактры) в это время - далекая окраина Афганистана. Бактрия для афганцев того времени все равно, что Камчатка для жителей России. Нормальных дорог в стране тогда еще не было и А. Фуше добирался до места раскопок верхом⁷⁵, а путь туда лежал, в том числе, и через перевалы Гиндукуша. Почта в Балх поступала редко и весьма не регулярно. Телефон и телеграф в Афганистане (не говоря

⁷⁰ Вот каким образом сам А. Фуше характеризовал эту сторону деятельности Э. Сенара в его некрологе: «именно его мы всегда находили у начала всех археологических миссий, которые в течение последних тридцати лет работали в Индии, Центральной Азии, в Китае или Афганистане. И все эти миссии были не только им инспирированы, организованы, профинансированы. Он постоянно следил за ними с глубоким интересом, который никогда не ослабевал: ни тогда, они [миссии] находились далеко и в пути, и после их возвращения - вплоть до публикации результатов» (Foucher 1928. P. 13).

⁷¹ См. Fenet 2010. P. 64-65.

⁷² Bernard 2010. P. 11.

⁷³ Bernard 2010. P. 20.

⁷⁴ Olivier-Utard 1997. P. 57-60.

⁷⁵ Как шутливо писал он в одном из писем в Париж: «я путешествовал верхом, поскольку вы забыли прислать мне самолет» (Fenet 2010. P. 102). Так как жена А. Фуше боялась ехать верхом, то для нее был приобретен «тахт-и раван» - своеобразный паланкин, который должны были нести специально обученные этому лошади. Саркастическое описание такого путешествия присутствует в дневнике А. Годара. См. Olivier-Utard 1997. P. 83-84.

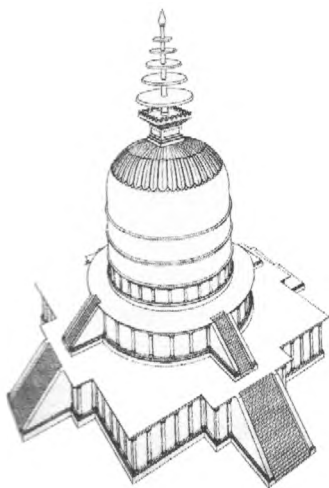

Рис. 3.

Тепе Рустам - буддийская ступа
к югу от Бактр

Рис. 4.

Бактры (космоснимок)

уже о Балхе) «практически не существовали» (выражение А. Фуше). Результатом этого были полуфантастические идеи относительно связей между А. Фуше и Э. Сенаром, которому А. Фуше писал регулярно письма-отчеты, через территорию СССР (с помощью их общего друга неперменного секретаря Академии наук С. Ольденбурга)⁷⁶.

Район раскопок к тому же отличался крайне нездоровым климатом. В этих условиях А. Фуше отправился в Бактры в ноябре 1923 г., начал раскопки в январе 1924 г., а закончил их в июле 1925 г. Сначала он исследовал Тепе Рустам - буддийскую ступу к югу от города, а затем объектом его раскопок стала цитадель древнего города⁷⁷ (Рис. 3). Выбор объектов для раскопок и последовательность в их раскопках определялись следующими соображениями. Тепе Рустам избиралась для первоочередных работ, как объект наиболее близкий по своему характеру тем памятникам, с которыми А. Фуше уже имел дело ранее. Тепе Рустам было для него своеобразным полигоном, на котором он оттачивал методику раскопок. Основное же время исследований было посвящено Арку (цитадели) Бактр (Рис. 4). А. Фуше исходил из того, что при всех режимах именно там должны находиться основные центры власти с характерными для них зданиями общественного назначения, храмами, наконец, казармами⁷⁸. Именно здесь в первую очередь надо было искать памятники древнего искусства, созданного греками Бактрии.

Однако этот исследовательский проект окончился полным провалом. По выражению одного из коллег А. Фуше - это было «интегральное фиаско»⁷⁹. Несколько месяцев раскопок привели А. Фуше только на уровень тимуридской эпохи. Ничего похожего на произведения искусства греческих колоннов, осевших в Бактрии, найдено не было. А. Фуше из персональной неудачи сделал глобальный вывод об отсутствии такого искусства вообще, он употребил ставшее популярным выражение «греко-бактрийский мираж»⁸⁰. Позднее он писал по этому поводу: «Этот первый осуществленный эксперимент показал, с нашей точки зрения, что Бактриана должна отказаться от своих претензий (еще поддерживаемых некоторыми сторонниками) быть колыбелью

⁷⁶ Fenet 2010. P. 40.

⁷⁷ Изложение результатов исследований см. Foucher A. avec la coll. de Bazin-Foucher E. 1942. P. 55-121.

⁷⁸ Основную идею и методы раскопок резко критиковал М. Уилер. См. Wheeler 1954. P. 116.

⁷⁹ Выражение С. Леви в его письме, адресованном С. Ольденбургу. См. Vongard-Levin, Lardinois, Vigasin 2002. P. 143; Bernard 2009. P. 155.

⁸⁰ Позднее целый ряд авторов стал употреблять несколько измененное выражение - «бактрийский мираж».

Рис. 5.
Шурф на цитадели Бактр (март 1925 г.)

греко-буддийского искусства. В этом отношении Гандхара имеет преимущество»⁸¹.

Естественным будет поставить вопрос о причинах этой неудачи. Наиболее глубоко этот вопрос изучил П. Бернар, которому мы следуем (с некоторыми оговорками). Причины необходимо разделить на субъективные, которые при иной постановке дела могли и не оказывать разрушительного действия, и объективные, проистекающие из самих особенностей эпохи и поэтому непреодолимые в это время.

К числу первых относится невероятный в наше время факт - у А. Фуше совершенно не было сотрудников, кроме его собственной жены⁸². Особенно тяжело сказывалось отсутствие архитектора. Приезд на короткое время А. Годара, естественно, не очень помог делу. Афганское правительство выделило А. Фуше четырех солдат для охраны, которых он использовал и как бригадиров рабочих-землекопов (Рис. 5). Однако, после приезда (также на короткий срок) Ж. Акэна, двоих из них пришлось отправить вместе с ним в Кабул. Вслед за ними последовал и переводчик. Отныне его функции выполняла жена А. Фуше. В экспедиции совершенно отсутствовали всякие средства механизации. Чрезвычайно популярные в это время во всех экспедициях вагонетки «бесаш/Ше» также не применялись во время работ в Бактрах, да и доставить их (вместе с рельсами), если бы они были приобретены⁸³, не было никакой возможности.

Это проблемы субъективные, которые при иной организации дела можно было бы устранить.

Особое место занимает проблема самого начальника экспедиции. А. Фуше в некоторых отношениях был весьма подходящей фигурой для этого поста, являясь крупнейшим во Франции специалистом по искусству Гандхары, многократно посещавшим раскопки, которые проводились в этом регионе⁸⁴. Когда его избирали, у руководителей, решавших этот вопрос, представление о том, что такое раскопки, явно оставалось на достаточно примитивном уровне. Раскопки, с их точки зрения, это процесс, единственной целью которого является извлечение из земли произведений искусства, хотя в это время уже в археологии родились и укреплялись много более современные представления о том, каковы должны быть научные раскопки.

У А. Фуше имелся и явный недостаток - у него совершенно отсутствовал личный опыт раскопок. Оказаться один на один с таким сложнейшим памятником, как древние Бактры, не имея до этого никакого опыта - это действительно трагедия для руководителя раскопок.

П. Бернар убедительно указал еще на одно (видимо, решающее) препятствие, которое А. Фуше, естественно, преодолеть не мог⁸⁵. Речь идет о своеобразии общего уровня археологии того времени. А. Фуше не мог сравнить свои материалы с тем, что найдено в других раскопках. Тогда, естественно, не существовали еще большие советские археологические экспедиции в Средней Азии, начавшие свои исследования в конце 30-ых, а главным образом с конца 40-ых годов XX в., соответственно, ни один из среднеазиатских кушанских или буддийских

⁸¹ Foucher 1927. P. 122.

⁸² Планируя работы в Бактрах, А. Фуше предполагал, что в составе экспедиции будет 8 специалистов. См. Olivier-Utard 1997. P. 42. П. Бернар, имеющий огромный опыт полевых работ, особо подчеркивал этот недостаток: невозможность каждодневного общения с коллегами для обсуждения постоянно возникающих в ходе раскопок проблем.

⁸³ Весьма маловероятно, учитывая тот тяжелый финансовый кризис, в котором находилась в это время Франция.

⁸⁴ См. Fenet 2010. С. 43.

⁸⁵ Bernard 2009. P. 199-200.

-амятников еще не был известен (ни Термез, ни Айртам, ни Дальверзин, ни Аджина-тепе). Изучение живописи и скульптуры Баминана только начиналось⁸⁶. То же самое можно сказать и о соседних территориях. В Иране раскопки Персеполя под руководством Э. Герцфельда начнутся только в 1931 г. На территории французского мандата в Сирии (и Ливане) Служба древностей, во главе которой находился А. Сейриг (а заместителем у него был Д. Шлюмберже), только еще создавалась и раскопки в Пальмире только планировались. Соответственно, ничего не было известно о тех произведениях искусства, которые были позднее изучены и позволили понять генезис искусства эллинистического Востока. Дура-Европос еще оставалась не затронутой раскопками. Даже материалы Таксилы, которую А. Фуше многократно посещал и раскопками которой руководил его друг Д. Маршалл, были далеки от понимания, поскольку окончательный отчет о раскопках был опубликован только в 1951 г. Что касается эллинистического искусства Средней Азии, то исследователям в это время были знакомы только монеты греко-бактрийских и индо-греческих правителей. Не мог А. Фуше, естественно, видеть такие выдающиеся создания кушанских архитекторов, как династийный храм в Сурх-Котале и многое-многое другое. Еще более важно то, что он даже не подозревал об истинно греческом городе на берегах Окса - Ай Ханум. Одним словом, А. Фуше находился в информационной изоляции, и выхода из нее для него не было.

Подводя итог, мы должны будем признать, что раскопки ОАБА в Бактрах так, как они планировались и осуществлялись, были изначально обречены на неудачу. Наименьшая вина в этом лежит на А. Фуше, наибольшая - на академических и бюрократических кругах, чье романтическое, не основанное на реальном знании, представление о Средней Азии и ретроградное понимание раскопок только как действия, направленного на извлечении из земли художественных ценностей, поставили А. Фуше в тяжелейшую ситуацию. Его собственные планы и намерения были много более реалистичны (хотя и они не были последовательны), но им не дали возможности осуществиться.

Бактры и позднее продолжали привлекать постоянное внимание исследователей. Д. Шлюмберже, став директором ОАБА, почти сразу же организовал здесь раскопки⁸⁷, материалы которых дали возможность сделать некоторые выводы как исторического, так и археологического порядка⁸⁸. Позднее здесь копал молодой американский археолог Р.С. Янг (будущий исследователь Гордиона)⁸⁹. Но только много лет спустя французские археологи из Новой РАБА (о которой мы подробнее будем говорить ниже) смогли провести здесь масштабные раскопки и выявить слои ахеменидского времени у входа в Арк и найти фрагменты монументальной архитектуры явно греко-бактрийского времени⁹⁰. Но, как говорится, это - уже совсем другая история.

⁸⁶ П. Бернар указывал, что первая публикация по этой проблеме появилась только в 1928 г. См. Godard A. et Y., et Hackin, 1928.

⁸⁷ Schlumberger 1946. P. 169-177; Schlumberger 1949. P. 173-190.

⁸⁸ Le Berre. Schlumberger 1964. P. 61-105; Gardin 1957.

⁸⁹ Young 1955. P. 267-276.

⁹⁰ Bernard, Besenval, Jarrige 2002. P. 1385-1428; Bernard, Besenval, Marquis 2006. P. 1217-1229; Besenval, Marquis. 2008. P. ; Besenval, Marquis, Mougne 2009. P.211 -242.

ЛИТЕРАТУРА

Bernard P. L'œuvre de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922-1982) // CRAI. 2002. P. 1287-1327.

Bernard P. Alfred Foucher archéologue: les fouilles de la Délégation archéologique française en Afghanistan à Bactres (1923 - 1925) // Bouddhisme d'Asie. Monuments et literatures. Journée d'étude en hommage à Alfred Foucher (1865-1952) réunie le 14 décembre 2007 à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (palais de l'Institut de France). Recueil édité par P.-S. Filliozat et J. Leclant. Paris, 2009. P. 153-210.

Bernard P. Avant-propos // Fenet A. Documents d'archéologie militante. La mission Foucher en Afghanistan (1922-1925). Paris, 2010. P. 7-24.

Bernard P, Besenval R., Jarrige J.-Fr. Carnet de route d'un voyage sur les sites archéologiques de la Bactriane afghane (mai 2002) // CRAI. 2002. P. 1385-1428.

Bernard P, Besenval R., Marquis P. Du "mirage bactrien" aux réalités archéologiques: nouvelles fouilles de la Délégation archéologique française en Afghanistan (DAFA) à Bactres (2004-2005) // CRAI. 2006. P. 1217-1229.

Besenval R., Marquis P. Les recherches de la Délégation archéologique française en Afghanistan (DAFA): résultats des campagnes de l'automne 2007 - printemps 2008 // CRAI. 2008. P.

Besenval R., Marquis P, Mougne P. Le rêve accompli d'Alfred Foucher à Bactres. Premiers résultats des campagnes menées depuis 2004 par la Délégation archéologique française en Afghanistan et la Mission archéologique française en Bactriane d'Afghanistan en collaboration avec l'Institut afghan d'Archéologie // Bouddhisme d'Asie. Monuments et literatures. Journée d'étude en hommage à Alfred Foucher (1865-1952) réunie le 14 décembre 2007 à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (palais de l'Institut de France). Recueil édité par P.-S. Filliozat et J. Leclant. Paris, 2009. P. 211 - 242.

Bongard-Levin G., Lardinois R., Vigan A. Correspondences orientalistes entre Paris et Saint-Petersbourg (1887-1935). Paris, 2002.

Fenet A. L'œuvre écrite d'Alfred Foucher et d'Eugénie Bazin-Foucher. Bibliographies inédites et commentées // Bouddhisme d'Asie. Monuments et literatures. Journée d'étude en hommage à Alfred Foucher (1865-1952) réunie le 14 décembre 2007 à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (palais de l'Institut de France). Recueil édité par P.-S. Filliozat et J. Leclant. Paris, 2009. P. 13-56.

Fenet A. Documents d'archéologie militante. La mission Foucher en Afghanistan (1922-1925). Paris, 2010.

Foucher A. L'Art gréco-bouddhique du Gandhara. Étude sur les origines de l'influence classique dans l'art bouddhique de l'Inde et de l'Extrême-Orient. T. I. Introduction. Les édifices. Les bas-reliefs. Paris, 1905.

Foucher A. La Délégation archéologique française en Afghanistan (octobre 1922 - novembre 1925) // CRAI. 1927. P. 117-123.

Foucher A. Émile Senart // Journal asiatique. CCXXII. 1928. P. 5-18.

Foucher A. avec la coll. de Bazin-Foucher E. La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila. Vol. I. Paris, 1942.

Gardin J.-C. Céramiques de Bactres (MDAFA. T. XV). Paris, 1957.

Godard A. et Y, Hackin J. Les antiquités bouddhiques de Bamiyan (Mémoire de DAFA, II). Paris, 1928.

Gorshenina S., Rapin Cl. De Kaboul à Samarcande. Les archéologues en Asie Centrale. Paris, 2001.

Olivier-Utard F. Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922 -1982). Paris, 1997.

Le Berre M., Schlumberger D., Observation sur les remparts de Bactres // Dagens B., Le Berre M., Schlumberger D. Monuments préislamiques d'Afghanistan (MDAFA. T. XIX). Paris. 1964. P. 61-105.

Schlumberger D. Rapport sur une mission en Afghanistan // CRAI. 1946. P. 169-177.

Schlumberger D. La prospection archéologique de Bactres (printemps 1947). Rapport sommaire // Syria. XXVI. 1949. P. 173-190.

Wheeler M. Archaeology from the earth. Oxford, 1954.

Young R.S. The South Wall of Balkh-Bactres // AJA. Vol. 59. Fasc. 4. 1955. P. 267-276.

§ 2. Переходный период (от А. Фуше до Д. Шлюмберже)

Отъезд А. Фуше на родину, естественно, не означал прекращения деятельности ОАРА. Исследования продолжались, и они достаточно часто давали сенсационные результаты, на которые и рассчитывали в МИД Франции. Первоначально наибольший резонанс вызвали раскопки в Хадде, осуществленные под руководством Ж. Барту. Он был послан в Афганистан Комиссией по раскопкам в Афганистане для помощи А. Фуше, но вследствие скорого отъезда последнего (А. Фуше спешил, поскольку он должен был открывать Франко-японский дом в Токио) они не смогли встретиться. Фуше оставил Барту определенные инструкции, но тот не чувствовал себя очень стесненным ими и начал исследовательские работы по своему разумению. Правда, он соблюдал принципы иерархии, и все отчеты посылал в первую очередь А. Фуше как Директору РАБА.

Ж. Барту посетил Бамиан, Андерабад, Ханабад, Кундуз, Балх, Кандагар, Газни, ряд мест в Систане. Им также было отмечено городище Ай Ханум, которое он называл «фортом», и в окрестностях которого он зафиксировал (как он полагал) некрополь «персеполитанского типа»⁹¹.

Небольшие по масштабам раскопки он провел в Пайтаве и Беграме, но главным объектом приложения его сил стала Хадда - городище, расположенное в юго-восточной части Афганистана, недалеко от Хайберского прохода, в 10 км от Джелалабада. Исследования здесь продолжались (с перерывами) три года и дали исключительно богатые результаты⁹². Одной из главных причин выбора именно этого места в качестве объекта исследований состояла в том, что здесь уже проводились некоторые исследования А. Годаром, а затем осуществлялись незаконные раскопки.

Эти раскопки Ж. Барту показательны в ряде отношений. Прежде всего, они продемонстрировали враждебность местного населения к исследованиям, особенно исследованиям, проводимым иностранцами. Очень характерный эпизод произошел буквально через несколько дней после их начала (в феврале 1926 г). Уже после первых дней работ было обнаружено более 30 скульптур и ступа (со скульптурным декором). Затем число находок резко возросло. Но потом произошел эпизод, который освещен в письме-донесении Ж. Барту послу Франции: «С сожалением сообщаю, что мои раскопки в Хадде были полностью разрушены утром 5-го, перед моим прибытием на место раскопок. Этот акт вандализма является результатом деятельности местных мулл, которым помогала часть населения, привлеченная этим зрелищем»⁹³. Выводы из этого эпизода посольство делало самые серьезные. В телеграмме, адресованной в МИД Франции, посол ставил вопрос о полном прекращении деятельности РАБА. Он считал, что правительство Афганистана побоялся вступить в конфликт с местным духовенством и поэтому «наши впечатления относительно будущей судьбы миссии самые плохие»⁹⁴.

Однако действия афганских властей были решительными, поскольку правительство хотело показать, что никакие препятствия не

⁹¹ O1mer-11ar6 1997. P. 94-95.

⁹² Раскопки этого памятника были возобновлены позднее (см. ниже). Считается, что всего здесь было найдено более 27 тысяч произведений искусства, главным образом скульптур, выполненных как из глины, так и из ганча.

⁹³ O1mer-Шарб 1997. P. 92-93.

⁹⁴ O1mer-Шарб 1997. P. 93.

позволят свернуть с пути реформ. Муллы - зачинщики беспорядков - были немедленно сосланы на север, шестеро из наиболее активных разрушителей были арестованы и закованы в кандалы. Все они были судимы, и каждый из них был приговорен к штрафу в 2000 кабульских рупий. Для возмещения этого штрафа имущество осужденных было конфисковано и продано с торгов. Кроме того, была развернута «разъяснительная работа» среди местного населения. Крестьянам объясняли, что Хадда (местный святой), могила которого находилась неподалеку, явился во сне министру иностранных дел и объявил ему, что он хочет, чтобы были осуществлены эти раскопки.

Другое важное, с нашей точки зрения, обстоятельство состояло в том, что снова во главе экспедиции, проводящей раскопки, оказывается человек, не имеющий никакого опыта в этом. Ж. Барту не был ни археологом, ни историком, он был геологом, получившим (в 1922 г.) свою ученую степень по геологии северной Африки. До этого назначения он работал директором Геологического института в Марокко. Хотя в документах Комиссии по раскопкам он определялся как архитектор, таковым он ни в коей мере не был⁹⁵.

Снова, как и в случае с А. Фуше, руководитель экспедиции оказался на раскопе один, совершенно без помощников. В то же самое время в его распоряжении было 200 рабочих-землекопов, разделенных на 30 бригад. Рабочий день продолжался от 14 до 16 часов. Ж. Барту непрерывно курсировал между раскопами, но в результате из каждого часа мог уделить каждой из бригад только 2 минуты.

К этим обстоятельствам необходимо также добавить еще одно негативное обстоятельство - отсутствие поддержки со стороны посольства Франции. Генеральному секретарю МИД Ф. Вертело (который в это время являлся главным защитником интересов ОАБА в рамках министерства) пришлось лично вмешаться, чтобы добиться этой поддержки.

Очень большие сложности встали при разделе находок и отправлении французской доли в Европу. Поскольку раскопки А. Фуше не дали материалов, которые надо было делить, а работы Ж. Акэна в этом отношении не показательны (он сумел привлечь к разделу находок самого эмира, который ему благоволил), то раскопки Ж. Барту впервые поставили эту проблему как обыденную практику. Афганские власти, впервые столкнувшиеся с этим вопросом, естественно, не очень отчетливо осознавали сущность процедуры. Характерен эпизод, сообщаемый Ж. Барту в одном из писем: министр народного просвещения Афганистана во время пребывания в Хадде хотел получить не только все находки, но также и всю документацию (планы, рисунки, фотографии, заметки и т.д.). Поскольку попытки Ж. Барту опереться на соглашение относительно создания и роли ~~ДАФА~~ были отвергнуты, то последний «предложил передать решение этого вопроса ближайшему археологическому конгрессу». Это предложение... «его (министра) заставило задуматься, тем более что он перепутал конгресс археологов с конгрессом Лиги наций»⁹⁶. Конечно, Ж. Барту в этом рассказе несколько утрировал ситуацию, но различного рода коллизии подобного типа

⁹⁵ Oimer-Шарс11997. P. 92.

⁹¹⁵ Oimer-Шарс11997. P. 99.

были в это время совершенно неизбежны. Свои сложности возникали и при упаковке находок (дерево, которое использовалось для ящиков, было очень дорого в Афганистане) и на таможне.

Публикации результатов раскопок Ж. Барту полностью отражала характер его работ⁹⁷. Раздел находок позволил создать в Париже, в Музее Гиме большой специальный зал со скульптурой из Хадды⁹⁸. Хотя, как мы видели, Ж. Барту жаловался на неуступчивость афганцев, в конечном счете, в Париже оказалось примерно 90% скульптур, полученных при раскопках Хадды. Их было так много, что значительное число скульптур было передано зарубежным музеям: Музею в Стамбуле - 4 артефакта и затем еще 7, Королевскому музею Бельгии - 25, Британскому музею - 20, Музею Великого герцогства Люксембург - 20, Музею Йельского университета - 20, Музею города Канзас-сити (США) - 18, Музею города Буффало (США) - 10, Буддийскому институту Пномпеня (Камбоджа) - 13, Музею Таиланда - 20. В послевоенное время находки из Хадды посылались в Токио⁹⁹.

Ф. Оливье-Утар, признавая заслугу Ж. Барту в обогащении Музея Гиме в Париже замечательной коллекцией произведений искусства, полученных в Хадде¹⁰⁰, вместе с тем несколько уклончиво определяет опубликованные отчеты как «чисто технические», справедливо указывая на то, что основной отчет (предполагаемый пятый том МБАБА) так никогда и не появился. Добавим от себя - он никогда и не мог появиться. При том характере работ у Ж. Барту просто физически не могло быть времени (да и профессионально он не был готов), чтобы фиксировать, например, стратиграфические условия нахождения различных произведений искусства.

В результате мы имеем достаточно большую коллекцию скульптуры, которая вся целиком датируется обычно первыми веками н.э. Критерии выделения периодов чисто субъективные, зависящие полностью от представлений каждого конкретного исследователя. Объективные критерии утрачены вследствие самого характера раскопок. Таким образом, Хадда этой эпохи дала науке далеко не все, что она могла дать. Наименьшая вина в этом падает на самого Ж. Барту, который работал буквально «на износ», не жалея ни времени, ни сил, ни здоровья. Основная вина - на парижских руководящих кругах, снова пославших абсолютно не подготовленного человека для работы в сложнейших условиях. Причина же этого состояла в том, что и в середине 20-х годов XX века эти руководители все еще жили старыми представлениями - для них археологические раскопки, как уже говорилось, - это был только процесс извлечения из земли произведений древнего искусства.

Необходимо отметить, что некоторые артефакты, которые упоминаются в переписке, в дальнейшем бесследно исчезают. Мы не имеем в виду те артефакты, которые позднее погибли в Кабульском музее или на месте в результате варварства талибов. Мы имеем в виду находки, отправленные во Францию. Так, в переписке упоминаются буддийские рукописи из Хадды, но никаких следов их не сохранилось.

⁹⁷ См. ВаПбоих 1930; ВаПбоих 1933.

⁹⁸ Oitèr-Шарс1 1997. P. 105. Отметим реакцию А. Фуше на эту коллекцию: «доминирующее впечатление, которое остается у посетителей музея Гиме, - это значительная и прекрасная коллекция фигур, выполненных из гипса, полученных в результате раскопок господина Жюля Барту. Они поражают разнообразием типов и стилей: одни - от прекрасного идеала до гротеска, другие - греко-римские и романские и даже готические. Они включают и все промежуточные манеры и нюансы... Огромная серия орант, воинов, атлантов и демонов...» (Oitèr-1Лагб 1997. P. 109-110).

⁹⁹ См. Тара 1996. P. 596.

¹⁰⁰ Одновременно обогащался и Кабульский музей, хотя и не в такой степени (см. ниже).

Рис. 6.
Директор DAFA Жозеф Акэн

Самая яркая страница в довоенных работах ОАБА связана с именем Ж. Акэна¹⁰¹ [Рис. 6]. Принципиально важным в его деятельности было расширение круга научных сотрудников, принимающих участие в исследованиях. Помимо жены (его бывшей студентки), архитектора Ж. Карла, который сотрудничал с Ж. Акэном с 1928 г., в полевых работах участвовали Ж. Мюнье и очень молодой тогда Р. Гиршман. Ж. Акэн приобрел для ОАРА два небольших автомобиля и автомобиль-вездеход, что резко повысило мобильность экспедиции.

Ж. Акэн осуществил исследования в ряде пунктов. Особенно важны его работы в Хайр-хане¹⁰² *, БамианеTM, Шотораке (здесь исследовался небольшой буддийский монастырь)¹⁰⁴, Фундукистане (буддийский монастырь VII в. н.э.)¹⁰⁵. Впервые были произведены небольшие раскопки в афганском Систане: в Тар-о-Сар и Закер-тепе¹⁰⁶. Особенно же важными и привлекательными стали великолепные находки, сделанные в Беграме¹⁰⁷. Здесь в двух помещениях (№ 10 и № 13) здания, обычно называемого дворцом, были найдены артефакты, происходящие из античного Средиземноморья, Индии и Китая. Среди средиземноморских находок надо отметить роскошные стеклянные сосуды, бронзовые статуэтки, большое число гипсовых отливок, которые должны были служить моделями для местного производства произведений искусства¹⁰⁸ [Рис. 7, 8, 9, 10]. Индия была представлена замечательной резной слоновой костью¹⁰⁹ [Рис. 11, 12], Китай - лаками¹¹⁰. До сих пор нет единого мнения относительно того, какие обстоятельства привели к тому, что в едином комплексе были объединены столь разнородные и столь различающиеся по своей ценности предметы. Высказывалось предположение, что здание представляло собой дворцовую сокровищницу

¹⁰¹ Акэн Жозеф - родился в 1886 г. в Люксембурге, учился во Франции, в 1907 г. стал секретарем известного промышленника и мецената Э. Гиме, создавшего музей восточного искусства, ныне носящий его имя. В 1912 г. Ж. Акэн получил французское гражданство, а в следующем году стал заместителем хранителя Музея Гиме. В 1914 г., в начале Первой мировой войны, был мобилизован как рядовой, за время войны был 3 раза ранен, закончил войну лейтенантом, получил ряд наград. Вернулся в Музей, стал его хранителем, а затем - директором. Защитил докторскую степень, преподавал в Школе высших исследований и Школе Лувра. Его полевая деятельность была связана, прежде всего, с Афганистаном, где первый раз он побывал в 1923 г. (еще при А. Фуше). Он сумел установить очень хорошие отношения с афганскими лицами, отвечавшими за

археологию, и даже эмиром, что очень облегчало исследования. Во время гражданской войны в Афганистане в 1929 г. находился в Герате и Кабуле. Награжден французским правительством «за защиту интересов Франции», также получил награду и от Надир-шаха. Женился на своей бывшей студентке, которую обычно называли Рия (сокращение от Мария), ставшую его ближайшим сотрудником. Другим постоянным сотрудником был архитектор Ж. Карл. В 1934 г. Ж. Акэн был назначен директором ОАРА. С началом Второй мировой войны вновь мобилизован. Одним из самых первых (еще 18 июня 1940 г.) откликнулся на призыв генерала де Голля продолжить борьбу. Прекратив деятельность ОАРА, прибыл в Бейрут, а оттуда - в Лондон, где выполнял обязанности по связям «Свободной Франции» с различными странами и международными организациями. Был

назначен де Голлем представителем «Свободной Франции» в Индии. В феврале 1941 г. отбыл вместе с женой на корабле, который был торпедирован немецкой подводной лодкой. Его (и его жены) гибель очень тяжело действовала на преданного им Ж. Карла, который покончил с собой.

¹⁰² Hackin 1936.

¹⁰³ Hackin 1933.

¹⁰⁴ Meunier 1942. Достаточно полная библиография см. Ball-Gardin T. I. P. 254-255 (№ 1088).

¹⁰⁵ Hackin 1959. P. 49-58. Достаточно полная библиография см. Ball-Gardin T. I. P. 100-101 (№ 332).

¹⁰⁶ Hackin 1959.

¹⁰⁷ Hackin 1939; Hackin 1954. Достаточно полная библиография см. Ball-Gardin T. I. P. 54-57 (№ 122).

¹⁰⁸ Kurz 1954. P. 89-150.

¹⁰⁹ Stern 1954. P. 17-54.

¹¹⁰ Elisséeff 1954. P. 151-156.

Рис. 7.
Беграм. Стакан с росписью

Рис. 8.
Беграм. Ваза со змеиным декором

или склад товаров. Некоторые исследователи полагали, что это были сокровища казны, укрытые в преддверии Сасанидского нашествия и т. д. Для решения вопроса о назначении этой «коллекции» особое значение имеет дата производства артефактов, входящих в нее. Кажется, можно считать доказанным, что те оригинальные предметы, с которых были сделаны гипсовые отливки, датируются I в. н.э.¹¹¹.

¹¹¹ Поопределению О. Курца, они могут быть несколько более ранними, но ни в коем случае не более поздними. См. Kurz 1954. P. 145.

Рис. 9.
Беграм. Бронзовая статуэтка
Сералиса-Геракла

Рис. 10.
Беграм. Гипсовые отливки
(медальоны)

¹¹² В. Елисеев дает даже более точную дату - между 40 и 50 гг. н.э. См. Elisséeff 1954. P. 155.

¹¹³ Pirazzoli-T'Serstevens 2001. P. 473-484.

¹¹⁴ Всего было зафиксировано 180 стеклянных сосудов (многие были представлены только фрагментами). Первоначально один сосуд из горного хрусталя был ошибочно определен как стеклянный.

¹¹⁵ Menninger 1996.

Китайские лаки не могут быть датированы временем более поздним, чем I в. н.э. - таков был вывод изучавшего эту категорию находок В. Елисеева¹¹². Современные исследования этих предметов привели к выводу, что В. Елисеев был прав, как в отношении даты, так и происхождения этих предметов. Они также дали некоторую дополнительную информацию: лаки были произведены в государственной мастерской, расположенной в провинции Сычуань, они должны быть датированы временем не позднее середины I в. н.э. Данные артефакты принадлежат к числу предметов роскоши и должны были служить, вероятнее всего, престижными подарками, предназначенными для союзников, или «ответом» на подарки подчиненных лиц¹¹³.

Очень много внимания в науке уделялось с того времени стеклянным сосудам¹¹⁴, которые, по почти единодушному мнению исследователей, были произведены где-то в Средиземноморье. Однако все еще оставались определенные сомнения. В частности, было высказано предположение, что сюда была доставлена «сырая» стеклянная масса и сами сосуды были произведены на месте. Важнейшее значение для понимания этой проблемы имела монография М. Меннингера¹¹⁵. Все последующие исследователи, в частности, пользовались разработанной им типологической схемой. Химические и технологические исследования показали, что, согласно мнению Д. Уайтхауза, из 13 стилистических групп все, кроме одной относятся к числу продукции, созданной

Рис. 11.
Беграм. Рельефная пластина с дворцовой сценой

в пределах Римской империи. Только небольшая часть сосудов произведена на Востоке, но это вполне объяснимо. «Перипл Эритрейского моря» прямо свидетельствует об импорте стеклянной массы на территорию Индии. Что же касается датировки этих сосудов, то подавляющая часть их была произведена в пределах I - начала II вв. н.э. Только очень малый процент сосудов некоторыми исследователями относится к более позднему времени, в частности, к началу III в. н.э., но они столь редки, что вполне возможно, что эти датировки являются результатом пробелов в наших знаниях¹¹⁶. С выводами Д. Уайтхауса, в общем, согласны и другие исследователи - все сосуды бесспорно были произведены в Средиземноморье, вероятнее всего на сиро-финикийском побережье. Только очень небольшая часть их могла быть несколько переделана на месте, в Беграме¹¹⁷. Новые исследования резных костяных изделий твердо показали, что они не могут быть позднее, нежели I в. н.э.¹¹⁸.

Вопрос о времени «сокрытия» этого «клада» считается по-прежнему дискуссионным. Предлагаемые датировки - от I н.э.¹¹⁹ до начала III вв. н.э.¹²⁰.

Упомянутый выше памятник Хайр-хане представлял собой новый тип объекта, не встречавшегося ранее на территории Афганистана. - шиваитский храм, видимо, гуптского времени.

Очень показательны в некоторых отношениях были работы в Баниане, где понадобилось вмешательство эмира, чтобы позволить сотрудникам DAFA исследовать пещерные комплексы²¹. Но в 1936 г. афганцы отказали DAFA в возобновлении работ в Хадде²².

Сложности, однако, были очень велики. Одной из них было отсутствие взаимопонимания между посольством Франции и DAFA. Посол Барбье постоянно пытался обвинить Ж. Акэна в различных нарушениях - оавил. Одно из донесений представляет настоящий памфлет, в котором Ж. Акэн-одна из главных мишеней, наряду с «... революционерами,

Рис. 12.
Беграм. Двустороннее изображение всадника на львином грифоне

¹¹⁶ Whitehouse 2001. P. 437-449.

¹¹⁷ Dussubieux. Gratuze 2001. P. 451-472; Dussubieux. Gratuze 2003. P. 315-323.

¹¹⁸ Mehendale 2001. P. 485-514.

¹¹⁹ Таково мнение Д. Уайтхауса (Whitehouse 2001. P. 437-449).

¹²⁰ См. Bopéarchchi O. 2001. С. 411 -435; Mac Dawall, Taddei 1978. P. 257-258.

²¹ Olivier-Utard 1997. P. 114-116.

²² Olivier-Utard 1997. P. 116.

евреями, Советами, Народным фронтом и путешественниками вокруг земного шара на велосипедах»¹²³. Акэн же указывал, что все иностранные дипломаты побывали на раскопках ОАБА в Беграме, и единственный, кто там не был - это посол Франции.

В последнее время достаточно отчетливо проявилась тенденция всячески умалять значение деятельности Ж. Акэна. В частности, эта тенденция видна в книге Ф. Оливье-Утар. Она, в частности, пишет: «Изучать труды Жозефа Акэна сейчас - это или усиливать миф, создавшийся вокруг него, или рисковать впасть в иконоборчество»¹²⁴. Судя по дальнейшему изложению, второй вариант для нее предпочтительнее. Она цитирует длинное письмо тогдашнего посла Франции, в котором дается весьма жесткая критика методов раскопок Ж. Акэна, но письмо, прежде всего, показывает, что посол в раскопках ничего не понимал. Точно также в поддержку своей позиции она привлекает частное письмо Д. Шлюмберже. В нем Ж. Акэн подвергается достаточно суровой критике, но заканчивается оно весьма показательно: «я стараюсь подражать ему»¹²⁵. Тем не менее, Ф. Оливье-Утар оценивает деятельность Ж. Акэна весьма сурово. Он объявляется антикваром. Его, по словам исследовательницы, не интересовала история общества, в его раскопках не было плановости, он не интересовался распространением буддизма в Азии, но только распространением буддийского искусства, он не думал о составлении археологической карты Афганистана.

Если внимательно вдуматься в эти обвинения, то неизбежно приходишь к выводу, что к ученому, работавшему в 30-ые годы прошлого века, прилагаются критерии, которым не отвечают и многие современные археологи. Человека, изучающего один из аспектов культуры общества, нельзя обвинять в том, что он не исследует другие аспекты. Почему нужно думать, что распространение буддийского искусства представляет нечто иное, нежели распространение буддизма вообще? Почему вершиной археологической исследовательской деятельности считается составление археологической карты? Почему все остальные виды археологических работ должны уступать место этому одному виду? Можно задать еще много вопросов Ф. Оливье-Утар, но и без того ясно, что пафос иконоборчества явно перевесил стремление к объективной оценке деятельности Ж. Акэна и его сотрудников.

Самый сложный период в истории ОАРА, естественно, наступил после поражения Франции в 1940 г. Ж. Акэн покинул пост Директора. Временно руководил работами ОАРА Р. Гиршман (оставаясь в то же время руководителем раскопок в Иране). Чтобы лучше оценить его деятельность, необходимо помнить об особых обстоятельствах ситуации в Афганистане в это время. Хотя официально правительство Франции соблюдало нейтралитет, тайные его симпатии были на стороне Германии. Р. Гиршман принял временное руководство ОАРА, предложенное ему вишистским правительством, хотя уже тогда примкнул к движению «Свободная Франция». Позднее он объяснял свой поступок «желанием спасти ОАРА»¹²⁶. Результаты работ Р. Гиршмана хорошо известны, в частности он продолжил исследования Беграма.

¹²³ Whitehouse 2001. P. 437-449.

¹²⁴ Dussubieux, Gratuze 2001. P. 451-472; Dussubieux, Gratuze 2003. P. 315-323.

¹²⁵ Mehendale 2001. P. 485-514.

¹²⁶ Таково мнение Д. Уайтхауса (Whitehouse 2001. P. 437-449).

¹²⁷ См. Bopéarchchi O. 2001. С. 411-435; Mac Dawall, Taddei 1978. P. 257-258.

¹²⁸ Olivier-Utard 1997. P. 114-116.

¹²⁹ Olivier-Utard 1997. P. 116.

¹³⁰ Olivier-Utard 1997. P. 122.

¹³¹ Olivier-Utard 1997. P. 107.

¹³² Olivier-Utard 1997. P. 125.

¹³³ Olivier-Utard 1997. С. 134.

Летом 1943 г. французский посол в Кабуле следующим образом объяснял нежелание афганских властей дать согласие на занятие Р. Гиршманом поста директора DAFA: «Официальная афганская позиция в отношении господина Р. Гиршмана состоит в следующем: они не приветствуют его возвращение в страну. Прибыв в Кабул, чтобы на время заменить господина Акэна, отбывшего в Лондон, господин Гиршман активно занялся политикой. Французская колония была полностью голлистской... Господин Гиршман в своей деятельности искал поддержки у посольства России и представительств Великобритании и США. Он принял на работу в качестве шофера некоего русского, относительно которого у афганской полиции имелись подозрения. Он покинул свой раскоп в Беграме, чтобы активно вмешаться в политическую жизнь в Кабуле. Афганское правительство, желая сохранить порядок и нейтралитет, не хотело, чтобы какой-то иностранец, не имеющий официального статуса, вмешивался в политику. Именно поэтому оно потребовало от господина Гиршмана, чтобы он покинул страну, и подтверждает, что его возвращение не приветствуется»¹²⁷.

Этот конфликт разрешился только после окончания войны с прибытием в Кабул нового директора DAFA Д. Шлюмберже¹²⁸.

ЛИТЕРАТУРА

Barthoux J. Les fouilles de Hadda. Figures et figurines, album photographique (MDAFA. T. VI). Paris, 1930.

Barthoux J. Les fouilles de Hadda. Stupas et sites, texte et dessins (MDAFA. IV). Paris, 1933.

Bopearachchi O. Les données numismatique et la datation du bazaar de Begram 2001. C. 411-435 // *ТОП101. Orient-Occident*. Vol. 11/1. 2001. P. 411-435.

Cambron P. Begram, ancienne Alexandrie du Caucase ou capital Kouchane // *Afghanistan. Les trésors retrouvés*. Collection du Musée nationale de Kaboul. Paris, 2006. P. 81-111.

Dussubieux L., Gratuze B. Analyse quantitative des fragments de verre provenant de Begram // *ТОП101. Orient-Occident*. Vol. 11/1. 2001. P. 451-472.

Dussubieux L., Gratuze B. Nature et origine des objets en verre retrouvés à Begram (Afghanistan) et à Bara (Pakistan) // *De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale* / Ed. par O. Bopearachchi, C. Landes et C. Sachs. Lattes, 2003. P. 315-323.

Elisséeff V. Les laques chinoises de Begram // Hackin J. *Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kâpici) (1939-1940) avec la collaboration de J.-M. Hackin, J. Cari et P. Hamelin; études comparatives par J. Auboyer, V. Elisséeff, O. Kurz, Ph. Stern* Philippe Stern (MDAFA. T. XI. 2 vol.), Paris, 1954. P. 151-156.

Ghirshman R. *Recherches historiques et archéologiques sur les Kouchans* (MDAFA. T. XII). Le Caire, 1946

Ghirshman R. *Les Chionites-Hephtalites* (MDAFA. T. XIII). Le Caire, 1948.

Hackin J. *Nouvelles recherches archéologiques à Bâmiyân, avec la collaboration de J. Cari* (MDAFA T. III). Paris, 1933.

Hackin J. *Recherches archéologiques au col de Khair Khaneh, près de Kâbul, avec la collaboration de J. Cari* (MDAFA. T. VII) Paris, 1936.

Hackin J. *Diverses recherches archéologiques en Afghanistan: 1933-1940, avec la collaboration de J. Cari et J. Meunié; avec des études de R. Ghirshman et J.-C. Gardin, avant-propos par Ph. Stern*. (MDAFA. T. VIII). Paris, 1959.

Hackin J. *Recherches archéologiques à Begram : chantier n° 2 (1937), avec la*¹²⁷Olivier-Utard 1997. C. 155.

collaboration de Marie Hackin, (MDAFA. T. IX. 2 vol) Paris, 1939.

¹²⁸Olivier-Utard 1997. C. 134.

¹²⁹ Д. Шлюмберже (1904-1972) родился в Мюлузе, учился в Страсбурге, где в Университете преподавали прекрасные профессора, что объяснялось исторической ситуацией - Эльзас со своим центром Страсбургом только в 1918 г. вернулся в состав Франции и правительство стремилось к тому, чтобы этот акт ощущался как явление сугубо положительное во всех сферах жизни. Начал работу в Службе древностей французского мандата в Ливане и Сирии в качестве инспектора (с 1924 г.). Стал заместителем А. Сейрига, являвшегося Директором этой службы. Осуществлял целый ряд раскопочных проектов и в Сирии и Ливане. С началом Второй мировой войны (в 1939 г.) был мобилизован, в 1941 г. присоединился к «Свободной Франции» и был послан в Браззавиль. В 1944-1945 гг. относительно кандидатуры Директора DAFA велись достаточно горячие дебаты (Olivier-Utard 1997. P. 153-157). В конце концов, он был назначен Директором DAFA. С 1955 г. - профессор Университета в Страсбурге, в 1958 г. избран членом Академии надписей и изящной словесности. В 1965 г. покинул пост Директора DAFA, но в 1967 г. стал Директором французского института в Бейруте (после отставки А. Сейрига). Подробнее см. Daniel Schlumberger... P. 19-20 и рецензию на книгу (Гаиров 2011. С. 229-232)

* Об иных реформах, прямо или косвенно затрагивающих DAFA, см. Olivier-Utard 1997. P. 158-159.

Hackin J. Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kâpici) (1939-1940) avec la collaboration de J.-M. Hackin, J. Cari et P. Hamelin; études comparatives par J. Auboyer, V. Elisséeff, O. Kurz, Ph. Stern Philippe Stern (MDAFA. T. XI. 2 vol.), Paris, 1954.

Hackin J. Le monastère bouddhique de Fondukistan (fouilles de J. Cari, 1937) // Hackin J. Diverses recherches archéologiques en Afghanistan: 1933-1940, avec la collaboration de J. Cari et J. Meunié ; avec des études de R. Ghirshman et J.-C. Gardin, avant-propos par Ph. Stern. (MDAFA. T. VIII). Paris, 1959.

Kurz O. Begram et l'Occident gréco-romain // Hackin J. Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kâpici) (1939-1940) avec la collaboration de J.-M. Hackin, J. Cari et P. Hamelin; études comparatives par J. Auboyer, V. Elisséeff, O. Kurz, Ph. Stern Philippe Stern (MDAFA. T. XI. 2 vol.), Paris, 1954. P. 89-150.

MacDowall D.W., Taddei M. The Pre-muslim Period //The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period / Ed. by Allchin F.R. and Hammond N. London-New York-San Francisco, 1978.

Mehendale S. The Begram ivory and bon carving: some observation on provenance and chronology//TOI 101. Orient-Occident. Vol. 11/1.2001. P.485-514.

Menninger M. Untersuchungen zu den Gläsern und Gipsabgüssen aus dem Fund von Begram (Afghanistan). Würzburg, 1996.

Meunié J. Shotorak (MDAFA. T. X). Paris, 1942.

Olivier-Utard F. Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922 -1982). Paris, 1997.

Pirazzoli-T'Serstevens M. Les laques chinois de Begram. Un réexamen de leur identification et de leur datation //TOTTOI. Orient-Occident. Vol. 11/1.2001. P. 473-484.

Stern P. Les ivoire et os découverts à Begram. Leur place dans l'évolution de l'art de l'Inde // Hackin J. Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kâpici) (1939-1940) avec la collaboration de J.-M. Hackin, J. Cari et P. Hamelin; études comparatives par J. Auboyer, V. Elisséeff, O. Kurz, Ph. Stern Philippe Stern (MDAFA. T. XI. 2 vol.), Paris, 1954. P. 17-54.

Tarzi Z. Jules Barthoux: le découvertes oublié d'Aï Khanoum // CRAI. 1986. P. 595-611.

Whitehouse D. Begram: the glass //TOIOI. Orient-Occident. Vol. 11/1. 2001. P. 437-449.

§ 3. Д. Шлюмберже: от Мундигака до Лашкари Базара

Стабилизация наступила с назначением директором ОАЯА Д. Шлюмберже¹²⁹ [Рис. 13], хотя условия, в которых возрождались ОАРА, были достаточно сложными. Сказывалось общее ослабление Франции после войны, уменьшение финансовых возможностей, конфликты среди французов между теми, кто служил вишистскому режиму, и теми, кто присоединился к «Свободной Франции», неизбежные административные реформы в центральном аппарате. Среди последних необходимо особо отметить создание в структуре МИД специальной Комиссии по раскопкам, которая курировала все французские археологические экспедиции, работающие за рубежом¹³⁰.

Но ситуация постепенно стабилизировалась и период деятельности Д. Шлюмберже позднее оценивался вполне положительно. Необходимо подчеркнуть наличие нескольких особенностей в деятельности Д. Шлюмберже. Они в значительной мере объясняются тем, что он стал первым профессиональным археологом и историком, имеющим

огромный предшествующий полевой опыт, и именно в таком качестве возглавивший ОАБА¹³¹.

Он стремился к тому, чтобы ОАРА обладала только научными функциями, попытки использовать Делегацию в иных целях (повторяя опыт первых лет ее существования) им решительно пресекались¹³². Д. Шлюмберже также не стремился к сохранению статуса монопольного археологического учреждения и согласился (в результате пересмотра договора 1922 г.) на утрату исключительного положения ОАРА, и появление на территории Афганистана иных экспедиций¹³³. Вместе с тем он добивался сохранения некоторых старых привилегий, например, права на первоочередное изучение случайных археологических находок¹³⁴. Штаб-квартира Делегации переместилась из Музея Гиме в Париже в Кабул. Теперь ОАРА постоянно присутствовала в Афганистане. Справедливо подчеркивалось, что это пошло на пользу как ОАРА, так и Афганистану. Афганские власти получили постоянных консультантов по вопросам археологии. В ОАРА же постоянно воспитывались молодые талантливые специалисты, которых Д. Шлюмберже сумел привлечь в штат Делегации. Они с энтузиазмом включились в работу. В этой штаб-квартире постепенно сформировалась прекрасная специализированная библиотека.

Своего рода данью традиции стало проведение раскопок в Бактрах. При этом Д. Шлюмберже не осуществлял широкомасштабных раскопок, но проводил лишь «массированную» шурфовку по всей территории городища. Шурфы он определял как «перископы», обращенные вниз¹³⁵. Результатом этого стала схема развития города и первая стратиграфическая керамическая колонка Бактр¹³⁶.

Однако основное внимание в полевых исследованиях Д. Шлюмберже уделял иным типам памятников. Он порвал с традицией, установившейся со времен А. Фуше, стремиться изучить в первую очередь памятники греко-буддийского искусства. В исследованиях ОАБА в это время впервые появились темы, связанные с миром исламской культуры. Хорошо зная эти проблемы еще со времен работы в Сирии и Ливане, Д. Шлюмберже в 1949-1952 гг. провел раскопки Лашкари Базара (район Кандагара) - султанской резиденции династий Газневидов и Гуридов¹³⁷. Здесь на берегах р. Гильменд было обнаружено три монументальных дворца, из которых один (самый южный) был самым роскошным. Планировка его сохраняла древние традиции: центральную часть здания занимал большой двор, в который выходили четыре айвана. Здание было богато украшено живописью и резьбой по штукатурке. Совершенно неожиданным было открытие в тронном зале фресок, воспроизводящих тюркскую гвардию султанов (Рис. 14). В 1957 г. сотрудником экспедиции А. Мариком в одной из далеких долин Гиндукуша было открыто городище Джам с его прославленным минаретом¹³⁸ (Рис. 15). Примерно в это же время (1951-1958 гг.) на юге Афганистана исследовался памятник, известный под названием Мундигак, который ярко характеризует процессы развития общества в данном регионе: от маленькой деревушки до большого городского центра. Всего было

Рис. 13.

Директор DAFA Д. Шлюмберже

¹³¹ Мы не включаем сюда деятельность Р. Гиршмана. Это был только эпизод, не имевший последствий.

¹³² Olivier-Utarc '95, p. 5.

¹³³ Старое лезгиское название раздела находок, "оавда. 5" было отменено по обоюдному согласию - несколько позднее - уже в следующем директоре DAFA П. Бео-адде.

¹³⁴ Из-за этого и юг да возникали конфликты. - а именно с итальянскими коллегами.

¹³⁵ Scnumoerger 1946. P. 169-177; Sen jmDerger 1949. P. 173-190. См. также Olivier-Utarc 1997. P. 186-189.

¹³⁶ Gardin 1957.

¹³⁷ "Lashkari Bazar... I"; Lashkari Bazar... II; Fischer 1978. P. 301-356.

¹³⁸ Maricq et Wiet 1959. Fischer 1978. P. 330-335.

Рис. 14.
Фрагмент фрески с изображением
гвардейцев султана
из Лашкари Базара

Рис. 15.
Минарет в Джама

выявлено семь больших периодов, каждый из которых делился на несколько фаз. Очень отчетливо были заметны связи его культуры с культурой городов долины Инда и южного Туркменистана. Расцвет его приходился на период примерно с 3000 по 2500 гг. до н.э. Хотя формально раскопки осуществляла другая миссия, но она опиралась на поддержку Делегации, а результаты исследований были опубликованы в серии трудов РАБА¹³⁹.

Исследования Лашкари Базара, Джама и Мундигака в определенной степени отвечали требованиям общественного мнения Афганистана, которые в процессе познания самоидентификации обращались к древнейшему периоду истории страны, желая найти там свои «корни», а также ко времени Газневидов как наиболее славному периоду уже в мусульманскую эпоху.

Велись также работы по составлению археологической карты¹⁴⁰. Д. Шлюмберже понимал значение этой задачи, но точно также он понимал и ее необъятность. Кроме того, специальных средств для этого не выделялось и выполнением работ по составлению карты занимался М. Ле Берр, архитектор экспедиции, но только во время, свободное от выполнения других задач. Тем не менее, целый ряд районов Афганистана подвергся детальному обследованию, и результаты этих работ были опубликованы¹⁴¹.

Однако наибольший интерес вызвали продолжавшиеся несколько лет (1952-1963 гг.) раскопки в Сурх Котале, где было открыто кушанское династийное святилище. Поводом начать здесь исследования послужило случайное открытие здесь шести каменных блоков с нанесенными на них надписями, исполненными греческим алфавитом (Рис. 16), и

¹³⁹СаБа11961; ЭИаНег 1978. Р. 71-186.

¹⁴⁰ См. специально О1мег-Шарс1 1997. Р. 172-175.

¹⁴¹ ОадепБ, 1_е Berre, Бсьитьегдег 1964; Риззтап, 1_е Berre 1976; 1_е Berre 1987.

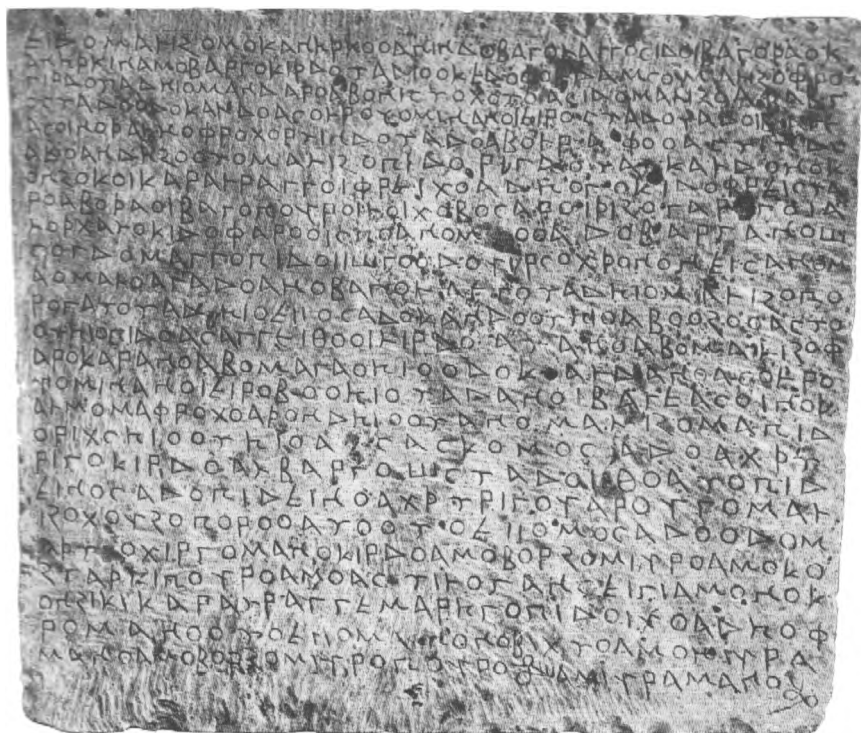

Рис. 16.

Надпись из Сурх Котала

двух каменных баз аттического профиля. В дальнейшем было доказано, что надписи были написаны на бактрийском языке - языке, который был совершенно не известен до этого открытия.

Некоторые обстоятельства, связанные со строительством и последующей перестройкой святилища отражены в большой надписи, найденной во время раскопок: «Этот акрополь - храм [называемый] Канишка Победитель, которым господин царь почтил Канишку. И вот, когда первоначально было закончено [сооружение] акрополя, тогда высохли внутри [акрополя] находившиеся там [вместилища] воды, в результате чего акрополь остался без воды. И когда от сильного летнего зноя наступила засуха, тогда боги из [их] гнезда (= храма) были унесены - и изображения [богов], и скульптуры [богов]. И акрополь опустел - до тех пор, пока в 31 году правления, в месяце нисане, пришел сюда к храму наместник (канаранг) Ноконзок, любимый царем, наиболее дружественный к царю, сиятельный («сын бога»), старающийся (?), делающий добро, полный добродетелей, чистый помыслами по отношению ко всем существам. Затем он акрополь обнес стеной, вырыл колодец, провел воду, выложил [колодец] камнем - так, чтобы люди, находящиеся в акрополе, не испытывали бы недостатка в воде и чтобы в случае засухи, возникающей от сильного летнего зноя, боги не были бы унесены из [их] гнезда, чтобы акрополь не опустевал. А над колодцем был устроен подъемник для воды (?), было сооружено также водохранилище. И благодаря этому колодцу, и благодаря этому водоподъемнику (?) весь акрополь стал процветающим. И этот колодец и этот ... сделали Хиргоман, Бурзмихр, сын Кузгашки, Астилганциг и Ноконзок, наместник, послушные приказу царя. И написал Евман вместе с Михраманом, Бурзмихр-пухром и Амихраманом»¹⁴².

¹⁴² Перевод В.А. Лившица. См. Массон, Ромодин 1964. С. 193.

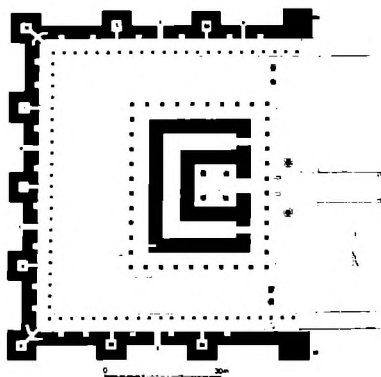

Рис. 17.
Храм в Сурх Котале. План

Рис. 18.
Сурх Котал. Монументальная лестница

Храм располагался на высоком холме, он был окружен стеной с прямоугольными башнями. Внутренняя сторона стены имела ниши, в которых находились статуи, изображавшие или богов или царей (Рис. 17). К нему вела монументальная лестница (четыре пролета) (Рис. 18). Собственно храм был обращен фасадом к востоку. Центральную часть его занимало квадратное помещение с платформой для алтаря в центре (Рис. 19). Это помещение с трех сторон было охвачено обводным коридором. Позднее рядом с этим храмом был построен еще один - аналогичного плана. При раскопках были найдены многочисленные архитектурные детали и фрагменты скульптуры¹⁴³ (Рис. 20). Помимо главной надписи, приведенной выше, были найдены фрагменты еще нескольких других¹⁴⁴. Обычно считается, что данное святилище создано на основе иранских религиозных концепций, но в то же самое время указывается на сходство с династичным же храмом Мат (в Матхуре, Индия)¹⁴⁵.

Время работы Д. Шлюмберже ознаменовалось рядом эпиграфических находок, сделанных, главным образом, в районе Кандагара¹⁴⁶, а также монетных кладов, имевших большое значение для воссоздания политической и экономической истории региона в древности¹⁴⁷.

Раскопки Сурх Котала подтолкнули Д. Шлюмберже к рассмотрению и теоретическому осмыслению общих проблем истории искусства на эллинистическом Востоке. Первые наброски концепции были представлены в большой статье¹⁴⁸, а окончательную форму его теория приобрела в книге¹⁴⁹, которая пользовалась большой популярностью¹⁵⁰.

¹⁴³ Полный отчет о результатах раскопок см. Эитки Кс/Ла! еп Вайпапе I 1983; Эитки Ко1а1 еп Вайпапе I11990. См. также РиБэтап 1983.

¹⁴⁴ Мае Dowall, Тайе11978а. Р. 237-238.

¹⁴⁵ Мае Рои/аН, Тайе11978а. Р.266-267.

¹⁴⁶ Мае Оом\1, Тайе! 1978. Р. 192-198.

¹⁴⁷ Си1е1, Бсыгпъегдег 1953; Си1е1, РиБэтап 1965. См. также О1мёг-Шарс1 1997. Р. 183-186.

¹⁴⁸ ЗсЫтйегдег 1960. Р. 131-166; 254-318.

¹⁴⁹ ЗсЫтйегдег 1970.

¹⁵⁰ Книга была переведена на немецкий (ЗсЫтйегдег 1969) и русский (Шлюмберже 1985) языки.

Рис. 19.

Сурх Котал. Целла с ал-арек.

Рис. 20.

Сурх Котал. Статуя Канишки

ЛИТЕРАТУРА

- Гаибов В.А. [Рец. на кн.:] Daniel Schlumberger. L'Occident à la rencontre de l'Orient/ Choix de textes présentes par Mathilde Gelin. Institut Français du Proche-Orient. Damas-Beyrouth, 2010. 424 p. // ВДИ. 2011. № 3. С. 229-232.
- Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. I. С древнейших времен до начала XVI века. М., 1964.
- Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. М., 1985.
- Casai J.-M. Fouilles de Mundigak (MDAFA. T. XVII). Paris, 1961.
- Curiel R., Fussman G. Le trésor monétaire de Qunduz (MDAFA. T. XX). Paris, 1965.
- Curiel R., Schlumberger D. Trésors monétaires d'Afghanistan (MDAFA. T. XIV). Paris, 1953.
- Dagens B., Le Berre M., Schlumberger D. Monuments préislamiques d'Afghanistan (MDAFA. T. XIX). Paris, 1964.
- Daniel Schlumberger. L'Occident à la rencontre de l'Orient. Choix de texts presents par M. Gelin. Damas-Beyrouth, 2010.
- Fischer K. From Rise of Islam to the Mongol Invasion // The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period / Ed. by Allchin F.R. and Hammond N. London-New York-San Francisco, 1978. P. 301-356.
- Gardin J.-C. Céramiques de Bactres (MDAFA. T. XV). Paris, 1957.
- Fussman G. Surkh Kotal. Tempel der Kuschan-Zeit in Baktrien. München, 1983.
- Fussman G., Le Berre M. Monuments bouddhiques de la region de Caboul. Le monastère de Guldara (MDAFA. T. XXII). Paris, 1976.
- Lashkari Bazar, une residence ghaznevide et ghoride. I A. Schlumberger D. avec la collaboration de M. Le Berre et des contributions de J.-C. Gardin et G. Casai. L'Architecture (MDAFA. T. XVIII). Paris, 1977.
- Lashkari Bazar, une residence ghaznevide et ghoride. I B. Surdel-Thomine J., dessins de Le Berre M., architecte, et Hardy-Guilbert C. La decoration non figurative et les inscriptions. (MDAFA. T. XVIII). Paris, 1977
- Lashkari Bazar, une residence ghaznevide et ghoride. II. Gardin J.-C. Les trouvailles: céramiques et monnaies de Lashkari Bazar et de Bust (MDAFA. T. XVII). Paris, 1977.
- Le Berre M. avec une contribution de Gardin J.-C. et Lyonnet B. Monuments préislamique de l'Hindukush central (MDAFA. T. XXIV). Paris, 1987.
- Mac Dowall D.W., Taddei M. The early historic Period: Achaemenids and Greeks // The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period / Ed. by Allchin F.R. and Hammond N. London-New York-San Francisco, 1978.
- Mac Dowall D.W., Taddei M. The Pre-muslim Period // The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period / Ed. by Allchin F.R. and Hammond N. London-New York-San Francisco, 1978a.
- Meunlé J. Shotorak (MDAFA. T. X). Paris, 1942.
- Maricq A. et Wiet G. Le minaret de Djam. La découverte de la capitale des sultans Ghorides (XIIe - XIIIe siècles). (MDAFA. T. XVI). Paris, 1959.
- Olivier-Utard F. Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922 -1982). Paris, 1997.
- Schlumberger D. Rapport sur une mission en Afghanistan // CRAI. 1946. P. 169-177.
- Schlumberger D. La prospection archéologique de Bactres (printemps 1947). Rapport sommaire // Syria. XXVI. 1949. P. 173-190.
- Schlumberger D. Descendants non-méditerranéens de l'art grec // Syria. Vol. 37. 1960. P. 131-166:254-318.
- Schlumberger D. Der hellenisierte Orient: Die griechische und nachgriechische Kunst ausserhalb des Mittelmeerraumes. Baden-Baden, 1969.
- Schlumberger D. L'Orient hellénisé. L'art grec et ses héritiers dans l'Asie non-méditerranéenne. Paris, 1970.
- Shaffer J. G. The Later Prehistoric Period // The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period / Ed. by Allchin F.R. and Hammond N. London-New York-San Francisco, 1978. P. 71-186.

Surkh Kotal en Bactriane I. Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G. Les temples (MDAFAT. XXV). Paris, 1983.

Surkh Kotal en Bactriane II. Fussman G., Les monnaies. Guillaume O. Les petits objets (MDAFAT. XXXII). Paris, 1990.

§ 4. Поль Бернар и открытие центральноазиатского эллинизма

Следующий период в истории РАБА (1965-1982 гг.) практически целиком определялся только одним сюжетом - исследованиями первого настоящего греческого города на территории центральноазиатского региона - городища Ай Ханум, расположенного в восточной Бактрии, в месте впадения реки Кокча в Амударью. Раскопками его руководил П. Бернар (Рис. 21), который стал новым директором ОАБА. Его кандидатуру предложил Д. Шлюмберже¹⁵¹.

Работы ОАБА проходили в сложных, а затем и драматических обстоятельствах. В 1963 г. по инициативе самого короля Афганистана Захир-шаха были совершены первые шаги по пути превращения страны из абсолютной в конституционную монархию. Десять лет спустя Мухаммед Дауд совершил государственный переворот, провозгласил республику и стал ее президентом. В апреле 1978 г. произошел военный переворот (названный «Апрельской революцией»), Дауд был убит, и власть перешла к Народно-демократической партии Афганистана. Президентом стал Нур Мохаммад Тараки - лидер одной из фракций партии «Халк» («Народ»). Поспешно проводимые и непродуманные реформы вызывали глубокое недовольство, которое жестко подавлялось. Воспользовавшись этим, другой лидер халкистов Хафизулла Амин в сентябре 1979 г. убивает Тараки и становится во главе страны. Но 27 декабря этого же года в Афганистан вступили советские войска и дворец Амина был взят штурмом советским спецназом. Амин погиб, и власть перешла в руки Бабрака Кармаля, руководителя другой фракции Народно-демократической партии - «Парчам» («Знамя»),

Рис. 21.
Директор DAFA П. Бернар

¹⁵¹ П. Бернар родился 13 июня 1929 г. на юге Франции (община Сен-Максим, департамент Вар). Закончил Высшую нормальную школу (École Normale Supérieure) в Париже, где получил прекрасную профессиональную подготовку. С 1958 по 1961 был стажером Французской школы в Афинах (École française d'Athènes), с 1961 по 1965 работал во Французском археологическом институте Ближнего Востока (Institut français d'Archéologie de Proche-Orient) в Бейруте (Ливан). Участвовал в большом числе экспедиционных исследований. Все это позволило П. Бернару стать прекрасным руководителем DAFA

и осуществить замечательный проект по исследованию греческого города в Центральной Азии. Начавшаяся гражданская война и, затем, ввод советских войск в Афганистан остановили полевые исследования DAFA (последний сезон раскопок - 1978 г.). В 1980 г. П. Бернар был вынужден оставить свой пост. Возобновил свои раскопки только в 1989 г., как содиректор франко-узбекской археологической экспедиции, ведущей исследования в Самарканде (провел 3 сезона). В 1987 г. был избран член-корреспондентом, а в 1992 г. действительным членом Академии надписей и изящной словесности (Académie

des Inscriptions et Belles-Lettres). Он также является иностранным членом Российской академии наук, Академии деи Линчеи (Италия), член-корреспондентом Немецкого археологического института, Итальянского института Африки и Востока, Археологического института Америки. Краткие сведения о биографии и библиографию его работ см. Библиография... 2009. Следует указать, что в начальный период исследований в Ай Ханум в составе экспедиции работали советские археологи: сначала Р.М. Мунчаев и Г.А. Кошеленко (Кошеленко, Мунчаев. 1966. С. 64-68), затем И.Т. Кругликова и Б.А. Литвинский.

Рис. 22.
Ай Ханум. Космоснимок

Однако ситуация все более усложняется, в стране начинается настоящая гражданская война, усугубленная активным вмешательством советских оккупационных войск. В этих условиях афганское правительство в 1982 г. заявляет о прекращении деятельности ОАРА¹⁵².

«Ортодоксальная» версия обнаружения городища хорошо известна и многократно воспроизводилась. Когда король Афганистана охотился на тигра на севере страны, ему показали архитектурную деталь, найденную на городище Ай Ханум. Поняв сразу, что данный артефакт представляет нечто особенное, не похожее на те предметы, которые обычно находили на памятниках Афганистана, король распорядился показать этот предмет Д. Шлюмберже. Для последнего сразу стало ясно, что была найдена коринфская капитель типичного эллинистического облика. Директор ОАРА вместе со своим помощником П. Бернаром выехали на место, осмотрели территорию городища и собрали некоторый подъемный материал. В результате было достаточно надежно установлено, что городище Ай Ханум представляет собой остатки настоящего греческого города, раскопки которого ОАБА непрерывно продолжались вплоть до осеннего сезона 1978 г. Хотя сейчас ясно, что англичанин Дж. Вуд посетил городище еще в XIX в.¹⁵³,

¹⁵² Последние два года Директором DAFA официально состоял Ж.-К. Гарден. Но Делегация никакой полевой деятельности в Афганистане, естественно, не вела.

¹⁵³ См. Wood J. 1872. P. 254-268. Первое издание вышло в свет в 1841 г. (См. Wood 1841). Мы пользовались (как и П. Бернар, см. Bernard, Francfort 1978. P. 33-38) вторым изданием, снабженным биографией автора, написанной его братом, а также чрезвычайно интересным приложением - Н. Yule. The Geography and History of the Upper Waters of the Oxus.

а Барту в ходе своих разъездов побывал там в 20-ые годы XX в.¹⁵⁴, не говоря уже о том, что афганский ученый М.Б. Кошаки описал городище в своем путеводителе по Каттагану и Бадахшану¹⁵⁵, но все эти факты были забыты, так что «ортодоксальная» версия имеет полное право на существование.

В настоящее время характер и история города выглядят следующим образом¹⁵⁶. Город был основан примерно в 300 г. до н.э. одним из доверенных лиц Селевка¹⁵⁷, погиб же он в результате нашествия кочевников примерно в 145 г. до н.э. Как уже отмечалось, город находился в месте слияния рек Амударья и Кокча (Рис. 22). Его размеры составляют примерно 1800 x 1500 м. Город занимал важное стратегическое положение, контролируя очень важный путь из Бактрии в Бадахшан, и был центром большого сельскохозяйственного района. К сожалению, невозможно произвести оценку численности населения города¹⁵⁸. Несомненно, что население было смешанным: при подавляющем числе греческих имен, зафиксированных во всех видах документов, имеется некоторое количество и бактрийских имен (например, Оксубаз и Оксебоак, Уман, Ксатран, Ариксар, Арианд)¹⁵⁹, но, насколько можно судить, в употреблении был только греческий язык¹⁶⁰. Можно полагать, что бактрийская элита сотрудничала с греками так же, как она сотрудничала с персами, начиная с VI в. до н.э.¹⁶¹

Город состоял из двух частей: «верхнего» и «нижнего». Верхний город находился на плоской вершине холма (высотой до 60 м) служил акрополем, его юго-восточная оконечность (160 x 120 м) являлась цитаделью. Все основные здания и сооружения находились в нижнем городе или на склонах холма, образующего верхний город. Своеобразной границей, разделявшей две части города, являлась главная улица, ведущая от берега реки к городским воротам по склону холма (на 5 м выше уровня нижнего города).

Городские укрепления состояли из стен толщиной до 7-8 м, сложенных из сырцового кирпича, усиленных прямоугольными башнями

¹⁵⁴ См. *Janl* 1996. P. 595-611. Он оставил довольно развернутое описание памятника, «верхний город» он называл фортом, в «нижнем» видел часть колонны диаметром примерно 80 см., и длиной более 2 м. На территории вокруг городища Ж. Барту обнаружил следы огромного некрополя. Некоторые погребения совершались в больших глиняных сосудах, что напомнило ему Месопотамию.

¹⁵⁵ Он побывал на городище в 1923 г. О его путеводителе западные ученые не подозревали до 1979 г., когда М. Ройт перевела его текст на французский

язык (см. Reut 1979).

¹⁵⁶ Bernard 2012. P. 42-53.

¹⁵⁷ Вопрос о времени основания города достаточно сложен. В более ранних публикациях П. Бернар не исключал возможности основания его еще во время Александра Македонского. См. Bernard 1994. P. 92; Bernard, Francfort 1978. P. 3-11.

¹⁵⁸ По подсчетам исследователей, городской театр вмещал примерно 3000 - 4000 зрителей, но этот объем явно был ориентирован не только на греческое мужское население города, но также на эту категорию населения всей области. П. Бернар образно определяет

соотношение греческого и местного населения следующим образом: больше, чем англичан в колониальной Индии, но меньше, чем французов в Алжире.

¹⁵⁹ Bernard 1994a. P. 104-105; Bernard 2012. P. 45; Rapin. Grenet 1983. P. 315-381.

¹⁶⁰ Необходимо, тем не менее, отметить наличие одного документа, выполненного в арамейской графике. Невозможно, однако (в виду краткости документа), решить использован ли здесь арамейский язык или один из местных иранских языков. См. Bernard 1994a. P. 107-108.

¹⁶¹ Bernard 2012. P.45.

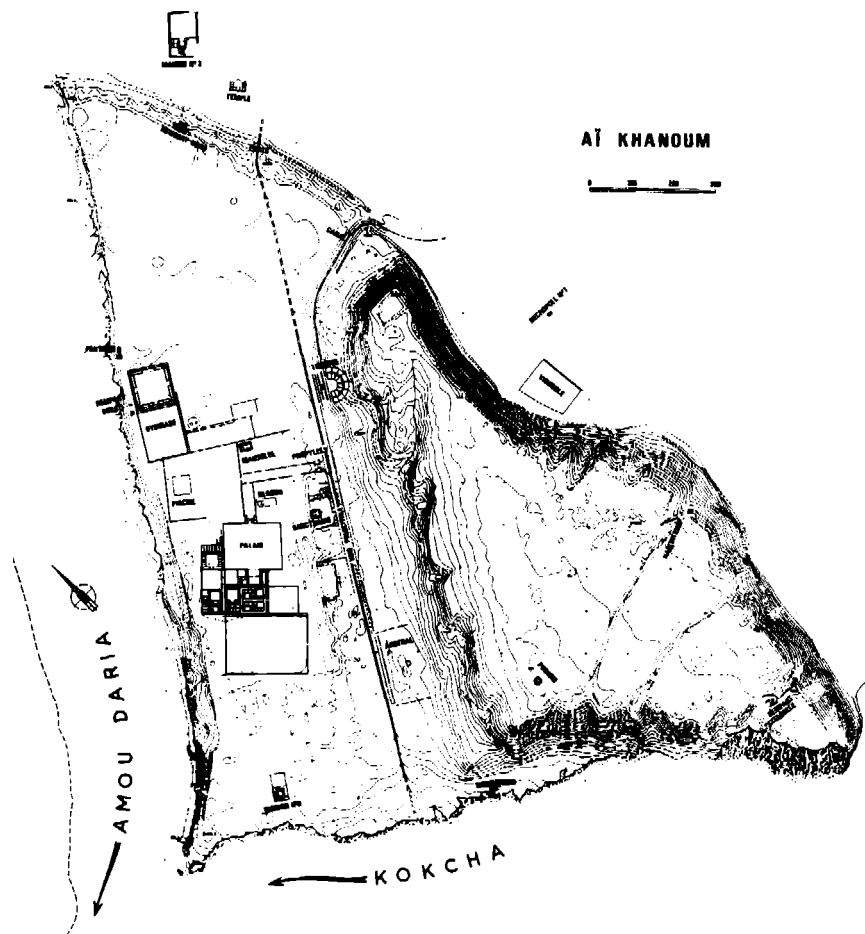

Рис. 23.
Ай Ханум. План города

(19x11 м, высотой более 8 м)¹⁶². Перед стенами находился ров¹⁶³. Система обороны явно была ориентирована на то, чтобы противостоять регулярной армии, снабженной всеми средствами полиоркетки, а не только набегу конницы.

В ходе раскопок были обнаружены и исследованы (полностью или частично) следующие объекты: дворец, арсенал, гимнасий, героон основателя города, главный городской храм, ряд жилищ, включая «патрицианский» дом, в жилом районе на берегу Кокчи, а за пределами города - еще один храм и еще один «патрицианский» дом.

Система планировки города достаточно сильно отличалась от обычной планировки эллинистических городов с их жесткой сеткой прямоугольных кварталов. Эта схема наличествует только в одном районе города - в жилом квартале возле места слияния двух рек. Элементом застройки, определявшим всю схему, являлся царский дворец {Рис. 23}. Моделями для бактрийских строителей дворца послужили ново-авилонские и ахеменидские дворцы, с которыми они познакомились со времен похода Александра Македонского.

Дворец имел весьма значительные размеры: 350 (север-юг) x 250 (запад-восток) м¹⁶⁴. К дворцу вели пропилеи¹⁶⁵, за которыми открывался

¹⁶² Leriche 1986; Bernard 2010. P. 40-41.

Иногда их называют бастионами.

¹⁶³ Bernard 2010. P. 40.

грандиозный двор (137 x 108 м) — родосский перистиль со 116 каменными колоннами коринфского ордера. Соответственно, колонны южного портика — более высокие, чем остальные. За колоннадой находился монументальный зал с 18 коринфскими колоннами, расположенными в 3 ряда. Отсюда попадали в аванзал, из которого, в свою очередь, имелся доступ в различные части здания. Прямо за этим залом находилась официальная часть здания (50 м в стороне). Двумя пересекающимися под прямым углом коридорами она делится на 4 одинаковых по размерам блока. Два из них служили залами для аудиенций, они были оформлены каменными пилястрами и рельефами, вылепленными из глины. К западу от нее находилась жилая зона, где располагались две одинаковые по устройству резиденции для двух высших представителей администрации (вполне вероятно — для царя и его сына, наследника престола, который, согласно обычаю, существовавшему в государстве Селевкидов и Греко-Бактрии, мог выполнять функции вице-короля). Рядом располагались комнаты для обслуживающего персонала: кухня, ванная с мозаичным полом, кладовые.

К северу от этого комплекса находился большой квадратный двор (46 м в стороне) с расположенными по периметру 60 колоннами дорического ордера. Доступ в него имелся только из жилой и административной частей здания. На север от него находилась сокровищница¹⁶⁶. Она состояла из центрального двора, с расположенной по периметру чередой помещений, в которых хранились различные вещи: импортное оливковое масло, благовония, вазы, в которых хранились монеты, как собственной чеканки, так и иностранные (в частности, индийские), обработанные, и не обработанные полудрагоценные камни (ляпис-лазурь, агат, гранат, рубин, горный хрусталь, бирюза, сердолик), предметы роскоши. Считается (с достаточно надежным основанием), что в сокровищнице хранилась и добыча от индийских походов, включая индийские монеты, фрагменты трона и т.д. Одна из комнат служила дворцовой библиотекой.

Предполагается, что последняя перестройка и придание особо роскошного характера дворцу приходится на время царствования Евкратиды (примерно 170–145 гг. до н.э.), который также переименовал город, дав ему свое имя¹⁶⁷.

Техника строительства и декора здания ярко показывают сочетание местных и греческих приемов. План — явно восточный, но архитектурный декор остается верным традициям греческой эстетики. Используются все три греческих ордера: дорический, ионический и коринфский. При этом последний явно преобладает. Существуют два основных варианта: коринфизированная адаптация типа древней сиро-финикийской эолической капители, или типичная коринфская капитель¹⁶⁸. Крыши зданий — плоские, земляные, только крайние их части имели черепичное покрытие, широко использовались антефиксы¹⁶⁹. Относительная скудость декора интерьера видимо объясняется широким использованием ковров, которые исчезли со временем без следа.

В целом, дворец своим обликом вполне отвечал задаче — производить впечатление холодного величия и грандиозности, напоминая в

¹⁶⁶ Bernard 1994a. P. 109.

¹⁶⁷ Подробнее см. Guillaume 1983.

¹⁶⁸ Подробнее см. Rapin 1992.

¹⁶⁹ Bernard 2012. P. 42–43.

¹⁶⁸ Bernard 1968. P. 111–151; Bernard 2010. P. 41.

¹⁶⁹ Bernard 1994a. P. 110–111.

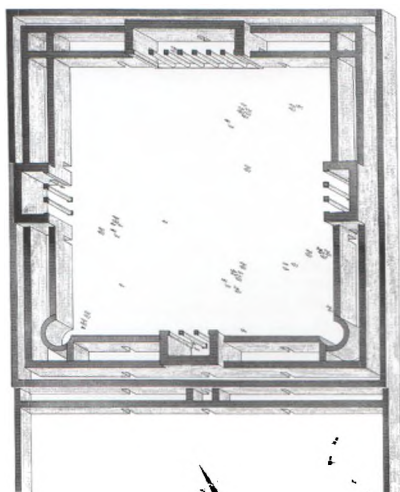

Рис. 24.
Ай Ханум. Гимнасий.
Северный комплекс. Аксонометрия

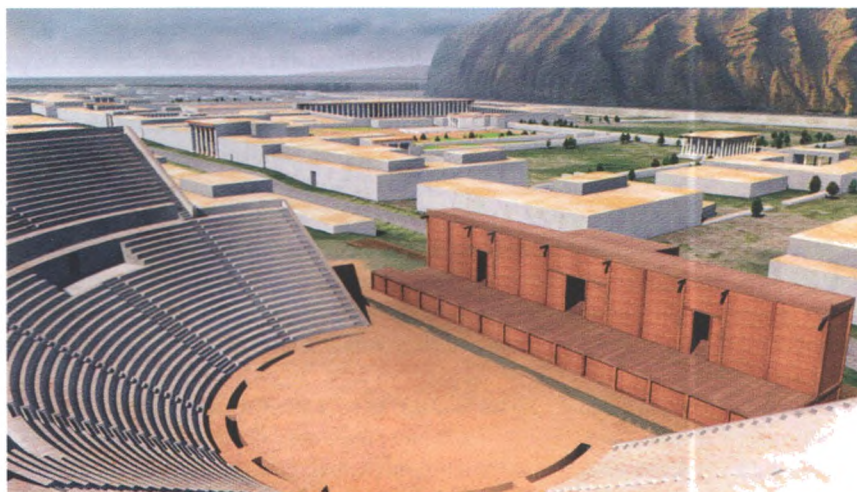

Рис. 25.
Ай Ханум. Театр. Реконструкция

этом отношении ахеменидские дворцы¹⁷⁰.

В ходе раскопок последнего сезона были открыты часть остатков здания, которое было определено как «бюро», в котором заседали магистраты, отвечавшие за текущую жизнь города¹⁷¹. Оно находилось недалеко от дворца, рядом с главной улицей. Вскрыта часть прямоугольного двора, на который открыты два колонных портика, в которых и располагались конторы этих чиновников. Зафиксированы здесь также остатки ванной комнаты.

В высшей степени типичным для греческого города является гимнасий. Это сооружение было открыто в Ай Ханум. Традиционно гимнасии находились под покровительством Геракла и Гермеса. Именно их упоминает надпись, найденная здесь во время раскопок¹⁷³. Устройство гимнасия крайне типично. Особенно в этом отношении выделяется северный комплекс гимнасия (Рис. 24), который предназначался не для физических упражнений, а для обучения. Ядром его служит обширный квадратный двор (100 м в стороне). Характерна строгая симметричность - в центре каждой из сторон колонный портик.

Еще одним типично греческим сооружением является театр, небольшая часть которого была вскрыта в последние сезоны раскопок¹⁷⁴ (Илл25). Он, естественно, был построен на склоне холма акрополя. Это самый восточный из известных греческих театров. Удалось определить, что радиус театра составляет 42 м, высота 17 м. Чертой, отличающей этот театр всех остальных греческих театров, является наличие особого блока сидений, отделенных от остальной массы и более роскошно оформленных, что указывает на сильно иерархизированное общество¹⁷⁵.

Недалеко от гимнасия на берегу Окса были также найдены и исследованы остатки общественного фонтана, также являвшегося одним из неперенных атрибутов греческого города (Рис. 26). Найдено несколько каменных масок, украшавших его: голова льва, голова дельфина и театральная маска, принадлежащая в Новой комедии слуге-повару¹⁷⁶.

¹⁷⁰ Bernarc! 1994a. P. 111; Bernarc! 2012. P. 46.

¹⁷¹ Bernarc! 1980. P. 451-452; Bernarc! 2010. P. 41; Bernarc!, Эгел! 1980. P. 46-50.

¹⁷² Уеше 1987; Bernarc! 1994a. P. 112; Bernarc! 2010. P. 41-42.

¹⁷³ РоѢП 1973. P. 208-211.

¹⁷⁴ Bernarc! 1976. P. 312-332; Bernarc! 1978. P. 429-441; Bernarc! 2010. P. 44-45.

¹⁷⁵ Bernarc! 1994a. P. 112.

Рядом с главной улицей в ходе последних сезонов был обнаружен арсенал, раскопанный лишь частично¹⁷⁷. Он располагался рядом с главной улицей. Арсенал представлял собой большое прямоугольное здание (140 x 100 м), отдельные помещения располагались вокруг центрального двора. В этих помещениях хранилось оружие: от наконечников стрел, до брони катафрактариев. Авторы раскопок специально подчеркнули отсутствие среди оружия специфически греческих предметов. На территории двора арсенала находилась оружейная мастерская, но, к сожалению, исследовать ее не удалось.

Некоторый материал получен и по жилой архитектуре¹⁷⁸. Основной жилой район города находился в районе слияния рек, вдали от административного и политического центра города. Аэрофотоснимки показали наличие здесь примерно 40 домов одинаковых размеров. Раскопкам подвергся один дом, видимо, типичный. Он имел весьма солидные размеры (65 x 35 м). В северной части находился большой двор. Все жилые и хозяйственные помещения были сконцентрированы в южной части. Центром дома являлся большой зал, окруженный со всех сторон коридорами. Он предварялся неглубоким колонным портиком. Вход в дом никак не был связан со двором, а только с боковым крылом дома. Этот дом разительно отличается от типичного греческого дома эллинистического времени, центром которого служил перистильный двор. В организации пространства дома также ясно ощущается четкая иерархическая структура семьи.

За пределами городских стен раскопана вилла еще более крупных размеров (107 x 74 м), созданная по аналогичной же схеме. Непременным атрибутом во всех домах являются банные комнаты, иногда расположенные анфиладно. Это черта, явно унаследованная от жилищ Эллады.

В целом же жилая архитектура демонстрирует очень сильный разрыв с греческими традициями¹⁷⁹.

Сравнительно немного материала дали раскопки для понимания религиозной архитектуры города. Главное городское святилище расположено было рядом с главной магистралью¹⁸⁰. Обычно его называют temple à redans или temple à niches indentées - в соответствии с уступчатой формой ниш, украшающих фасады стен (Рис. 27). Храм обращен входом на восток. Само здание относительно невелико - 20 x 20 м, и расположено в пределах «священного участка» размерами 60 x 60 м. Оно возведено на трехступенчатом подиуме высотой 1,5 м и состоит из вестибюля, собственно комнаты для культовых действий и двух маленьких комнаток, фланкирующих ее. В некоторых отношениях этот храм напоминает храмы парфянской Месопотамии, но исследователей удивляет тот факт, что в нем отсутствуют черты сходства с религиозной архитектурой ранней Средней Азии (хотя она, в общем, почти не известна). При раскопках храма были найдены обломки полилитной статуи, в том числе части ноги в сандалиии, на которой изображена связка молний - атрибут Зевса. На основании этого фрагмента делается вывод о том, что в этом храме почиталось синкретическое божество

Рис. 26.
Ай Ханум. Фонтан

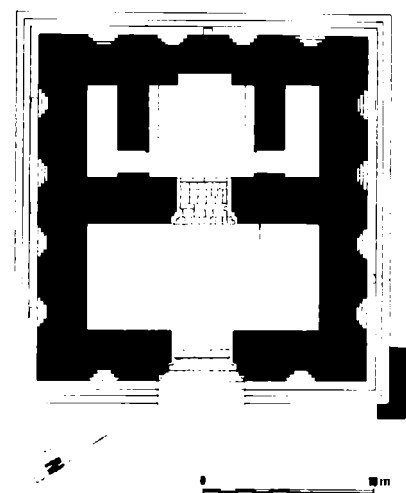

Рис. 27.
Ай Ханум. Храм в уступчатых нишах.
План

¹⁷⁷ Leriche. Thoraval 1979. P. 171-205; Bernard 2010. P. 45.

¹⁷⁸ Bernard 1980. P. 452-457; Bernard, Grenet 1980. P. 51-63; Bernard 2010. P. 45-46.

¹⁷⁹ См. Bernard 1994a. P. 113-114; Bernard 2010. P. 46-47.

¹⁸⁰ Bernard 2012. P. 46.

¹⁸⁰ О нем см. Bernard 1990. P. 51-59; Bernard 1994a. P. 115; Francfort 1984; Grenet 1991. P. 147-151; Downey 1988. P. 65-73; Boyce, Grenet 1991. P. 165-172.

Рис. 28.

Ай Ханум. Семейная усыпальница

Зевс-Митра, что, впрочем, довольно сомнительно¹⁸¹. Существует предположение, что одной из функций данного храма было привлекать в греческий город местное население с равнины, окружавшей город.¹⁰²

Еще один храм был обнаружен за пределами городских стен - у главных городских ворот¹⁸³. Его планировка очень близка планировке предыдущего храма, с тем только отличием, что целла была тройной, а вместо вестибюля имела «паперть» под открытым небом.

Наконец, еще одно культовое сооружение было обнаружено на холме, в пределах цитадели¹⁸⁴. Центральное место в этом святилище занимала монументальная платформа (выложенная из сырцовых кирпичей) под открытым небом. Здесь совершались священнодействия по персидским обычаям, адресованные восходящему солнцу.

Памятники сакральной архитектуры необходимо рассматривать в общем контексте религиозной истории общества. Наиболее показательный материал для ее понимания - это монеты, которые показывают, что пантеон колонистов был чисто греческим¹⁸⁵. Поэтому разительное противоречие между данными нумизматики и религиозной архитектурой ставит очень большую проблему.

В пределах города и его пригородов было исследовано несколько памятников погребальной архитектуры. За городскими стенами находился городской некрополь. Случайно при земляных работах местных крестьян был обнаружен небольшой, видимо семейный, мавзолей, который был полностью раскопан¹⁸⁶ (Рис. 28). На половину своей высоты он возвышался над окружающим уровнем земли. Мавзолей делился коридором на две части, каждая из которых состояла из двух сводчатых помещений. Два помещения не были затронуты грабителями. В них находились скелеты умерших, лежавшие на спине, с ними было несколько сосудов, керамических и каменных. В третьем помещении сохранились три сосуда, в которых были сложены кости, видимо, собранные из соседних помещений, когда их готовили к новым погребениям. Сосуды имели

¹⁰¹ Одной из причин для сомнений является наличие приношений в виде зарытых в подиум сосудов, что несомненно является признаком хтонического культа. См. Bernard 1994a. P. 115.

¹⁸² Bernard 2012. P. 49.

¹⁸³ См. Bernard 1974. P. 287-289; Bernard 1976. P. 303-307; Bernard 2010. P. 51.

¹⁸⁴ См. Bernard 1976. P. 306-307; Bernard 2010. P. 51-52.

¹⁸⁵ Bernard 1994a. P. 114.

¹⁸⁶ * Bernard 1972. P. 608-625; Grenet 1984. P. 71-73; Boyce, Grenet 1991. P. 189-190.

Рис. 29.

Ай Хануи. Основание стелы
вгерооне Кинейя

надписи на греческом языке: на одном Лисиан и Исидора, на другом - «малыш» и «малышка» (видимо, погребение детей-близнецов, которым еще не успели дать имена), на третьем - Косма¹⁸⁷.

В пределах города в самом центре недалеко от входа во дворец находились два мавзолея, выполненных в виде небольших греческих храмов, что свидетельствовало о сохранении старой греческой традиции погребения *intra muros* для людей самого высокого уровня, таких, например, как ктист города или особо важный его благодетель. Более древний из мавзолеев - героон - в виде небольшого здания с двумя колоннами на фасаде, был местом погребения некоего Кинейя¹⁸⁰. В нем (со значительным на то основанием) видят приближенного Селевка I, которому последним было поручено основать город. В этом здании была выставлена стела, надпись на которой была сделана по решению некоего Клеарха, видимо, непосредственного ученика Аристотеля, известного своим особым интересом к религиям персов и индийцев. На стеле были воспроизведены известные максимы, скопированные в Дельфах. Они считались созданием «семи мудрецов», в них была воплощена традиционная моральная философия греков (Рис. 29). К сожалению, сохранилась только небольшая часть текста (само посвящение Клеарха и небольшая часть максим), все остальное было утрачено¹⁰⁹.

Еще один мавзолей находился поблизости¹⁹⁰. Он представлял собой периптер ионического ордера, что весьма необычно для Ай Ханум. Своеобразной чертой сооружения является погребальная камера, выложенная из камня. Погребенное здесь лицо принадлежало к числу самых высших персон государства, вполне возможно он даже принадлежало к членам царского семейства.

Помимо упомянутых выше раскопанных полностью или частично объектов необходимо помнить об огромном вещественном материале, полученном при этих раскопках (керамика, монеты, статуи, статуэтки, украшения, фрагменты мебели и т.д.). Подавляющее большинство из

¹⁸⁷ Bernard 2002. P. 80-81 ; Rougemont 2012. №№ 133-135. P. 243-244.

¹⁰⁸ Bernard, Le Berre, Stucki 1973. P. 85-102; Bernard 2010. P. 47-49.

¹⁸⁹ Датировка надписи, предложенная Л. Робером (см. Robert 1968. P. 416-457; Robert 1973. P. 211-237 - начало III в. до н.э.) оспаривалась, в частности, А.К. Нарайном. Детали дискуссии см. Bernard 2010. P. 47-49. Однако, Ж. Ружемон, детально проанализировавший все имеющиеся материалы и точки зрения, пришел к выводу, что датировка Л. Робера абсолютно правильна.

¹⁹⁰ Bernard 1975. P. 180 - 189; Bernard, Francfort et al. 1976. P. 25-45; Bernard 2010. P. 49.

Рис. 30.
Ай Ханум. Пластина с изображением
Кибелы

них выполнено в греческом стиле, но изредка встречаются и произведения в восточном стиле, например, изображение обнаженной женщины. Некоторые произведения свидетельствуют о начавшемся греко-восточном синтезе. К числу их принадлежит знаменитая пластина с изображением богини Кибелы¹⁹¹ (Рис. 30).

Изобразительное искусство Ай Ханум резко отличается от архитектуры: если последняя открыта восточным влияниям, то изобразительные искусства чрезвычайно традиционны, они вдохновлялись идеями позднеклассического искусства¹⁹². Крайне показательны в этом отношении мозаичные полы, которые везде исполнены в технике, характерной для IV в. до н.э.¹⁹³ (Рис. 31). Традиционализм ясно виден и в скульптуре. Наиболее популярны были статуи небольшого размера с привычными образами, такими, например, как женщина, опирающаяся на невысокую колонну¹⁹⁴ или обнаженный юноша с венком на голове¹⁹⁵,

¹⁸⁷ Bernard 2002. P. 80-81; Rougemont 2012. №№ 133-135. P. 243-244.

¹⁸⁸ Bernard Le Berre, Stucki 1973. P. 85-102; Bernard 2010. P. 47-49.

¹⁸⁹ Датировка надписи, предложенная Л. Робером (см. Robert 1968. P. 416-457; Robert 1973. P. 211-237 - начало III в. до н.э.) оспаривалась, в частности, А.К. Нарайном. Детали дискуссии см. Bernard 2010. P. 47-49. Однако, Ж. Ру-

жемон, детально проанализировавший все имеющиеся материалы и точки зрения, пришел к выводу, что датировка Л. Робера абсолютно правильна.

¹⁹⁰ Bernard 1975. P. 180 - 189; Bernard, Francfort et al. 1976. P. 25-45; Bernard 2010. P. 49.

¹⁹¹ Bernard 1970. P. 339-347, fig. 31; Francfort 1984. P. 93-104.

¹⁹² Подробнее см. Bernard 1994a. P. 117-122.

¹⁹³ Bernard, Francfort et al. 1976. P. 16-24.

¹⁹⁴ Bernard 1972. P. 628-629, fig. 18.

¹⁹⁵ Bernard 1969 P. 341-344, fig. 17-18; Bernard 1994a. P. 118, fig. 3. П. Бернар обращает внимание на тщательную анатомическую проработку тела юноши - в лучших традициях классического искусства.

Рис. 31.
Ай Ханум. Мозаичный пол

надгробный рельеф с изображением обнаженного эфеба с плащом, закинутым за спину¹⁹⁶, наконец, герма с изображением гимнасиарха¹⁹⁷ (Рис. 32) и т.д. Во всех случаях обращает на себя внимание высокое качество исполнения.

Имеется, однако, одна сфера искусства, где скульпторы Бактрии проявили новаторский дух. При создании статуй и рельефов больших размеров они широко использовали метод лепки из глины или стука на основе из тонких полосок дерева или свинца - прием, который встречался в Средиземноморье весьма редко. Образцом такого произведения является голова глиняной статуи¹⁹⁸. Высоким качеством отличались и скульптуры, выполненные с помощью терракотовых форм. При раскопках была найдена такая форма - голова женщины с покрывалом¹⁹⁹.

Технологии, используемые жителями Ай Ханум, практически все греческие²⁰⁰. При раскопках найдено значительное число жерновов, чисто греческих по своему характеру. То же самое можно сказать и о прессах, использовавшихся при приготовлении вина, чисто греческими являются чернильницы и солнечные часы (Рис. 33). Значительная часть керамики повторяет местные типы, но новые веяния приносят и типы сосудов, характерных только для Эллады.

В ходе исследований были сделаны попытки дать и социологическую картину. Так, было выдвинуто предположение, что господствующее положение занимали греки, на более низких ступенях административной лестницы могли находиться и представители местной элиты, что же касается земли, то равнина вокруг города обрабатывалась

Рис. 32.
Ай Ханум. Герма в виде гимнасиарха

Рис. 33.
Ай Ханум. Солнечные часы

¹⁹⁶ Bernarc! 1972. P. 623-625. Пд. 13.

¹⁹⁷ Bernarc! 2012. P. 51. P1d. 16.

¹⁹⁸ Bernarc! 1969. P. 344, Ад. 19-20; BernaШ 1994a. P. 118.

¹⁹⁹ Bernarc! 1994a. P. 118, Ад. 4.

²⁰⁰ Bernarc! 1994a. P. 122-124.

местными крестьянами, поместья же принадлежали греческим колони-
стам и представителям местной знати²⁰¹.

В целом же, несмотря на все трудности, ЦАРА произвела своими
исследованиями на городище Ай Ханум настоящий переворот, впервые
дав огромный материал для понимания эллинистической эпохи на тер-
ритории огромного Центральноазиатского региона. При этом эти ма-
териалы оперативно вводились в научный оборот, давая возможность
специалистам практически немедленно работать с ним.

ЛИТЕРАТУРА

Библиография научных трудов иностранного члена Российской академии
наук Поля Бернара. Сост. Г.А. Кошеленко, Р.М. Мунчаев, В.А. Гаилов. М., 2009.

Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М. Археологическая экспедиция в Афганистане
// Вестник АН СССР. 1966. Вып. 6. С. 64-68.

Bernard P. Chapiteaux corinthiens hellénistiques d'Asie Centrale découverts à Ai
Khanoum//Syria. 45.1968. P. 111-151.

Bernard P. Campagne de fouilles 1968 à Ai Khanoum // CRA11969. P. 312-335.

Bernard P. Campagne de fouilles 1969 à Ai Khanoum // CRAI 1970. P. 301-349.

Bernard P. Campagne de fouilles 1971 à Ai Khanoum // CRA11972. P. 605-632.

Bernard P. Campagnes de fouilles 1972 et 1974 à Ai Khanoum // CRA11974. P.
280-306.

Bernard P. Campagne de fouilles 1974 à Ai Khanoum // CRA11975. P. 167-197.

Bernard P. Campagne de fouilles 1975 à Ai Khanoum // CRA11976. P. 287-322.

Bernard P. Campagne de fouilles 1976 et 1977 à Ai Khanoum // CRAI 1978. P.
421-462.

Bernard P. Campagne de fouilles 1978 à Ai Khanoum // CRA11980. P. 435-459.

Bernard P. L'architecture religieuse de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique //
Akten des XIII internationalen Kongresses für Klassische Archäologie Berlin 1988).
Mainz am Rhein, 1990. P. 51-59.

Bernard P. The Seleucids in Central Asia // History of civilizations of Central Asia.
Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250 /
Editor J. Harmatta. Co-editors: B.N. Puri and G.F. Etemadi. Paris, 1994. P. 88-97.

Bernard P. The Greek kingdoms of Central Asia // History of civilizations of Central
Asia. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D.
250 / Editor J. Harmatta. Co-editors: B.N. Puri and G.F. Etemadi. Paris, 1994a. P. 99-
129.

Bernard P. Langue et épigraphie grecques dans l'Asie Centrale à l'époque
hellénistique // Greek Archaeology without Frontiers. Athènes, 2002. P. 75-108.

Bernard P. La colonie grecque d'Ai Khanoum et hellénisme en Asie Centrale //
Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collection du Musée nationale de Kaboul. Paris,
2006. P. 55-67.

Bernard P. La découverte et la fouilles du site hellénistique d'Ai Khanoum en
Afghanistan: comment elles se sont faites // Afghanistan. I tessori ritrovati. Atti del
Convegno di Torino (Palazzo Chiabrese, 24 ottobre 2007) (Parthica. Incontri di cultura
nel mondo antico. 11. 2009). Pisa-Roma, 2010. P. 33-56.

Bernard P. Ai Khanum: a greek colony in Post-Alexandrian Central Asia, or how to be
Greek in oriental Milieu //Afghanistan: Forging Civilization among the Silk Road / Ed. by J.
Aruz, E. Valtz Fino (The Metropolitan Museum of Art Symposia). New York, 2012. P. 42-53.

Bernard R, Francfort H.-P. Études de géographie historique sur le plaine d'Ai
Khanoun (Afghanistan). Paris, 1978. P. 3-11.

Bernard R, Francfort H.-P. et al. Campagne de fouille 1974 à Ai Khanoum //
BEFEO. 63.1976. P. 5-51.

²⁰¹ Bernard 2006. P. 57.

Bernard P., Grenet F. et al. Campagne de fouille 1978 à Aï Khanoum // BEFEO. 68. 1980. P. 1-103.

Bernard R., Le Berre M., Stucki R. Architecture. Le téménos de Kineas // Fouilles d'Aï Khanoum (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). I. Texte et figure. Rapport préliminaire publié sous la direction de Paul Bernard (MDAFA. T. XXI). Paris, 1973. P. 85-102.

Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. III. Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule. Leiden - New York - København - Köln, 1991.

Downey S. Mesopotamian Religious Architecture. Alexander through the Parthians. Princeton, 1988.

Francfort H.-P. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles (MDAFA. T. XXII. Fouilles d'Aï Khanoum. III). Paris, 1984.

Grenet F. Les pratiques funéraires dans l'Asie Centrale sédentaire de la conquête grecque à l'islamisation. Paris, 1984.

Grenet F. Mithra au temple principal d'Aï Khanoum // Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique (Actes du colloque international du CNRS Paris 22-28 novembre 1988). Paris, 1991. P. 147-151.

Guillaume O. Les propylées de la rue principale (MDAFA. T. XXVI. Fouilles d'Aï Khanoum. II). Paris, 1983.

Leriche P. Les remparts et les monuments associés (MDAFA. T. XXIX. Fouilles d'Aï Khanoum. Vol. V). Paris, 1986.

Leriche P., Thoraval J. La fontaine du rempart de l'Oxus à Aï Khanoum // Syria. 56. 1979. P. 171-205.

Rapin C. La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum. L'apogée et la chute du royaume grec de Bactriane (MDAFA. T. XXXIII. Fouilles d'Aï Khanoum. Vol. VIII). Paris, 1992.

Rapin C., Grenet F. Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Aï Khanoum (Afghanistan) // BCH. 107. 1983. P. 315-381.

Reut M. Qatagan et Badakhshan (Publication de l'URA № 10, Mémoire № 3. Ed. CNRS). Paris, 1979 (в трех томах).

Robert L. De Delphes à Oxus. Inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane // CRAI. 1968. 416-457.

Robert L. Les inscriptions // Fouilles d'Aï Khanoum (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). I. Texte et figure. Rapport préliminaire publié sous la direction de Paul Bernard (MDAFA. T. XXI). Paris, 1973. P. 207-237.

Rougemon G. avec des contribution de P. Bernard Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie Centrale (Corpus inscriptionum iranicarum. Part II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian Period and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I. Inscriptions in non-iranian languages). London, 2012.

Tarzi Z. Jules Barthoux; le découvreur oublié d'Aï Khanoum // CRAI. 1996. P. 595-611.

Veuve S. Le gymnase. Architecture, céramique, sculpture (MDAFA. T. XXX. Fouilles d'Aï Khanoum. Vol. VI). Paris, 1987.

Wood J. A personal Narrative of a Journey to the Source of the River Oxus by the Route of the Indus, Kabul and Badakhshan, performed under the Sanction of the Supreme Government of India in the years 1836, 1837 and 1838. London, 1841.

Wood J. A Journey to the source of the river Oxus. London, 1872.

§ 5. Последние дни

В предыдущем параграфе работы мы специально опустили один сюжет - для большей стройности изложения. Тем не менее, обстоятельства, породившие этот сюжет, существовали, и они оказывали определенное влияние на работу ОАРА. Дело в том, что внутри коллектива

Рис. 34.
Директор DAFA Ж.-К. Гарден
(на первом плане)

²⁰² Подробнее см. Oimerg-1Iarc! 1997. P. 277-287.

²⁰³ Гарден Ж.-К. (1925-2013 гг.) - известный французский археолог. В возрасте 15 лет присоединился к «Свободной Франции», был награжден военным крестом ордена Почетного легиона. Образование получил в Лондонском университете, Сорбонне, Высшей школе живых восточных языков. В 1950 г. работает в Афганистане совместно со Д. Шлюмберже. Несколько лет провел в Сирии и Ливане во Французском институте. В дальнейшем работал в Марселе и Париже. Здесь он являлся директором Центра археологической документации. Много занимался теоретическими проблемами археологии. Его основная работа по этой тематике «Теоретическая археология» переведена на русский язык и издана в нашей стране в 1983 г.

²⁰⁴ Кошеленко 2000. С. 227-233.

французских археологов, работавших в Афганистане, наметились серьезные расхождения. Группа исследователей во главе с Ж.-К. Гарденом настаивала на переориентации деятельности экспедиции²⁰². Ж.-К. Гарден²⁰³ (Рис. 34) не был сотрудником БАБА, он руководил (с 1974 г.) самостоятельной экспедицией, со своим бюджетом, и не имевшей административной связи с РАБА. Задачей этой миссии было выявление всех памятников, расположенных на равнине вокруг Ай Ханум, сколь возможно более точное их датирование, выявление системы ирригации, обеспечивавших водой сами населенные пункты и их поля. Тем самым ставилась задача выявить характер хоры греческого города и, тем самым, более ясно и полно представить всю экономическую структуру общества.

Когда эта задача была выполнена, естественно, родилась идея расширить эти исследования, распространив их на всю Восточную Бактрию. Сложность состояла в том, что группа, работавшая по этому проекту, будучи самостоятельной организацией, воспринималась афганскими властями (и иностранными археологами), как интегральная часть Делегации. Это создавало новые сложности там, где и старых было более чем достаточно. Ведь вставал вопрос о количестве археологических «концессий», которые были предоставлены Франции. С другой стороны, хотя бюджет экспедиции Ж.-К. Гардена был самостоятельным, в соответствующих парижских «инстанциях» вставал вопрос о масштабах финансирования археологической деятельности в Афганистане вообще. Появилось стремление сократить средства на раскопки Ай Ханум. Помимо всех этих соображений здесь сыграла роль и малая совместимость теоретических воззрений. Ж.-К. Гарден выступал сторонником того направления, которое с легкой руки Э. Снодграсса получило название «археология без раскопок». П. Бернар же являлся представителем лучших традиций классической археологии.

В конечном счете, спор был решен в пользу Ж.-К. Гардена. Помимо различного рода личных мотивов в этом споре последний имел то преимущество, что он обещал снижение финансовых затрат и больший научный эффект. Снижение затрат обеспечивалось тем, что не проводились раскопки и, соответственно, не нужны были средства для оплаты рабочих. Все исследования проводились небольшой группой археологов. Ж.-К. Гарден рассчитывал, что эта небольшая группа сможет зафиксировать основную часть памятников, выявить изменения в характере расселения на различных этапах исторического развития, определить характер и масштабы ирригационных систем, и их взаимосвязь с населенными пунктами. И при учете данных о динамике изменений природной среды вся их совокупность позволит представить общие контуры истории всего региона на протяжении нескольких тысяч лет.

Хотя в распоряжении ОАБА периода руководства Ж.-К. Гардена было относительно немного времени, все же свою задачу ему удалось выполнить²⁰⁴ (Рис. 35). Правда, выглядит неубедительной идея о том, что природная среда Средней Азии с начала бронзового века и до сегодняшнего дня оставалась неизменной.

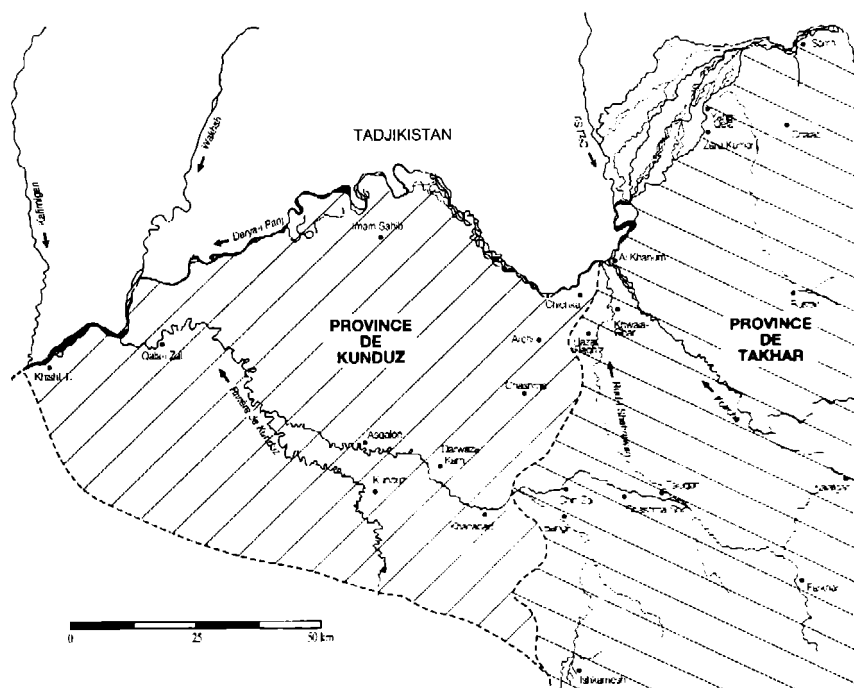

Рис. 35.

Территория археологических разведок
Ж.-К. Гардена

Конечно, сейчас, спустя много лет, после происшедших событий легко судить принятые тогда решения. Однако, все-таки этот суд необходим, необходимо сравнение принятого решения и воследовавших из него результатов. Вопрос, как это совершенно несомненно, стоял таким образом: потратить ли силы РАБА на сплошное обследование территории Восточной Бактрии или на раскопки Ай Ханум. Сейчас каждый непредвзятый специалист согласится с тем, что произошла трагическая ошибка. За годы гражданской войны городище Ай Ханум практически погибло²⁰⁵. Эта гибель - результат как военных действий, так и грабительских раскопок. Конечно, если бы удалось провести здесь еще несколько сезонов раскопок или проводить раскопки в те же сроки, но с большим числом рабочих, наука получила бы новый огромный материал для понимания одного из важнейших, но в тоже самое время очень мало исследованного периода в истории Центральноазиатского региона. Конечно, нам могут возразить, что вместо этого наука получила эскиз истории целого региона на протяжении нескольких тысяч лет. Но здесь имеется некий нюанс. Эти работы можно проводить всегда, когда политические условия это позволяют. Гражданская война и советские войска не уничтожили ни тех черепков, собирая которые археологи датировали памятники, ни следы русел древних каналов, которые позволяют представить развитие древней ирригации. С точки зрения истории науки, в общем, не очень важно, когда эти работы будут проведены: в 80-ые годы XX в., или двадцатью годами позднее. Раскопки же Ай Ханум, если они когда-нибудь возобновятся, уже никогда не дадут той информации, которую они могли бы дать. Нам представляется, что те чиновники в МИД Франции и те археологи, которые выдвигали на первый план разведки и закрывали раскопки Ай Ханум, совершили огромную ошибку.

²⁰⁵ Bernacq 2001.

Рассмотрев общую обстановку, в рамках истории французского археологического присутствия в Афганистане, мы сейчас коснемся тех двух конкретных проблем, о которых говорилось выше: 1) сельскохозяйственная территория (хора) Ай Ханум; 2) системы расселения на территории всей Восточной Бактрии.

По первой из проблем (1974-1976 гг.) работала небольшая группа исследователей: Ж.-К. Гарден (археолог), П. Жантель (географ), Б. Лионнэ (керамолог). В целом, результаты, которые получила эта группа, достаточно интересны, хотя и не совсем однозначны - некоторые свои первоначальные выводы группа позднее опровергала²⁰⁶. Исследователи опирались на очень точные советские карты Афганистана, которые им удалось получить. Обозначенные на этих картах следы древних каналов и бугры, скрывавшие руины древних поселений, послужили отправной точкой для группы Ж.-К. Гардена²⁰⁷.

В качестве одного из самых основных представлен вывод о том, что начало искусственной ирригации в данном районе приходится на III тыс. до н.э. Этот вывод был сделан на основании исследований в районе деревни Шортугай, где, как уже отмечалось, было найдено поселение, являвшееся, видимо, торговой факторией Индской цивилизации.

Создание ирригационных систем было грандиозным предприятием. Длина каналов достигала 34, 40, иногда даже 50 км, а ширина - 15-20 м. Самой сложной проблемой для строителей каналов была трассировка направления канала (представляющая и сейчас весьма сложную задачу). Еще более сложной задачей было создание каналов, которые должны были орошать предгорья²⁰⁸. Земли, доступные для орошения в предгорьях, располагались достаточно высоко, и, как правило, требовалось сооружение 10-15-километровых каналов. Проблема этих каналов требует особого рассмотрения. В частности, возникает вопрос об их экономической рентабельности, поскольку сооружение каналов стоило дорого. Также дорого стоило и их содержание.

Равнина вокруг Ай Ханум исследована подробнее других территорий. Здесь источником орошения стала река Кокча. Древнейшие следы ирригации прослежены на поселении Шортугай, существование которого относится к периоду 2500-1800 гг. до н.э.

Следующий период ирригационного строительства относится к началу I тыс. до н.э. Созданный в это время канал (№ 3 согласно номенклатуре исследователей) орошал площадь примерно 7500 га. Он существовал весьма длительное время. Наивысшего расцвета ирригационное строительство достигло в эллинистическое время. Создание такого крупного городского центра, как Ай Ханум, бывшего важнейшим административным центром Восточной Бактрии, потребовало широкого освоения новых сельскохозяйственных территорий²⁰⁹. Первоначально был построен канал № 6 (расположен примерно там, где проходил канал № 3 ахеменидского времени). Орошаемая им площадь достигала ориентировочно 6800 га. Вторая ирригационная система основывалась на канале № 10, который не имел отдельного истока, но был ответвлением канала № 6. Этот канал орошал примерно 6000 га. Последний

²⁰⁶ Среди публикаций этой группы особо необходимо отметить Gardin, Gentelle 1976. P. 59-99; Gentelle 1976. О них см. Сердитых, Валиев 1987. С. 283-290).

²⁰⁷ Olivier-Utard 1997. P. 278.

²⁰⁸ Ж.-К. Гарден и его группа особо отмечали чрезвычайно высокий профессиональный уровень строителей ирригационных систем, которые определяли трассы каналов с высочайшей точностью.

²⁰⁹ Исследователи подчеркивали, что при расширении освоенной зоны путем строительства новых каналов в греческое время экономические факторы играли второстепенную роль. Обеспечение земли водой и, тем самым, обеспечение ресурсами (в данном случае продуктами питания) населения города было приоритетом, перед которым склонялись все остальные соображения.

этап ирригационного строительства эпохи эллинизма связан со строительством канала № 2. Это было грандиозное для того времени предприятие. Общая длина канала около 30 км. Канал орошал около 4000 га. После создания этого канала общая площадь орошенной земли достигала 16800 га. Вся равнина Ай Ханум в результате была освоена. В это время на ней насчитывалось около 100 населенных пунктов.

Следующий исторический период характеризуется кочевническим завоеванием. Оно, однако, не имело своим результатом сознательного и масштабного уничтожения ирригационных систем. Создается впечатление, что кочевники просто поставили их под свой контроль. Позднее, в кушанское время, ирригация на равнине Ай Ханум поддерживалась в прежних масштабах. Однако, в период между IV в. н.э. и первыми веками ислама происходит резкий упадок ирригационных систем. VI в. начинается возрождение ирригационных систем, и площадь орошаемой земли достигает тех масштабов, которые она имела при кушанах. Монгольское завоевание наносит ирригации смертельный удар. Возрождение этого района Афганистана началось только в XX в.

Отработанные методы и положительная оценка результатов, полученных при этих исследованиях, послужили основанием для следующего проекта, который должен был охватить всю восточную Бактрию. Были обследованы и другие районы Восточной Бактрии. К их числу относятся следующие области: Кундуз-Ханабад, Талукан, Хазар Баг, Хваджа Г ар. Здесь были получены сходные результаты²¹⁰.

ЛИТЕРАТУРА

Кошеленко Г.А. Рец.: Lyonnet B. *Céramique et peuplement du chalcolitique à conquête arabe*. Paris, 1997 // PA 2000. № 1. С. 227-233.

Сердитых З.В., Валиев А. Ирригация и население Восточной Бактрии (обзор публикаций по итогам исследований 1974-1978 гг.) // CA 1987. № 4. С. 283-290.

Bernard P. Découverte, fouilles et pillage d'un site archéologique: la cite gréco-bactrienne d'Aï Khanoum en Afghanistan // Afghanistan. Patrimoine en péril. Actes d'une journée d'étude. Paris, 2001.

Gardin J.-C., Gentille P. Irrigation et peuplement dans la plaine d'Aï Khanoum, de l'époque achéménide à l'époque musulmane // BEFEO. LXIII. 1976. P. 59-99.

Gardin J.-C., Gentille P. L'exploitation du sol en Bactriane antique // BEFEO. LXVI. 1979. P. 1-29.

Gardin J.-C., Lyonnet B. La prospection archéologique de la Bactriane orientale (1974-1978): premiers résultats // Mesopotamia. XIII-XIV. 1978-1979. P. 99-154.

Gentelle P. Étude géographique de la plaine d'Aï Khanoum et de son irrigation depuis les temps antiques. Paris, 1976.

Olivier-Utard F. Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922 -1982). Paris, 1997.

²¹⁰ См. Gardin, Gentelle 1979; Gardin, Lyonnet 1978-1979. P. 99-154; Prospections 1; Prospections 2; Prospections 3. См. также Кошеленко 2000. С. 227-233.

§ 6. Некоторый итог и попытки возрождения

Пытаясь подвести некоторые итоги деятельности DAFA, мы должны будем повторить то, чем начинался наш очерк истории французского археологического присутствия в Афганистане - никто не сделал так много для понимания прошлого этой страны, как наши французские коллеги. Рассмотрение в хронологическом разрезе их деятельности ярко показывает постоянное возрастание научного и методического уровня исследований. Ясно видно, как DAFA освобождается от традиционного представления об археологии как особом способе добычи произведений искусства прошлого, и вырабатывает методы извлечения информации об обществе прошлого, изучаемом археологами.

Коллектив DAFA не затронул всерьез только одну проблему прошлого Афганистана - каменный век. Все остальные эпохи в той или иной степени были объектами внимания этого коллектива. Бронза, ранний железный век, Ахемениды, эллинистическая эпоха, Кушаны, раннее и развитое средневековье - все эти периоды были затронуты вниманием Делегации. В некоторых из эпох трудами DAFA были совершены важнейшие открытия. В связи с этим не можем не отметить Бамиан, Беграм, Хадду, Сурх-Котал, Ай Ханум. Все эти памятники, исследовавшиеся DAFA, дали огромный материал для понимания прошлого Афганистана.

Неоофициально отметить еще одно обстоятельство. В 2002 г., двадцать лет спустя после закрытия, французское правительство по согласованию с афганскими властями возродило DAFA. Официально ее называют обычно «новая DAFA». Эта научная организация, которая стремится воссоздать все лучшее, что было в работах DAFA. Первым директором «новой DAFA» стал Р. Безенваль. Он занимал этот пост до 2009 г., затем его сменил П. Марки.

Исследования «новой DAFA» сосредоточены, главным образом, на районе Бактр. Это место как будто магнитом притягивает французских археологов. Здесь начинали свои исследования А. Фуше и Д. Шлюмберже, теперь по их стопам пошел новый директор Р. Безенваль. Если стремимся рассказать обо всех исследованиях, осуществленных здесь, отметим только самое основное²¹¹.

Прежде всего, необходимо указать, что в нескольких местах на территории городища были выявлены слои, которые относятся к ахеменидской эпохе. Точно также были выявлены слои, датируемые эллинистической эпохой. В результате этого необходимо пересмотреть ту схему развития города, которую в свое время составили Д. Шлюмберже и М. Ле Берр. Кроме того, на тепе Заргаран были найдены капители огромных колонн коринфского ордера, очень близких по своей стилистике колоннам из Ай Ханум²¹² (Рис. 36). Здесь же были найдены остатки большой ступы кушанского времени, в частности, ее внешней каменной облицовки. В кладке из сырцовых кирпичей обнаружены остатки реликвария, в котором находилось несколько бронзовых монет Сотера Мегаса. Тем самым ступа может быть датирована концом I в. н.э. и, тем самым, может считаться одной из древнейших в северном

²¹¹ Bernard, Besenval, Marquis. 2006. P. 1115-1248; Besenval, Marquis. 2007. P. 1847-1874; Besenval, Marquis. 2008. P. 973-995; Besenval, Marquis et Fouache. 2009. P. 1019-1061; Besenval, Marquis, Mougne. 2009. P. 211-242.

²¹² См. Bernard 2009. Fig. 29 (справа) - наиболее близкий аналог капители из Ай Ханум.

Рис. 36.
Тепе Заргаран.
Капитель коринфского типа

Афганистане. Интересным объектом кушанского искусства является капитель пилястра с изображением быка.

Были также найдены следы канала, который снабжал водой наиболее населенный в эллинистическую эпоху район города. Исследовались и укрепления города, где в северном секторе было выявлено пять фаз существования городских стен. В здании, датирующимся кушано-сасанидским временем, были найдены настенные росписи. Наиболее близкие аналогии данной живописи можно найти, по мнению исследователей, в Балалык-тепе (Южный Узбекистан).

Проводились довольно значительные по своим масштабам разведочные работы, направленные на составление археологической карты данного района. На одном из исследованных памятников (Чешме Шафа), расположенных выше по течению реки Балх-аб, проводились небольшие раскопки. В частности, здесь были выявлены слои ахеменидского времени и найден каменный алтарь огня того же времени.

Особое внимание уделялось исследованию ирригационных систем оазиса, выявлению динамики их изменений в течение времени. Иногда

эти исследования проводились в очень опасных условиях, угрожавших даже жизни археологов.

Деятельность ЭАБА в последние годы была достаточно разнообразна, и здесь нет возможности писать обо всех ее аспектах. Отметим только большие разведочные работы в Вахане, осуществляемые совместно с афганскими и китайскими археологами. Большие работы проводятся в Мез Айнак (в 60 км к югу от Кабула, где одна из китайских компаний начинает большие работы по добыче меди. Обследование этого района показало наличие здесь шести буддийских монастырей и следов многовековой деятельности по добыче и обработке меди. Самый ранний период этой деятельности - первые века н.э.²¹³

В рамках ЭАБА происходило и исследование некоторых случайных находок, например, рельефа сасанидского времени в Раг-и Биби²¹⁴.

ЛИТЕРАТУРА

Bernard P. Alfred Foucher archéologue: les fouilles de la Délégation archéologique française en Afghanistan à Bactres (1923 - 1925) // *Bouddhisme d'Asie. Monuments et literatures. Journée d'étude en hommage à Alfred Foucher (1865-1952) réunie le 14 décembre 2007 à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (palais de l'Institut de France). Recueil édité par P.-S. Filliozat et J. Leclant. Paris, 2009. P. 153-210.*

Bernard P., Besenval R., Jarrige J.-Fr. Carnet de route en images d'un voyage sur les sites archéologiques de la Bactriane afghane (mai 2002) // *CRAI. 2002. P. 1385-1428.*

Bernard P., Besenval R., Marquis P. Du «mirage bactrien» aux réalités archéologiques: nouvelles fouilles de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan (DAFA) à Bactres (2004-2005) // *CRAI. 2006. P. 1115-1248.*

Besenval R., Marquis P. Les travaux de la Délégation archéologique française en Afghanistan (DAFA): résultats des campagnes de l'automne 2007 - printemps 2008 en Bactriane et à Kaboul // *CRAI. 2008. P. 973-995.*

Besenval R., Marquis P. et Fouache É. Nouvelles découvertes en Bactriane 2007-2009 // *CRAI. 2009. P. 1019-1061.*

Besenval R., Marquis P. Le rêve accompli d'Alfred Foucher à Bactres: nouvelles fouilles de DAFA 2002-2007 // *CRAI. 2007. P. 1847-1874.*

Besenval R., Marquis P., Mougne P. Le rêve accompli d'Alfred Foucher à Bactres. Premiers résultats des campagnes menées depuis 2004 par la Délégation archéologique française en Afghanistan et la Mission archéologique française en Bactriane d'Afghanistan en collaboration avec l'Institut afghan d'Archéologie // *Bouddhisme d'Asie. Monuments et literatures. Journée d'étude en hommage à Alfred Foucher (1865-1952) réunie le 14 décembre 2007 à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (palais de l'Institut de France). Recueil édité par P.-S. Filliozat et J. Leclant. Paris, 2009. P. 211-242.*

Grenet F. Découverte d'un relief sassanide dans le Nord de l'Afghanistan // *CRAI. 2005. P. 115-134.*

Grenet F. Nouvelles découvertes sur la période sassanide en Afghanistan // *L'art d'Afghanistan de la préhistoire à nos jours. Nouvelles données. Actes d'une journée d'étude. Paris, 2005a. P. 85-94.*

Grenet F., Lee J., Martinez P. and Ory F. The Sasanian relief at Rag-i Bibi (Northern Afghanistan) // *After Alexander. Central Asia before Islam / Edited by J.Cribb and G. Herrmann. Oxford, 2007. P. 243-268.*

Marquis P. Les activités récentes de la Délégation archéologique française en Afghanistan (DAFA) // *L'archéologie française en Asie Centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels / Sous la direction de J. Bendezu-Sarmiento. Paris, De Boccard, 2013. P. 93-98.*

²¹³ Marquis. 2013. P. 94-96.

²¹⁴ Grenet 2005. P. 115-134; Grenet 2005a P. 85-94; Grenet, Lee, Martinez and Ory 2007. P. 243-268.

Глава III.

СВОИ И ЧУЖИЕ

Как мы уже отмечали, основная роль в археологическом изучении Афганистана принадлежит ПАБА, которая и начала исследования раньше других, и проводила их достаточно систематически. Однако, в этом деле после 1952 г. участвовали и другие силы. В данной главе мы намерены осветить три сюжета: 1) собственно афганские усилия по изучению археологических памятников страны, 2) работы иностранных экспедиций, 3) исследования Советско-Афганской экспедиции.

§ 1. Собственные силы

Хотя и очень медленно, но в Афганистане в течение XX века начался процесс становления собственной интеллигенции. Естественно, что археологию этот процесс затронул в последнюю очередь. Два учреждения в Кабуле потенциально могли стать «площадками» для становления профессиональных археологов: Национальный музей, и Институт археологии.

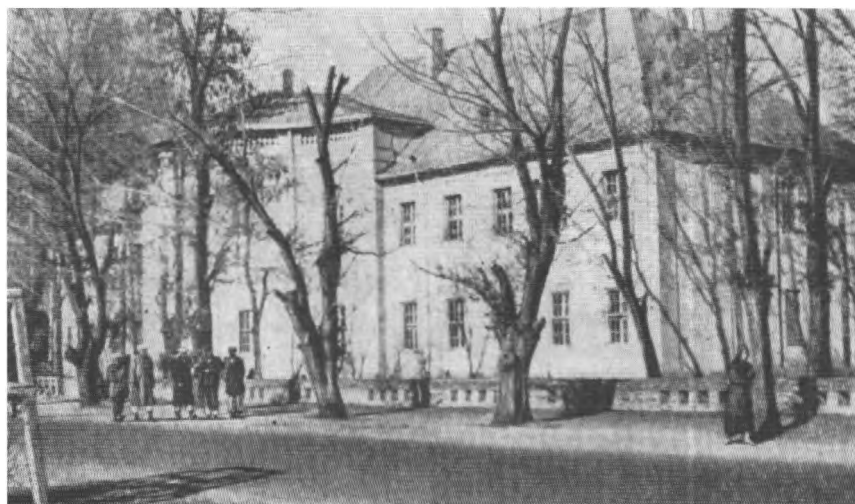
Первым «появился на свет» Музей. Своего рода «зародышем» его была небольшая коллекция рукописей и некоторых произведений искусства, хранившихся в королевском дворце²¹⁵. В 1919 г. эта коллекция вместе с принадлежавшими королевской семье регалиями, оружием, архивными документами и миниатюрами были собраны в павильоне Баг-е-Бала «Лунного дворца» эмира Абдуррахмана. По приказу эмира Аммануллы данная коллекция была переведена в отдельное небольшое здание внутри комплекса королевского дворца (Арк). Наконец, в 1931 г. эта коллекция была перенесена в отдельное недавно построенное здание в местности Дар-уль-аман на окраине Кабула, в 8 км от центра города²¹⁶. Здесь по замыслу эмира, должен был располагаться новый правительственный центр страны, в частности Парламент и некоторые другие учреждения. Первоначально здание (которое стали называть «дворцом Дар-уль-аман») было занято мэрией г. Кабула, а затем некоторое время - Министерством общественных работ. Здание было двухэтажным, кроме того, могли быть использованы чердачные и обширные подвальные помещения (Рис. 1).

В 20-ые годы XX века музей стал постепенно приобретать современный облик - в него стали поступать находки из археологических раскопок, начавших проводиться на территории Афганистана после заключения договора между Францией и Афганистаном о создании ПАБА.

²¹⁵ См. Gnssman 2006. P. 61-75; Massudy 2007. P. 30-37; Sam 2010. P. 29-32.

²¹⁶ Здание было спроектировано архитектором Французской археологической делегации в Афганистане А. Годаром (позднее он много лет провел в Иране), который был глубоко разочарован тем обстоятельством, что основная часть зданий этого правительственного комплекса проектировалась и строилась немцами, которых он презрительно называл «бошами» (Olivier-Utard, 1997. P. 83).

Рис. 1.
Здание Кабульского музея
(30-е гг. XX в.)

²¹⁷ Подробнее см. выше, параграф «Греко-Бактрийский мираж».

²¹⁸ Подробнее см. выше.

²¹⁹ Специальный зал, посвященный скульптуре Хадды, был открыт в этом музее в 1929 г. (Olivier-Utard, 1997. Р. 105).

²²⁰ Отметим, что позднее, уже в 60 - 70-ые годы в Хадде проводили раскопки афганские археологи под руководством Ш. Мустаминди, затем З. Тарзи.

²²¹ Dupree, Dupree, Motamedi, 1974. Р. 85.

²²² В это время король Аманулла вынужден был бежать из страны под напором восставших, которыми руководил Бачи-Сакао (буквально «сын водоноса»). Острие восстания было направлено против реформ Аманулла, который стремился модернизировать страну, и вдохновлялось духовенством. Однако, власть Бачи-Сакао (провозгласившего себя эмиром под именем Хабибуллы) была не долгой. Остатки правительственных войск и ополчения ряда племен сумел объединить дядя бежавшего правителя Надир-хан. Восстание было подавлено, Бачи-Сакао и его приближенные - повешены.

²²³ См. выше.

²²⁴ Позднее здесь работала объединенная экспедиция Индийской службы древностей и Афганского института археологии. Они занимались проблемами сохранения памятников, оставшихся на месте.

²²⁵ Dupree, Dupree, Motamedi, 1974. Р. 91-98.

Первые раскопки (в Бактрах), как мы уже отмечали выше, были, с точки зрения пополнения музейных коллекций, безуспешными²¹⁷. Однако вскоре последовало более успешное продолжение. Мы имеем в виду раскопки в Хадде (в районе Джелалабада), проведенные Ж. Барту. Хотя с точки зрения методики они не отвечали даже тогдашним не очень строгим требованиям, тем не менее, они дали огромное количество блестящих находок: было получено очень много произведений искусства, в первую очередь скульптур и рельефов, как каменных, так и штукowych, принадлежащих, естественно, гандхарской школе искусства. По окончании каждого сезона раскопок всегда начинался долгий и тяжелый спор о разделе находок²¹⁸. Половина находок поступала во Францию, в Музей Гиме²¹⁹, вторая же - в Кабульский музей. Во всяком случае, следует отметить, что скульптура из Хадды стала первой большой коллекцией археологических объектов, поступивших в музей²²⁰. К середине 70-ых годов в Кабульском музее имелось более 1300 предметов из этих раскопок, и был специальный зал, посвященный скульптуре Хадды²²¹.

Следующий большой вклад в коллекции музея внесли раскопки в Бамиане и Беграме, предпринятые новым директором Французской делегации Ж. Акэном. Они были осуществлены несмотря на все сложности, связанные с обстоятельствами гражданской войны в Афганистане²²². Особое место занимали исследования в Бамиане, в гротах той скалы, где находились две высеченные гигантские скульптуры Будды²²³ (Рис. 2). Среди находок особое место занимают произведения скульптуры и монументальной живописи, в частности - росписи сводов ниш, в которых были установлены статуи (Рис. 3). Значительная часть находок поступила в Кабульский музей²²⁴, где им также был посвящен целый зал²²⁵. Еще одним замечательным открытием этого периода стали результаты раскопок в Фундукистане, проведенные сотрудником Ж. Акэна-архитектором Ж. Карлом. Первые находки здесь были сделаны случайно, но они были столь интересны, что сюда практически немедленно отправился Ж. Карл, который вскрыл центральный зал буддийского святилища, расположенного в центре монастырского комплекса.

Рис. 2.

Бамиан. Гигантская статуя Будды

Рис. 3.

Бамиан. Фрагмент настенной росписи

Рис. 4.

Полихромная скульптура
из Фундукистана

Здесь была получена коллекция глиняных полихромных скульптур, датируемых VII в. н.э. (Рис. 4). Фундукистан также получил свой зал в Кабульском музее²²⁶.

В Беграме Французская делегация провела раскопки в цитадели и на «нижнем городе». Особенно сенсационными были результаты раскопок в большом здании, одно из помещений которого, видимо, входило в сокровищницу ранних кушанских царей (правда, некоторые исследователи считают это здание торговым складом)²²⁷. Беграм также удостоился отдельного зала в Кабульском музее²²⁸.

Новый период начался с 1945 г., когда директором Делегации был назначен Д. Шлюмберже. Как мы уже отмечали, он был первым профессиональным археологом среди директоров ОАБА, приобретшим огромный опыт раскопок в Сирии и Ливане. В послевоенные годы изменились и условия, в которых работала Делегация. Была отменена французская монополия на раскопки²²⁹, по инициативе ЮНЕСКО исчезло правило раздела находок, а в 1964 г. окончательно был запрещен вывоз всех древностей из страны. Однако за Делегацией было

²²⁶ Dupree, Dupree, Motamedi, 1974. P. 99-103.

²²⁷ См. выше.

²²⁸ Dupree, Dupree, Motamedi, 1974. P. 35-50. Необходимо, однако, отметить, что среди находок из Беграма были представлены почему-то и артефакты из раскопок Ай Ханум.

²²⁹ Необходимо отметить, что французские археологи сами неоднократно ставили вопрос о ее отмене.

сохранено право выступать в роли Службы древностей Афганистана. Это право ранее оспаривалось афганцами, поскольку в предыдущие годы бывали значительные периоды, когда в Кабуле не было никого из французских археологов. Благодаря тому, что Д. Шлюмберже первые 10 лет (до 1955 г.) постоянно проживал в Кабуле, а позднее, когда он переехал на постоянное жительство во Францию, приезжая в Афганистан только на время раскопок, в Кабуле постоянно находился кто-нибудь из археологов Делегации, она могла в той или иной степени выполнять эти функции.

На много лет главным объектом исследований Д. Шлюмберже стал Сурх Котал, монументальный храмовый комплекс династийного святилища кушанских царей, в частности, Канишки I²³⁰. Среди находок, сделанных здесь, необходимо отметить, скульптуру, терракоту, архитектурные детали и, наконец, огромную бактрийскую надпись, написанную греческим алфавитом. Находкам из раскопок Сурх Котала в музее было отведено одно из самых почетных мест - у входа и вдоль главной лестницы²³¹. Другим объектом раскопок ЦАБА стал Лашкари Базар (в районе Газни), столица государства Газневидов. Это всячески приветствовалось афганскими властями, которые ранее неоднократно выражали недовольство тем, что памятники мусульманской эпохи не привлекают внимания археологов. В Кабульском музее находки из этих раскопок занимали большой зал²³².

В период 60-70 годов прошлого века происходят значительные изменения. На территории страны начинают работать сразу несколько иностранных экспедиций: японская, британская, итальянская, немецкая. Среди этих экспедиций особо надо выделить Советско-Афганскую, начавшую свои исследования в 1969 г. (начальник экспедиции - И.Т. Кругликова)²³³. Ее основное отличие от других состояло в относительной длительности работ, широком охвате территории (как разведками, так и раскопками), масштабности исследований. Раскопки велись на городищах Дильберджин, Емши-тепе, Джига-тепе, ряде памятников бронзового века. Разведки охватили всю северо-западную часть Афганистана²³⁴. Находки, естественно, поступали в музей.

Французская археологическая делегация с 1965 г. начала масштабные раскопки городища Ай Ханум - первого настоящего греческого города в Центральноазиатском регионе. Руководил исследованиями П. Бернар, новый директор БАБА, сменивший на этом посту Д. Шлюмберже. Монументальная архитектура и замечательные находки сделали этот памятник знаменитым, его исследования причислялись к числу наиболее важных археологических открытий XX века. В рамках проекта по исследованию Ай Ханум осуществлялись также разведки на территории непосредственно примыкающей к городу²³⁵. Целый ряд интереснейших находок, естественно, поступил в Кабульский музей²³⁶.

Масштабы новых поступлений находок в музей были столь велики, что срочно потребовалось расширить его площади. К обеим оконечностям здания были пристроены два крыла. Одно из них предназначалось для находок из раскопок Ай Ханум, в другом устраивались временные выставки.

²³⁰ Подробнее см. выше.

²³¹ См. выше.

²³² Dupree, Dupree, Motamedi, 1974. P. 35-50. Необходимо, однако, отметить, что среди находок из Беграма были представлены почему-то и артефакты из раскопок Ай Ханум.

²³³ Характерно, что в новейшем очерке истории музея (Grissman, 2006. P. 63) при перечислении новых зарубежных экспедиций Советско-Афганская даже не упоминается. О ней вспоминают только тогда, когда говорится о находках Тилля-тепе.

²³⁴ Подробнее см. Кошеленко, Мунчаев, Гаилов. 2010. С. 149-158.

²³⁵ Это открытие потребовало полного пересмотра всех наших представлений об эллинистическом периоде в Центральной Азии. См. Bernard, 1994. P. 99-129.

²³⁶ Dupree, Dupree, Motamedi, 1974. P. 7-9.

Своеобразным последним аккордом мирной жизни музея стали замечательные открытия Советско-Афганской экспедиции на холме Тилля-тепе возле Шибергана. При плановом исследовании храма ранне-железного века, руины которого у местного населения были известны под названием Тилля-тепе, неожиданно был обнаружен некрополь, в составе, по меньшей мере, семи погребений²³⁷. Некрополь несомненно принадлежал какой-то правящей фамилии, поскольку в могилах было обнаружено огромное число предметов из драгоценных металлов, украшенных драгоценными и полудрагоценными камнями²³⁸. Обнаруженные в погребениях монеты дали достаточно ясное указание на датировку некрополя: от середины I в. до н.э. до середины I в. н.э.

Несмотря на то, что Музей обогащался огромным количеством первоклассных объектов, он, тем не менее, не стал научным центром. Посетивший Кабул французский специалист по реставрации П. Амелен так характеризовал состояние Музея: «Музей, с административной точки зрения, является скорее «складом» Министерства просвещения, чем собственно музеем. Он располагает только одним весьма скромным зданием, которое лишено современных удобств. Нет лаборатории, нет даже канализации, нет отопления, и очень деликатные произведения искусства подвергаются разрушительному воздействию разницы температур. Охранники - безграмотны. Нет и Каталога»²³⁹.

П. Амелен вскоре покинул Кабул, проблема реставрации хрупких произведений искусства (в первую очередь имелись в виду стекло и слоновая кость) не была решена. Вмешательство итальянских коллег также было малоуспешным. Наконец, прибыла специальная миссия ЮНЕСКО, но и она покинула Кабул, не завершив работу по консервации объектов.

Состояние музея определялось как тем, что им никогда не руководил специалист, так и тем, что на содержание его у правительства никогда не хватало средств. Характерны обстоятельства смены руководства музея в 1957 г.²⁴⁰. В течение достаточно долгого времени руководил им Ахмед Али Кохзад. По совместительству он являлся и Президентом Исторического общества Афганистана. В это время соответствующий отдел ЮНЕСКО отправил экспертную музееведческую группу (во главе с А. Кабю, директором археологического музея в Невшателе в Швейцарии). Эта группа представила афганскому Министерству народного просвещения свою справку, в которой достаточно жестко оценивалось состояние дел в музее. Результатом ее стало решение о снятии Кохзада. Новым директором музея был назначен Абдул Рахим Зиаи. Представитель французского посольства, в донесении которого содержится эта информация, следующим образом характеризует его: он получил образование во Франции, защитил диссертацию в Тулузе по истории Афганистана в XVIII веке. Таким образом, директором опять стал не специалист. Упомянутый представитель посольства с удовлетворением сообщает, что благодаря А. Кабю Абдул Рахман Зиаи получает командировку «в Европу, в частности во Францию, для изучения музейного дела». Тогда же было решено послать туда же

²³⁷ Полностью было исследовано шесть из них. Седьмое погребение было обнаружено буквально в последние дни работы экспедиции. Было решено законсервировать его до следующего сезона, который так и не наступил. Нераскопанное погребение было позднее разграблено. Следует отметить, что некоторые ученые полагают, что всего было девять погребений (Везепуа1 2013. Р. 73).

²³⁸ Бапаш1 1985.

²³⁹ O1mer-Шарс1, 1997. Р. 221.

²⁴⁰ O1Mer-Шарс1, 1997. Р. 223-224.

двух молодых афганцев для обучения их техническим вопросам музеелогии. В заключении этой части документа указывается, что эти меры «усилят наше постоянное влияние в домене музея и археологии Афганистана».

Однако в этой истории есть еще один контекст, который характеризует новое время, время, когда французская монополия была отменена, и когда появились новые археологические миссии. Началось соперничество миссий и их взаимная борьба за влияние. Первоначально на первом плане было французо-итальянское соперничество, затем появилась Советско-Афганская экспедиция, и французы стали ее воспринимать как главную угрозу.

В рассматриваемое время, с 1957 г., главным соперником французов были итальянцы. И соперничество с ними не было «игрой в одни ворота». В том же самом документе сообщается о «контрударе», который нанесла противная сторона. Уходящий директор одним из своих последних распоряжений назначает итальянского археолога У. Шеррато «консультантом директора музея», что, естественно, вызвало негативную реакцию со стороны как французского посольства, так и ОАБА.

В конце апреля 1978 г. в Кабуле произошел военный переворот, названный Апрельской революцией. К власти пришло правительство Народно-демократической партии Афганистана. Но уже осенью в стране начались волнения, которые в следующем году переросли в гражданскую войну, принесшую неисчислимые потери культурному наследию страны. Но об этом речь пойдет в следующей части книги.

К началу этих событий музей подошел в следующем состоянии. По-прежнему в составе музейного коллектива не было ни одного археолога. В музее хранились огромные богатства. Основная экспозиция состояла из следующих залов: этнографического (где особое внимание привлекали вырезанные из дерева скульптуры «предков», происходящие из Нуристана); доисторического (каменные орудия, начиная со среднего палеолита, знаменитый «клад из Фулола» бронзовой эпохи и т.п.); исламских древностей; выставка монет (несколько кладов античной эпохи, монеты последующего времени, включая первые бумажные деньги, выпущенные при Амманулле); кроме того имелось несколько залов, в которых представлялись материалы из раскопок наиболее известных центров (залы Беграма, Шоторака, Хадды, Бамиана, Фундукистана, Лашкари Базара и др.). Часть материалов экспонировалась у входа в музей (знаменитые эдикты царя Ашоки на греческом и арамейском языках, греческая надпись из Ай Ханум), в галереях и на лестницах (некоторые фрагменты скульптур и архитектурные детали, алтарь из Сурх Котала, древности неизвестного происхождения, конфискованные таможней), а также в коридорах. Фонды располагались в подвальных помещениях и частично на чердаке. Помимо рабочих помещений персонала имелись комнаты для фотолаборатории, библиотеки и небольшой реставрационной мастерской. К сожалению, Музей не стал «инкубатором», выращивающим собственных археологов.

Вторым центром, который бы мог стать таким питомником, могла и должна была стать служба древностей Афганистана. Как известно, в соответствии с Договором 1922 г. эту роль на себя брала РАБА. Однако мы уже отмечали, что у афганских властей были на этот счет определенные сомнения, и уже в военное время явно проявлялись стремления к созданию собственно афганской службы. Это произошло в 1967 г. по указу эмира Афганистана. Был создан Институт археологии (в составе Министерства культуры и информации). На институт была возложена обязанности наблюдения за всеми археологическими раскопками на территории страны, проведением реставрационных работ и т.д. Все иностранные миссии должны были получать лицензии на раскопки в институте. Директором его был назначен Ш. Мустаминди (Э. Л/Шаштси, иногда обозначался как Э. М^Аталс^А). Он получил образование в Италии²⁴¹. Уже в 1966 г. он провел первые самостоятельные раскопки в Хадде²⁴². И в дальнейшем он продолжал здесь свои работы²⁴³, и начал сооружение музея, который перекрывал значительную часть раскопанной площади.

Следующим директором Института стал З. Тарзи (с 1974 г.). Подобно Ш. Мустаминди он также получил образование за рубежом, но в данном случае во Франции²⁴⁴. Он был учеником Д. Шлюмберже в Страсбургском университете им. М. Блоха. З. Тарзи продолжил работы, начатые его предшественником, в Хадде²⁴⁵. При нем было завершено создание здесь музея, считавшегося лучшим в Афганистане. Было исследовано два монастыря, один храм и специальный грот для медитаций. Особого внимания заслуживает обнаруженная здесь настенная живопись. Под руководством З. Тарзи проводились и археологические исследования в Бамиане. Была издана большая монография, в которой было дано описание основной массы сооружений²⁴⁶. Общий итог этого этапа исследований был дан Д. Климбург-Салтер²⁴⁷.

Оценивая в целом деятельность Института, мы должны будем признать, что в нем, конечно, были сделаны определенные шаги в правильном направлении, но для такой страны, с таким количеством памятников этого было явно недостаточно. Один профессиональный археолог и один архитектор - это то, что называется «капля в море».

ЛИТЕРАТУРА

Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М., Гаилов В.А. Советско-Афганская археологическая экспедиция: два юбилея // ПА. 2010. № 4. С. 149-158.

Bernard P. Greek Kingdoms of Central Asia // History of civilizations of Central Asia. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 2nd B.C. - 650 A.D. Paris, 1994. P. 99-129.

Besenal R. Les années noires du patrimoine alt-aecoc o.e o -tr a~ sja- (2001). Chronologie d'un désastre // Archéologie française de l'Asie centrale: recherches et enjeux socioculturels / Sous la direction de J. Benoez~Sa'~5". Paris: De Boccard. 2013. P. 69-91.

Dupree N.H., Dupree L., Motamedi A.A. The National Museum of Afghanistan. Illustrated Guide. Kabul, 1974.

²⁴¹ Вдобавок > 5>~ жена: га итальянке.

²⁴² См. Мо-5:а-псу М. ег Б. 1969. Р. *5-36; Мо-8:а-псу 1969а. Р. 119-128; Мои5*:а-псу'57С. Р. 1-Ю.

²⁴³ Мс.,з:з~ пау 1974. С. 107-112; Моиэ-!а~псу '97'. Р. 128-137.

²⁴⁴ Естественно, его женой была французка.

²⁴⁵ Tara 1976. Р. 381-410; Tara 1979. Р. 60-89.

²⁴⁶ Tara 1977.

²⁴⁷ КНТыгд-БаНер 1989.

- Grissman C. The Kabul Museum: Its Turbulent Years **II** Art and Archaeology of Afghanistan. Its Fall and Survival. A Multi-disciplinary approach / Ed. by J. Van Krieken-Pieters. Leiden - Boston, 2006. P. 61-75.
- Killmburg-Salter D. The Kingdom of Bamiyan. Buddhist art and culture of the Hindu Kush. Naples-Rome, 1989.
- Massud O.K. Le musée national d'Afghanistan au cours des trois dernières décennies **II** Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du musée national de Kaboul. Paris, 2007. P. 30-37.
- Moustamindy M., Moustamindy S. Nouvelles fouilles à Hadda (1966-1967) **II** Art Asiatiques. T. 19. 1969. P. 15-36.
- Moustamindy S. La fouille de Hadda // CRAI. 1969a. P. 119-128.
- Moustamindy Ch. Nouvelles fouilles à Hadda (1966-1967). Caboul. Ministère de la culture et de l'information. Direction générale de l'Archéologie, 1970. 10 p.
- Moustamindy Sh. Preliminary Report on Hadda's fifth excavation period **II** Afghanistan. Vol. XXIV. № 2-3. 1971. P. 128-137.
- Moustamindy Ch. Les nouvelles fouilles de Hadda **II** Центральная Азия в кушанскую эпоху (Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. 27 сентября - 6 октября 1968 г.). Т. I. М., 1974. С. 107-112.
- Olivier-Utard F. Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922 - 1982). Paris, 1997.
- Saifi S. Testimonianze del museo di Kabul **II** Afghanistan. I tesori ritrovati. Atti del Convegno di Torino (Palazzo Chiabrese, 24 ottobre 2007) (Parthica. Incontri di cultura nel mondo antico. 11. 2009). Pisa-Roma, 2010. P. 29-32.
- Sarianidi V. Bactrian Gold from the excavations of the Tillya-Tepe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985.
- Tarzi Z. Yadda à la lumière des trois dernières campagnes de fouilles de Tapa-é-Shotor (1974-1976) **II** CRAI 1976. P. 381-410.
- Tarzi Z. L'architecture et le décor rupestre des grottes de Bamiyan. 1-2. Paris, 1977.
- Tarzi Z. Hadda after the three last seasons of excavations at Tepe Shotor (1974-1976) // Afghanistan. Vol. XXXII. 1979. P. 60-89.
- Tarzi Z. Les fouilles de la mission archéologique française à Bâmiyân sous la direction de Z. Tarzi **II** L'art d'Afghanistan de la préhistoire à nos jours. Nouvelles données. Actes d'une journée d'étude. UNESCO. 11 mars 2005 **II** Paris, 2005. P. 95-124.

§ 2. Другие

Как мы знаем, после 1952 г. перестало действовать правило о монопольном положении ОАБА в археологии Афганистана. Естественно, что некоторые страны постарались воспользоваться новой ситуацией. Кажется, первыми это осознали американцы. Уже в 1953 г. Р.С. Янг (по поручению Университета Пенсильвании) проводит исследование укреплений Балха²⁴⁸. В это же время начались и первые американские полевые работы в афганском Систане, ориентированные, в первую очередь, на анализ природных особенностей региона, их эволюцию, и ранние этапы его обживания²⁴⁹.

Тогда же начал свои исследования Л. Дюпри - видимо, самый известный из исследователей каменного века (в частности, палеолита) Афганистана²⁵⁰. Его полевые разведочные исследования покрыли практически всю территорию страны²⁵¹. В этом же направлении работали и некоторые другие американские экспедиции²⁵².

²⁴⁸ Young 1955. P.267-276.

²⁴⁹ Fairervis 1961.

²⁵⁰ Dupree 1956. P.195-206.

²⁵¹ Dupree 1963; Dupree 1967. P. 8-27; Dupree, Howe 1963. P. 1-15; Prehistoric research...

²⁵² См., например, Coon 1957.

Создается впечатление, что в американском научном сообществе не была выработана единая позиция относительно археологических исследований в Афганистане, каждый из научных институтов руководствовался собственными представлениями и, в результате, осуществлялись только краткосрочные программы с ограниченными целями и соответственно, средствами.

Аналогичная ситуация, кажется, существовала и в немецкой археологии (в тогдашних условиях - ФРГ). Здесь инициатива также принадлежала отдельным научным учреждениям и иногда даже отдельным ученым, которые умели получать средства на намеченные ими программы. В частности, среди немецких археологов необходимо особо выделить К. Фишера, который сумел обследовать обширные территории, при этом обращая особое внимание на Систан²⁵³.

Великобритания первоначально не уделяла особого внимания археологическим исследованиям на территории страны. Из ранних экспедиций необходимо отметить миссию по археологическим разведкам в Систане²⁵⁴. Но в 1972 г. был создан Британский институт в Кабуле, ставший постоянной базой британских археологов в Афганистане. Опираясь на этот институт, английские археологи начали достаточно серьезный проект по исследованию Старого Кандагара - одного из крупнейших городов страны. Эти исследования, к сожалению, были прерваны гражданской войной²⁵⁵. Старый Кандагар имел размеры 1200 x 500 м. Необходимо особо указать на то, что при исследовании крепостных стен Кандагара, кажется, было доказано, что первая стена была здесь возведена еще до прихода сюда Ахеменидов. Цитадель, видимо, была создана вскоре после персидского завоевания. Особого внимания заслуживает греческая надпись, найденная во время английских раскопок²⁵⁶. Наивысший подъем город переживал в кушанское время. На склоне хребта, возвышающегося над городом, были открыты остатки буддийского монастыря. Некоторые интересные наблюдения были сделаны и при исследовании некрополя. Особо необходимо отметить погребения, характеризующиеся наличием «обола Харона», но монеты, использовавшиеся для этой цели, были сасанидскими²⁵⁷.

Наиболее серьезным соперником ЭЛБА в эти годы считалась итальянская миссия, созданная Д. Туччи на базе Итальянского института Среднего и Дальнего Востока (IzMEO)²⁵⁸. Первоначально основным объектом деятельности этой миссии были памятники средневековой эпохи, в частности, Газни. Итальянские археологи, с точки зрения сотрудников ОАБА, осуществляли «недружественную конкуренцию». Д. Шлюмберже, в частности, указывал в одном из своих докладов «наверх» (в 1960 г.), что профессор Туччи много лет стремился получить право на раскопки в Газни. Французская делегация ему в этом помогла, поскольку французы уже готовились к раскопкам в Лашкари Базаре. Но, получив право на раскопки в Газни, итальянцы на этом не успокоились, вдобавок они хотели получить еще право на исследования в районе Джелалабада и Лагмана. Обижало французов и «внедрение» итальянцев в Национальный музей в Кабуле²⁵⁹.

²⁵³ Fischer 1958. P. 231-253; Fischer 1969. P. 327-408; Fischer 1970. P. 45-51; Fischer 1973. P. 13M55.

²⁵⁴ Hammond 1970. P. 437-459.

²⁵⁵ McNicoll 1978. P. 41-46; Whitehouse 1978. P. 9-39; Helms 1979. P. 1-8; Helms 1982. P. 1-24; McNicoll. Ball 1996.

²⁵⁶ Fraser 1979. P.9-21.

²⁵⁷ Необходимо помнить о находке в окрестностях Кандагара надписей на греческом, арамейском и ххарошти времени маурийского царя Ашоки с изложением его нравственного учения. В сравнительно недавнее время П. Бернар обобщил все имеющиеся материалы по античному Кандагару.

²⁵⁸ Ollivier-Utard 1997. P. 169-170. Общий очерк ее деятельности см. Filigenzi 2010. P. 57-69.

²⁵⁹ См. выше.

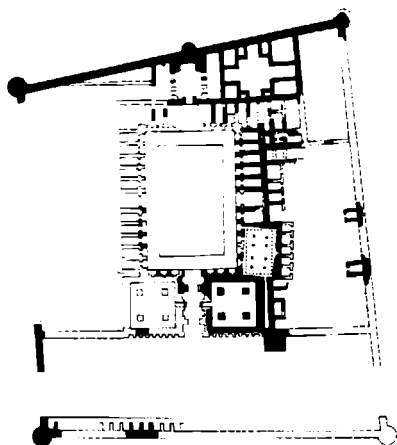

Рис. 5.
Газни. План дворца султана Масуда III

Рис. 6.
Тепе Сардар. Большая ступа

Итальянская миссия исследовала целый ряд памятников. Основной зоной деятельности ее был район Газни. Важнейшим из памятников, изучавшихся здесь, был, видимо, дворцовый комплекс в Газни. Объектом раскопок являлся дворец газневидского султана Масуда III (1099-1114 гг.)²⁶⁰ {Рис. 5}. Центром дворца являлся обширный прямоугольный двор (50 x 31 м), вымощенный мраморными плитами. Во двор выходило четыре айвана, из них северный соединялся с монументальными пропилеями, а южный подводил к тронному залу. В пределах дворца находилась также мечеть. Стены основных помещений были украшены терракотовыми панелями и резьбой по штукатурке. Нижняя часть стен имела совершенно оригинальное решение - резьба по мрамору (длиной 250 м), представляющая собой надпись на персидском (а не на арабском, как ожидалось) языке.

Вторым объектом исследований миссии был Тепе Сардар в районе Газни - очень интересный многослойный (VII-IX вв. н.э.) буддийский памятник²⁶¹. Центральное место на памятнике занимала огромная (24 м в стороне по основанию) ступа {Рис. 6}, окруженная малыми по размерам ступами {Рис. 7}, и небольших святилищ с росписями, рельефами и скульптурами {Рис. 8}. Среди последних особенно выделяется 15-метровая скульптура, изображающая лежащего «Будда в паранирване» (Рис. 9). Руководил этими исследованиями специалист с мировым именем М. Таддеи. Итальянские археологи проводили и активные разведки в этом районе²⁶², а также раскопки небольших памятников²⁶². Активно изучались монастырские комплексы, расположенные в горных пещерах²⁶³.

В эти же годы впервые появились и первые японские археологические экспедиции (первая в 1954 г. - в Бадахшане, вторая - в 1965 г., в районе Кабула). Японских археологов интересовали только памятники,

²⁶⁰ Scerrato 1959. P. 23-55; Fischer 1978. P. 357-403.

²⁶¹ Taddei 1968. P. 109-124; Taddei 1972. P. 379-384; Taddei 1973. P. 203-213; Taddei 1978. P. 576-589 (с библиографией); Taddei, Verardi 1978. P. 33-135.

²⁶² См., например, Verardi 1977. P. 3-24.

²⁶³ Scerrato 1967. P. 11-24.

²⁶⁴ См., например, Verardi and Paparatti 2004.

²⁶⁵ Olivier-Utard 1987. P. 171.

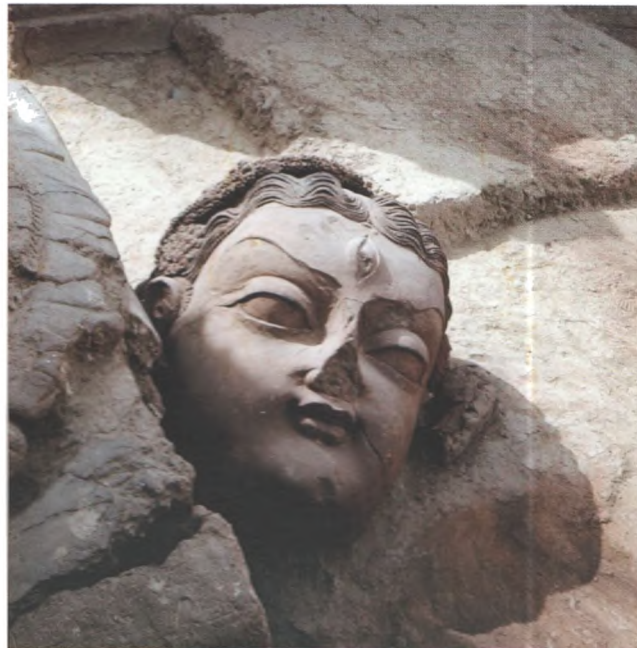

Рис. 7.
Тепе Сардар. «Звездные» ступы,
оказавшие большую ступу

Рис. 8.
Тепе Сардар. Богиня Дурга. Фрагмент

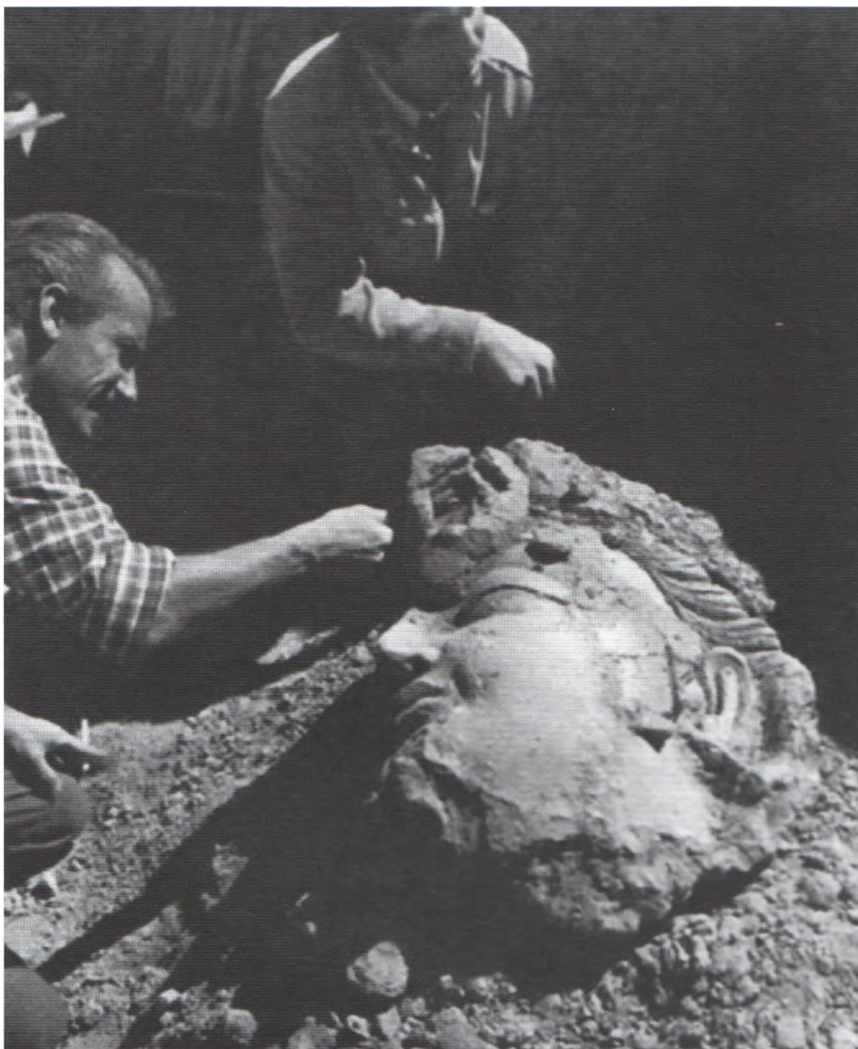

Рис. 9.
Тепе Сардар. Полевая консервация
статуи «Будды в паранирване»

связанные с буддизмом²⁶⁵. В 1974 г. был заключен официальный договор между Японией и Афганистаном о проведении археологических исследований. Основным организатором японских археологических исследований на территории Афганистана выступал университет Киото. Необходимо отметить работы по исследованию и фиксации скульптуры и живописи в Бамиане, осуществлявшихся экспедицией Киотского университета²⁶⁶. Другим важным объектом исследований был буддийский комплекс Тепе Скандар²⁶⁷. Археологические разведки осуществлялись и в других местах²⁶⁸.

ЛИТЕРАТУРА

Bāmīyān. Art and archaeological researches on the Buddhist Cave temples in Afghanistan. 1. Art and archaeological researches on the Buddhist Cave temples in Afghanistan 1970-1978 / Ed. by T. Higuchi. 4 vol. Kyoto, 1983-1984.

Bazaval and Jalalabad-Kabul. Buddhist cave-temples and Tops in South-East Afghanistan surveyed mainly in 1965.2 vol. / Ed. by Mizuno S. Kyoto, 1970-1971.

Coon C.S. The seven caves. New York, 1957.

Dupree L. Shamshir Gar, a historic cave site in Kandahar province (Afghanistan) // Arts Asiatiques. T. 3.1956. P. 195-206.

Dupree L. Deh Morasi Ghundai: a chalcolitic site in south-central Afghanistan (Anthropological Papers of American Museum of Natural History. Vol. 50. Pt. 2). New York, 1963.

Dupree L. The Prehistoric period of Afghanistan //Afghanistan. Vol. 20. № 3.1967. P. 8-27.

Dupree L., Howe B. Results of the archaeological survey for stone age sites in North Afghanistan //Afghanistan. Vol. 8. № 2.1963. P. 1-15.

Fairservis W.A., Jr. Archaeological Studies in the Seistan Basin of southwestern Afghanistan and eastern Iran (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. 48. Pt. 1). New York, 1961.

Filigenzi A. La missione archeologica Italiana in Afghanistan dell' ISIAO: cinquant' anni di ricerche, scoperte, incontri // Afghanistan. I tesori ritrovati. Atti del convegno di Torino (Parthica. Incontri di cultura nel mondo antico, 11. 2009). Pisa-Rome, 2010. P. 57-69.

Fischer K. Gandharan Sculpture from Kunduz and environs // Artibus Asiae. Vol. XXI. 3/4.1958. P. 231-253.

Fischer K. Preliminary researches on archaeological survey in Afghanistan // Zentralasiatische Studien. Vol. III. 1969. P. 327-405.

Fischer K. Historical. Geographical and Philological Studies on Seistan by Bosworth, Daffinà and Gnoli in the Light of recent FArchaeological Field Survey // East and West. Vol. 21. № 1-2.1970. P.45-51.

Fischer K. Archaeological field surveys in Afghan Seistan 1960-1970 // South Asian Archaeology. Papers from the first international conference of South Asian Archaeologist held in the university of Cambridge / Ed. by N. Hammond. Park Ridge, 1973. P. 131-155.

Fischer K. From the Mongols to Mughal // The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period / Ed. by Allchin F.R. and Hammond N. London-New York-San Francisco, 1978. P. 357-403.

Fraser P. M. The son of Aristonax // Afghan Studies. Vol. 2.1979. P. 9-21.

Haibak and Kashmir-Smast. Buddhist cave-temples in Afghanistan and Pakistan surveyed in 1960 / Ed. by Mizuno S. Kyoto. 1962.

Hammond N. An Archaeological reconnaissance in the Helmand valley, South Afghanistan // East and West. Vol. 20.1970. P. 437-459.

^m Bāmīyān...

²⁶⁷ Kuwayama 1972. P. 5-14; Kuwayama 1974. P. 5-13; Kuwayama 1976. P. 5-15; Kuwayama 1978. P. 5-12; Kuwayama 1980. P. 5-15.

²⁶⁸ См., например, Haibak...; Hazar-sum...; Bazaval...

- Hazâr-sum and Fil Khana. Cave-sites in Afghanistan surveyed in 1962 / Ed. by Mizuno S. Kyoto, 1967.
- Helms S. W. Old Kandahar excavations 1976: preliminary report //Afghan Studies. Vol. 2.1979. P. 1-8.
- Helms S. W. Excavations at "The City and the Famous Fortress of Kandahar, the foremost place in all of Asia" // Helms S. W. Excavations at Old Kandahar in Afghanistan 1976-1978: conducted on behalf of the Society for the South Asian Studies (Society for Afghan Studies). Stratigraphy, pottery and the other finds. Oxford, 1997.
- Higuchi T. Kyoto University Mission's Work in the Kushan Area // Центральная Азия в кушанский период. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. (Душанбе, 27 сентября - 6 октября 1968 г.). Т. I. Москва, 1974. P. 177-179.
- McNicol A. Excavations at Kandahar, 1975: second interim report //Afghan Studies. Vol. 1.1978. P.41-46.
- Kuwayama Sh. The first excavation at Tapa Skandar // Archaeological Survey of Kyoto University in Afghanistan. 1970. Kyoto, 1972. P. 5-14.
- Kuwayama Sh. Excavation at Tapa Skandar: second interim report //Archaeological Survey of Kyoto University in Afghanistan. 1972. Kyoto, 1974. P 5-13.
- Kuwayama Sh. The third excavation at Tapa Skandar // Japan-Afghanistan Joint archaeological Survey 1974. Kyoto, 1976. P. 5-15;
- Kuwayama Sh. The fourth excavation at Tapa Skandar // Japan-Afghanistan Joint archaeological Survey 1976. Kyoto, 1978. P. 5-12.
- Kuwayama Sh. The fifth excavation at Tapa Skandar // Japan-Afghanistan Joint archaeological Survey 1978. Kyoto, 1980. P. 5-15.
- McNicol A., Ball W., with contributions by: Growe Y, Flemming D., Mac Dowall D., Whitehouse D., Wightman G. Excavations at Kandahar 1974 and 1975: the first two seasons at Shahr-i Kohna (Old Kandahar) conducted by the British Institute of Afghan Studies. Oxford, 1996.
- Olivier-Utard F. Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922 -1982). Paris, 1997.
- Prehistoric research in Afghanistan (1959-1966) / Edited by L. Dupree (Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 62. Pt. 4). Philadelphia, 1972.
- Scerrato U. The first two excavation campaign at Gazni // East and West. 10.1959. P. 23-55.
- Scerrato U. A note on some pre-Muslim antiquities of Cagatu // East and West. Vol. 17.1967. P. 11-24.
- Taddei M. Tapa Sardar: first preliminary report // East and West. Vol. 18.1968. P. 109-124.
- Taddei M. IsMEO activities: archaeological vision in Afghanistan // East and West. Vol. 22.1972. P. 379-384.
- Taddei M. Il santuario buddhistico di Tapa Sardar, Afghanistan // La ricerca scientifica. 100 (Un decennio di ricerca archeologica). 1978. P. 576-589.
- Taddei M., Verardi G. Tapa Sardar. Second Preliminary Report // East and West. Vol. 28.1978. P.33-135.
- Verardi G. Report on a visit to some rock-cut monasteries in the province of Ghazni // East and West. Vol. 27.1977. P. 3-24.
- Verardi G. and Paparatti Buddhist caves of Jâghûrî and Qarabâgh-e Gazni. Afghanistan, Rome, 2004.
- Whitehouse D. Excavations at Kandahar 1974: first interim report //Afghan Studies. Vol. 1.1978. P.9-39.
- Young R.S. The South Wall of Balkh-Bactres //AJA. Vol. 59. Fase. 4.1955. P. 267-276.

§ 3. Советско-Афганская экспедиция

Рис. 10.
И.Т. Кругликова

Среди иностранных экспедиций, работавших в последние мирные годы на территории Афганистана, особо следует выделить Советско-Афганскую. Ее исследования длились 10 лет, у нее был достаточно серьезный бюджет, в ней участвовало значительное число специалистов, как из Института археологии АН СССР, так и ряда других научных учреждений. Участниками экспедиции были проведены значительные по масштабам исследования, некоторые результаты стали сенсационными.

При этом необходимо сделать одно вводное замечание. Возможность написать данный раздел книги появилась сравнительно недавно. Дело в том, что значительная часть полученных в ходе исследований экспедиции материалов оставалась в течение длительного времени не опубликованной. И.Т. Кругликова (Рис. 10), являвшаяся начальником экспедиции, только в течение последних лет осуществила их издание. Были опубликованы результаты раскопок одного из храмов Дильберджина²⁶⁹, цитадели Дильберджина²⁷⁰, городища Джагат-тепе (Джигат-тепе, Жига-тепе²⁷¹), наконец, материалы по археологической карте Афганистана.²⁷²

Лишь после этих публикаций появилась возможность более полно представить масштабы и результаты деятельности Советско-Афганской археологической экспедиции. Вместе с тем, некоторые из находок экспедиции остались не исследованными и, соответственно, не опубликованными. В качестве примера можно привести достаточно большую по содержанию монументальную бактрийскую надпись, открытую на Дильберджине. Ее изучением начал заниматься В.А. Лившиц²⁷³, но работа так и не была окончена.

Рождение этой экспедиции в некоторых отношениях было явлением вполне закономерным. После окончания Великой Отечественной войны развернулось беспрецедентное по своим масштабам исследование памятников прошлого на территории среднеазиатских республик СССР. Здесь работали московские и ленинградские экспедиции, а также экспедиции недавно созданных археологических центров местных академий и музеев. Чем шире разворачивались эти исследования, тем все более ясным становилась достаточно простая истина: в историко-культурном отношении юг Средней Азии (особенно юг Узбекистана и Таджикистана) чрезвычайно близок северу Афганистана. В силу этого ответы на загадки памятников севера нужно искать на юге, (и, соответственно, наоборот). Взгляды археологов, работавших в Таджикистане и Узбекистане, все чаще обращались к территориям, лежащим за Амударьей. Однако, сама эта идея, идея организации экспедиции в Афганистане, довольно долгое время казалась несколько утопичной.

Как это ни странно, но толчок к созданию Советско-Афганской экспедиции дали французские археологи из ОАБА (Французской археологической делегации в Афганистане). Дело в том, что в 1967 г. в составе Делегации на раскопках городища Ай Ханум работали два советских археолога: И.Т. Кругликова и Б.А. Литвинский²⁷⁴. И.Т. Кругликова

²⁶⁹ Кругликова 1999. С. 1-99.

²⁷⁰ Кругликова 2001. С. 312-413.

²⁷¹ Кругликова 2004. С. 479-561.

²⁷² Кругликова 2005. С. 309-437.

²⁷³ Kruglikova 1977. P. 415, fig. 7.

²⁷⁴ Перед этим в 1965 г. в ее работах участвовали два других советских специалиста: Р.М. Мунчаев и Г.А. Кошеленко.

настолько вдохновилась этими раскопками, что активно стала проповедать идею советских археологических исследований в этой стране. Тогда в кулуарах говорилось, что создание экспедиции - результат неукротимой энергии И.Т. Кругликовой. Можно и нужно отдать должное ей, но, конечно же, необходимы были и другие составляющие. В первую очередь нужна была ясная позиция руководства Института, и академик Б.А. Рыбаков, бывший тогда директором Института, безоговорочно поддержал идею. Но главное - это получить положительное решение «директивных органов». В этом, насколько известно, важную роль сыграло Посольство СССР в Кабуле. Оно убедило руководство МИД, а то, в свою очередь более высокие инстанции в необходимости создания экспедиции. Причины этого также понятны. Советский Союз в это время активно развивал отношения с Афганистаном. Афганская армия получала современное оружие, ее офицеры обучались в советских военных ВУЗах. Наши специалисты активно помогали в развитии экономики страны: строились фабрики, создавались ирригационные системы, прокладывались дороги, в том числе знаменитый путь через перевал Саланг. На севере страны действовало несколько геологических экспедиций, главным образом, нефтяники и газовики. В этих условиях было решено дополнить этот комплекс «идеологической составляющей», коей должна была стать археологическая экспедиция.

Когда было принято решение и, в соответствии с ним, было заключено соглашение с Афганистаном, И.Т. Кругликова была назначена начальником этой экспедиции. Перед ней, естественно, первым стал вопрос о кадрах. Сама она, за исключением нескольких месяцев работы у французов, не обладала опытом работы на Востоке, практически не знала материала, приемы раскопок сырцовой архитектуры оставались ей тогда еще мало известны. В таких условиях нужны были люди, которые имели бы среднеазиатский опыт и могли вести самостоятельно раскопки. Первым помощником И.Т. Кругликовой стал сотрудник ИА, выпускник кафедры археологии САГУ, участник ряда экспедиций в Узбекистане и Туркменистане В.И. Сарияниди. Несколько позднее в состав экспедиции вошла Г.А. Пугаченкова - архитектор по образованию, крупнейший специалист по истории искусства центральноазиатского региона, участник и руководитель ряда экспедиций, в это время член-корреспондент АН Узбекской ССР. Были привлечены для работ молодые ученые из академий среднеазиатских республик (некоторые на короткий срок, другие - на все время деятельности экспедиции): О. Бердыев, Т. Ходжаниязов (Туркменистан), З. Хакимов, Ш.Р. Пидаев, У. Пулатов, Р. Сулейманов (Узбекистан), В.Н. Ягодин (Каракалпакия) и др.²⁷⁵. Необходимо подчеркнуть, что все эти участники экспедиции были высококвалифицированными специалистами, имевшими уже достаточно серьезный опыт работы. Не зря двое из них (Р. Сулейманов и Ш. Пидаев) позднее стали директорами археологических институтов. «Личную гвардию» И.Т. Кругликовой составляли сотрудники Сектора античной археологии ИА АН СССР В.С. Долгоруков и Ю.М. Десятников. Первый из них, будучи вообще талантливым «полевиком», очень

быстро освоил все тонкости работы с сырцом и стал руководителем наиболее ответственных раскопок. Второй же, не обладавший подобными способностями, тем не менее оказался очень полезным: обладая чувством юмора, незлобивым характером, склонностью к розыгрышам, он много способствовал сохранению доброжелательной обстановки в коллективе. Когда среди находок экспедиции появились произведения искусства, прежде всего, настенная живопись и глиняная скульптура, в полевых работах стали принимать участие реставраторы высшей квалификации: В.П. Бурый из Института реставрации (Москва)²⁷⁶ и В.М. Соколовский из реставрационных мастерских Государственного Эрмитажа. Для камеральной обработки материалов также привлекались специалисты: бактрийские надписи читал В.А. Лившиц, монетные находки определялись Б.И. Вайнберг²⁷⁷.

Естественно, что при Советско-Афганской экспедиции находились, в соответствии с международной практикой, инспекторы из Института археологии Афганистана. Это были, как правило, молодые люди, не имевшие никакого специального образования и научного опыта. Вообще, в это время в Афганистане имелся только один профессиональный археолог и один архитектор, занятый в сфере охраны памятников прошлого. Отношения с инспекторами складывались по-разному. Одни из них действительно стремились приобрести знания и активно участвовали в работах, другие воспринимали свое участие в экспедиции, как нудное и ненужное занятие, мечтая побыстрее вернуться к радостям столичной жизни. Наконец, одного из инспекторов пришлось с позором изгнать за хищение драгоценных находок.

В целом, Советско-Афганская экспедиция представляла собой довольно серьезный коллектив специалистов, хорошо подготовленных к выполнению стоящих перед ними задач. Работы экспедиции охватили огромную территорию северо-запада страны: от Герата до Мазари-Шарифа. В опубликованных в последние годы документах переписки между ОАБА и соответствующими инстанциями в Париже явно сквозит тревога по поводу масштабов этих исследований и опасение того, что афганские власти решили вытеснить французов из северного Афганистана в угоду советской миссии²⁷⁸.

Исследования экспедиции развивались по нескольким направлениям. Прежде всего, необходимо отметить достаточно масштабные разведочные работы. Сотрудниками экспедиции было учтено несколько десятков ранее не зафиксированных памятников различных эпох²⁷⁹.

Кроме того, проводились целенаправленные поиски памятников каменного века (правда, не во все сезоны). Эту работу осуществлял сотрудник Института этнографии АН СССР, многолетний участник работ Хорезмской экспедиции А.В. Виноградов²⁸⁰.

Весьма значительные силы были привлечены к поискам и раскопкам памятников эпохи бронзы и раннего железа. Эта часть исследований осуществлялась под руководством В.И. Сарияниди. Итогом его работы стала диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, несколько позднее изданная в виде отдельной монографии²⁸¹.

²⁷⁵ Характерным является полное отсутствие в составе экспедиции сотрудников Ленинградского отделения Института археологии, хотя в нем имелся сектор Средней Азии и Кавказа.

²⁷⁶ Тогда это учреждение несколько вычурно называлось «Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей» (ВЦНИЛКР).

²⁷⁷ Б.И. Вайнберг, естественно, определял монеты на основе фотографий. Часть монетных находок определялась в поле Г. А. Пугаченковой. Но в обоих случаях монеты оставались не расчищенными, что, конечно, снижало качество работы.

²⁷⁸ Olivier-Utard, 1997. P. 356.

²⁷⁹ В 1982 г. В. Болл (в сотрудничестве с Ж.-К. Гарденом) опубликовал большую работу, в которой обобщил все известные материалы, представив настоящую «Археологическую карту Афганистана» (Ball, 1982). Он указывал, что в нее включены и те памятники, которые открыла Советско-Афганская экспедиция и которые были зафиксированы в ежегодных отчетах, сдававшихся в Институт археологии Афганистана. Однако выяснилось, что значительная часть памятников по неизвестным причинам в эти отчеты не попала. Эти памятники были опубликованы И.Т. Кругликовой, как мы указывали выше, только в 2005 г.

²⁸⁰ Виноградов 1979. С.7-62.

²⁸¹ Сарияниди 1979.

Наконец, основное место в программе исследований занимали, естественно, памятники античной эпохи. Заветной мечтой И.Т. Кругликовой было найти нечто похожее на Ай Ханум, раскапывавшийся французскими археологами - то есть еще один греческий город в Центральной Азии. Однако эта мечта осталась неосуществленной и основным объектом исследований стал город последующей исторической эпохи - кушанской - Дильберджин. Несколько меньшие по масштабам раскопки проводились также еще на двух городских центрах: Емши-тепе и Джига-тепе (Жига-тепе, Джагат-тепе).

Необходимо подчеркнуть, что И.Т. Кругликова выбрала самое необходимое и самое перспективное направление исследований. Кушанский город на территории Афганистана оставался абсолютным «белым пятном». Между Дальверзином (Южный Узбекистан) и Тахти-Сангином (Южный Таджикистан), с одной стороны, и Таксилой (Северный Пакистан), с другой, простиралась обширная зона, где располагались руины десятков городов, но они оставались совершенно не затронутыми работами археологов. Можно перечислить все, что знали о городе кушанской эпохи в то время, когда Советско-Афганская экспедиция осуществляла свои исследования: некоторое количество шурфов и плохо понятые зачистки стен Бактр, примерно такое же количество шурфов на городище Старого Кандагара, часть городских ворот и две раскопанные комнаты комплекса, предположительно определенного как дворец в Беграме (Капише). Правда, в этих двух комнатах были найдены прекрасные произведения искусства и художественного ремесла, но все же это были только две комнаты²⁶². В результате исследований Советско-Афганской экспедиции картина разительно изменилась. Раскопки трех городов дали весьма значительный материал по их истории, планировке, системе фортификации, жилой архитектуре, храмам, производственным комплексам и т.д. Произошел настоящий прорыв в наших знаниях кушанской эпохи²⁶³. Особую ценность представляли ранее практически не известные на территории Северного Афганистана произведения монументальной настенной живописи этого времени, прекрасно отреставрированные сотрудниками экспедиции.

Своего рода последним аккордом в деятельности экспедиции стали замечательные открытия на холме Тилля-тепе возле Шибергана. При плановом исследовании храма раннежелезного века, руины которого у местного населения были известны под названием Тилля-тепе, неожиданно был обнаружен некрополь, состоявший, по меньшей мере, из семи погребений, из которых было исследовано шесть²⁶⁴. Некрополь, несомненно, принадлежал какой-то правящей фамилии, поскольку в могилах было обнаружено огромное число предметов из драгоценных металлов (главным образом, золота), украшенных драгоценными и полудрагоценными камнями. Датировка некрополя достаточно надежна (середина I в. до н.э. - середина I в. н.э.) благодаря найденным в погребениях монетам²⁶⁵. Иконография ряда найденных здесь произведений прикладного искусства бесспорно указывает на греческие прототипы,

²⁶² Мае бои/аН, Тасйе1,1978. Р. 257-267.

²⁶³ См. Мунчаев, Кошеленко, Гаибов 2014.

²⁶⁴ См. прим. 237.

²⁶⁵ Публикация монет: Сарияниди, Кошеленко, 1982. С. 307-318; Ко8ье1епко, Бапа́тсй, 1992. Р. 21-32.

в то же время художественные вкусы номадов проявляются в них с поразительной силой.

Значительной по масштабам была и публикационная деятельность экспедиции. Было издано три тома Трудов экспедиции²⁰⁶, к ним примыкала уже упомянутая ранее большая книга В.И. Сарианиди, посвященная ранним земледельцам Афганистана, наконец, еще три меньших по размеру книги, специально посвященные результатам раскопок Дильберджина²⁰⁷. Все это, кажется, должно было обеспечить результатам работ данной экспедиции достаточно почетное место в анналах археологии Востока.

Однако сейчас, через 30 лет от момента окончания работ мы можем констатировать, что эти результаты оказались недостаточно востребованными мировой наукой. Особенно большое сожаление вызывает тот факт, что не используются результаты исследований городов южной Бактрии кушанского периода. Во вводной статье Д. Климбург-Салтер к широко известному сборнику, посвященному ряду проблем до-кушанского и кушанского периодов в истории Центральной Азии говорится о расцвете городской культуры в Кушанском государстве (правда, без какой-либо конкретики) и перечисляются в той или иной степени исследовавшиеся города, но в этом списке нет тех городов, которые раскапывались Советско-Афганской экспедицией²⁰⁸. Еще более показателен другой общий очерк, в котором рассказывается о судьбе Кабульского музея в последние десятилетия. Перечисляя те экспедиции, которые в 60-70-ые годы работали на территории Афганистана, автор совершенно не упоминает Советско-Афганскую экспедицию, она упоминается только тогда, когда не сказать о ней просто невозможно - в связи с открытием Тилля-тепе²⁰⁹.

Есть только несколько сюжетов и находок, которые привлекли пристальное внимание иностранных исследователей. Как это ни странно, одним из таких сюжетов является планировка «храма Диоскуров», о котором писали уже несколько исследователей, начиная с П. Бернара²⁹⁰.

Естественно, что некрополь Тилля-тепе с его богатейшими находками привлек внимание исследователей, но общая оценка с позиций иных, нежели позиции их публикатора, была за это время предпринята только Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпелем²⁹¹. Однако их концепция строилась на таком количестве недоказанных постулатов, что сейчас уже не может рассматриваться всерьез²⁹². Более продуктивными были более частные исследования. Ряд произведений искусства из раскопок некрополя Тилля-тепе анализировался исследователями, включая признанных специалистов, таких как Дж. Бордмен²⁹³ и В. Шильц²⁹⁴.

Загадочный артефакт, напоминающий индийскую монету, полученный при раскопках Тилля-тепе (подробно о нем см. ниже, гл. VII), сразу после своей публикации привлек внимание сразу трех выдающихся исследователей: Б. Мукерджи²⁹⁵, Ж. Фуссмана²⁹⁶, Д. Мак Доуэлла²⁹⁷.

Затем, правда, он на много лет был забыт, несмотря на то, что он является одним из ключевых памятников для понимания процесса рождения антропоморфного образа Будды.

²⁰⁶ Древняя Бактрия... 1976; Древняя Бактрия... 1979; Древняя Бактрия... 1904.

²⁰⁷ Кругликова, 1974; Кругликова, Пугаченкова, 1977; Кругликова, 1986. Специально западных исследователей И.Т. Кругликова, кажется, информировала только один раз - в виде доклада, прочитанного в Париже в Академии надписей и изящной словесности (Kruglikova, 1977. P. 407-427).

²⁰⁸ Klimburg-Salter, 1999. P. 8).

²⁰⁹ Grissman, 2006. P. 63.

²⁹⁰ Bernard, 1975. P. 245-247.

²⁹¹ Пугаченкова, Ремпель. 1986. С. 5-24; Pugachenkova, Rempel, 1991. P. 11-25.

²⁹² Zeimal, 1999. P. 239.

²⁹³ Boardman, 2003. P. 133-146; Boardman, 2003a. P. 347-351.

²⁹⁴ Schiltz 2005. P. 71-84; Schiltz 2007. P. 69-80.

²⁹⁵ Mukherjee 1981. P. 41-45.

²⁹⁶ Fussman 1982. P. 155-169.

²⁹⁷ Mac Dowall, 1987. P. 179-190.

Однако основная масса информации оказалась невостребованной, большинство полученных данных не используются и не анализируются зарубежными коллегами. Нам представляется, что основная причина этого состоит в том, что не было итогового отчета, в котором были бы представлены в достаточно наглядном и сжатом виде все основные результаты исследований. Ведь все публикации экспедиции представляли собой ту или иную форму предварительного отчета. Сопоставлять данные, касающиеся одного и того же памятника, опубликованные в различных изданиях, - эта задача превосходила силы наших зарубежных коллег.

Естественно, встает вопрос о причинах отсутствия такого отчета. С нашей точки зрения, дело не только в том, что деятельность экспедиции была прервана внезапно - из-за развернувшейся в Афганистане гражданской войны. Существовала и другая причина, кроющаяся в психологическом настрое советских археологов, участников проекта. Дело в том, что для них всех, включая «ядро» экспедиции (И.Т. Кругликова, Г.А. Пугаченкова, В.И. Сарияниди), работа в Афганистане не стала, так сказать, «делом жизни». Все они имели на территории Союза свои объекты исследований, экспедиции, памятники, которые в их представлениях были важнее, нежели объекты, изучавшиеся ими в Афганистане. Работа на почве Афганистана воспринималась ими как интересное, почетное, экономически выгодное мероприятие, но никак не основное дело в их научной карьере. Видимо, именно поэтому в момент, когда полевые исследования в Афганистане стали невозможны, участники проекта даже с некоторым чувством облегчения вернулись к своим обычным занятиям в Причерноморье, Узбекистане, Туркменистане. Быстро закончилась и издательская деятельность. В 1984 г. вышел в свет последний том Трудов экспедиции. Единственным исключением стал В.И. Сарияниди, который посвятил несколько лет изданию материалов раскопок Тилля-тепе.

Видимо, подобным психологическим настроем объясняется и своеобразие публикационной практики экспедиции. Практически 90% публикаций принадлежат перу трех авторов: И.Т. Кругликовой, Г.А. Пугаченковой и В.И. Сарияниди. «Рядовые сотрудники» издавались очень редко и мало. Так В.С. Долгоруков, А. Виноградов и III. Пидаяев за 10 лет работы экспедиции опубликовали по одной статье, Ю.М. Десятников и многие другие вообще не издали за это время ни одной статьи. Также после публикации материалов Тилля-тепе больше 20 лет никаких новых публикаций по результатам деятельности Советско-Афганской экспедиции ее участниками не предпринималось.

Несколько запоздалым дополнением стали изданные по настоятельной просьбе Отдела классической археологии ИА РАН несколько больших статей И.Т. Кругликовой, о которых мы писали выше. При всей значимости этих публикаций, нужно помнить, что столь большой срок между исследованиями и изданием их результатов не мог не повлиять на качество работы. Особенно наглядно это видно на примере археологической карты Афганистана. Прежде всего, были утрачены те

Рис. 11.
Греческая надпись из Джагат-тепе

оригинальные карты, которыми пользовались археологи, и текст пришлось согласовывать с другими, с иными масштабами. Кроме того, в результате появились очень нежелательные «ляпы». В ряде мест отчета присутствует информация такого характера: «слева от дороги находится тепе»... Но понять из отчета, куда ехали археологи: из Кабула в Герат или в обратном направлении - невозможно, и понять, где было лево, а где право - также.

Еще один пример недостатков в публикационной деятельности дает, как это ни странно, Г.А. Пугаченкова (с помощью И.Т. Кругликовой). При раскопках Джагат-тепе была найдена фрагментированная греческая надпись (Пугаченкова, 1979. С. 75). Из сохранившихся частей текста для каждого антиковеда становилось предельно ясным, что надпись - надгробная. В ней отчетливо читалось «ейс Аид...» то есть «в Аид», в загробное царство {Рис. 1 /}. Но Г.А. Пугаченкова, не являвшаяся антиковедом, предложила свою трактовку надписи: отталкиваясь от слова «патер» (отец), и рядового имени Диоген, также присутствующих в тексте, она предложила считать надпись посвянительной, связанной с неким храмом. Почему не исправила эту грубую ошибку редактор - И.Т. Кругликова²⁹⁰ - непонятно. Несмотря на фрагментарность надписи, она достаточно легко дешифруется. Это элегический дистих, основное содержание которого вполне понятно:

«Такой блаженной кончиной...
Ты возвеличишь...
Диоген...
Снизойдет...
Отца...
В пределы Аида...»²⁹⁹.

Отдельную и совершенно особую проблему представляет публикация находок Тилля-тепе. Как известно, эти раскопки проводила группа археологов под руководством В.И. Сарияниди. И.Т. Кругликова в этом сезоне не принимала участия, но формально она оставалась начальником экспедиции. Насколько известно, она поднимала перед Б.А. Рыбаковым вопрос о том, чтобы именно ей было предоставлено право публикации этих находок. Однако ответ академика Б.А. Рыбакова был сугубо отрицательным. Все права были отданы В.И. Сарияниди, который воспользовался этим правом в полной мере. Помимо бесчисленного количества статей, им были изданы три книги, посвященные некрополю Тилля-тепе. Прежде всего, необходимо указать на прекрасный альбом с воспроизведениями находок. Сопровождающий иллюстрации текст представляет собой описание погребений и находок, сделанных в них, дополняемый (не всегда) некоторыми аналогиями³⁰⁰. Кроме того, появилась книга научно-популярного характера, в которой достаточно подробно освещен сам процесс производства раскопок, при этом иногда автор касается и некоторых теоретических вопросов³⁰¹. Наконец, в конце 80-ых годов В.И. Сарияниди публикует

²⁹⁸ См. ниже - гл. VI.

²⁹⁹ Яйленко 1982. С. 19-20.

³⁰⁰ Запан1СИ, 1985.

³⁰¹ Сарияниди, 1983.

книгу с минимальным количеством иллюстраций, но с достаточно обширным текстом, представляющим собой квинтэссенцию его понимания памятника³⁰².

Именно на основании этих основных публикаций мы и можем судить о правильности или ошибочности решения Б.А. Рыбакова отдать все материалы из раскопок Тилля-тепе для исследования и публикации В.И. Сарияниди. Сейчас, когда прошло столько времени, мы с определенной долей уверенности можем говорить о том, что академик Б.А. Рыбаков принял недостаточно взвешенное решение. В.И. Сарияниди был и остается специалистом по археологии бронзового века Центральной Азии, он хорошо знаком и с проблематикой раннего железного века этого региона, но он очень далек от проблем центральноазиатской античности. К тому же, в данном случае античность представлена не в своем «стерильном» виде, как на городище Ай Ханум, это античность, переработанная под влиянием потребностей новых «хозяев жизни» - кочевнических вождей³⁰³.

Адекватно понять феномен Тилля-тепе Сарияниди В.И. не смог, что немедленно было отмечено специалистами³⁰⁴. П. Бернар, в частности, указывал, что у В.И. Сарияниди отсутствует какая-либо концепция. Соответственно, привлекаемые аналогии - случайны, иногда отсутствуют самые элементарные представления об обсуждаемых сюжетах. Так, при описании артефакта с изображением Диониса и Ариадны, он иногда путает персонажи и т.д. Не согласен П. Бернар и с отнесением персонажей, погребенных в данном некрополе к числу представителей юечжийской знати, по его мнению, большим правом на это обладают саки. Наконец, он считает совершенно не реалистической картину характера погребений, нарисованную В.И. Сарияниди: тайное захоронение. Организовать тайное захоронение на расстоянии менее 1 км от городских ворот совершенно невозможно. Естественно, что подобная оценка публикаций некрополя сказывалась на оценке деятельности экспедиции, а то и Института в целом.

Видимо, оптимальным было бы другое решение вопроса об издании материалов Тилля-тепе - создание группы из трех ученых, включавшей В.И. Сарияниди как первооткрывателя и раскопщика, И.Т. Кругликову как специалиста-антиковеда, и авторитетного исследователя среднеазиатских номадов. Последний был бы чрезвычайно полезен не только для решения вопроса об этнической принадлежности погребенных, но и еще одного важного вопроса. Не ясно, был ли этот маленький некрополь обычным с точки зрения практики, то есть на нем погребались представители одной семьи в течение определенного времени, или несколько экстраординарным - погребением главы рода, сопровождаемым одновременными погребениями женщин его гарема, как это иногда предполагается³⁰⁵.

В зависимости от того или иного решения этого вопроса находится решение и ряда других, например, о монетах. В случае второго решения, например, все несколько искусственные построения Е. Зеймал³⁰⁶ по этому поводу оказывались бесполезными.

³⁰² Сарияниди, 1989.

³⁰³ Об этой проблеме см., например, Кошеленко, Гаилов, 2008. С. 86-98.

³⁰⁴ Bernard 1991. P. 161-164.

³⁰⁵ Bernard, 1991. P. 164-165.

³⁰⁶ Zeimal, 1999. P. 239-244.

С другой стороны, сегодня мы наблюдаем другое следствие решения Б.А. Рыбакова. По миру путешествует выставка чудом сохранившихся сокровищ из коллекций Кабульского музея³⁰⁷. Основу ее составляют находки Тилля-тепе. В каждой из стран издается свой каталог этой выставки и в каждом из них пишется о первооткрывателе некрополя В.И. Сарияниди. Но ни в одном из них, насколько мы знаем, не упоминается тот факт, что он являлся представителем Института археологии, организовавшем и финансировавшем исследования. Тот факт, что Институт археологии РАН в этих публикациях оказывается никак не причастным к одному из наиболее сенсационных открытий второй половины XX в. - следствие все того же решения академика Б.А. Рыбакова.

Подводя некоторые итоги, мы можем утверждать, что в деятельности Советско-Афганской экспедиции были большие достижения, но - также и немалое число недостатков. Наша задача состояла в том, чтобы, указав на них, предостеречь сотрудников современных зарубежных миссий Института археологии РАН. Уже сейчас как в дальнем зарубежье, так и в странах СНГ работает ряд наших экспедиций. Бесспорно, что число их будет увеличиваться. В этих условиях их участники должны помнить, что на них будут смотреть сотни глаз, и эти глаза не всегда доброжелательны. По характеру и результатам исследований буду судить не только об отдельных археологах, но и об Институте археологии, Российской академии наук, вообще о российской науке.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов А. В. Исследование памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979. С.7-62.
- Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции 1969-1973 гг. М., 1976.
- Древняя Бактрия. Вып. 2. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1979.
- Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1984.
- Кошеленко Г.А., Гаилов В.А. Бактрийский царь в кочевнической трактовке // ПИФК, XXII, 2008. С. 86-98.
- Кругликова И.Т. Дильберджин. М., 1974.
- Кругликова И.Т. Храм Диоскуров. М., 1986.
- Кругликова И.Т. Раскопки западного храма в Дильберджине // ПИФК, VII, 1999. С. 1-99.
- Кругликова И.Т. Цитадель Дильберджина // ПИФК. Вып. X. 2001. С. 312-413.
- Кругликова И.Т. Джагат-тепе // ПИФК, XIV. 2004. С. 479-561.
- Кругликова И.Т. Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана в 1969-1976 гг. // ПИФК. Т. XV. 2005. С. 309-437.
- Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. Дильберджин. Часть 2. М., 1977.
- Мунчаев Р.М., Кошеленко Г.А. Судьба Кабульского музея // РА, 2009. № 4. С. 123-131.
- Мунчаев Р.М., Кошеленко Г.А., Гаилов В.А. Кушанский город Бактрии //ВДИ. 2014 (в печати).

³⁰⁷ О судьбе коллекций музея см. (Мунчаев, Кошеленко, 2009. С. 123-131).

Пугаченкова Г.А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.) // Древняя Бактрия. Вып. 2. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1979. С. 63-94.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. О «золоте безымянных царей» из Тилля-тепе // Из истории культурных связей народов Средней Азии и Индии. Ташкент, 1986. С. 5-24.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1979.

Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.

Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе (Северный Афганистан) // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 307-318.

Яйленко В.П. Древнегреческая поэзия в Бактриане // Научная конференция «Проблемы культуры и искусства Афганистана (июнь-июль 1982 г.). Тезисы докладов. М., Гос. Музей искусства народов Востока. 1982. С. 19-20.

Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du Musée national de Kaboul. Sous la direction de P. Cambon en collaboration avec J.-F. Jarrige, avec le concours scientifique de P. Bernar et V. Schiltz. Paris, 2007.

Ball W. avec la collaboration de J.-C. Gardin. Archaeological gazetteer of Afghanistan. Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan. T. I-II. Editions rechches sur les civilisations. Paris, 1982.

Bernard P. Les traditions orientales dans l'architecture gréco-bactrienne // JA, 1975. P. 245-275.

Bernard P. Рецензия на книгу Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе М., 1989 // Studia Iranica. T. 20.1991. P. 160-164.

Bernard P. Langue et épigraphie grecques dans l'Asie Centrale à l'époque hellénistique // Greek Archeology without Frontiers. Athènes, 2002. P. 75-108.

Besenal R. Les années noires du patrimoine archaéologique d'Afghanistan (1980-2001). Chronologie d'un désastre //Archaéologie française en Asie Centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels / Sous la direction de J. Bendezu-Sarmiento. Paris, De Boccard. 2013. P. 69-91.

Boardman J. Three monsters at Tillya Tepe // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 9. № 1-2. 2003. P. 133-146.

Boardman J. The Tillya Tepe gold: a closer look // Ancient West and East. Vol. 2. № 2. 2003a. P.347-351.

Fussman G. Monnaie d'or de Kaniska inedited, au type du Buddha // Revue numismatique. 6e série. Tome XXIV. 1982. P. 155-169.

Grissman C. The Kabul Museum: Its Turbulent Years // Art and Archaeology of Afghanistan. Its Fall and Survival. A Multi-disciplinary approach / Ed. by J. Van Krieken-Pieters. Leiden - Boston, 2006. P. 61-78.

Klimburg-Salter D. From an art historical perspective: problems of chronology in the Kusana period // Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian borderlands / Edited by M. Alam and D.E. Klimburg-Salter. Wien, 1999. P. 3-18.

Koshelenko G.A., Sarianidi V.I. Les monnaies de la nécropole de Tillia-tepe (Afghanistan)//Studia Iranica.T. 21, fasc. 1.1992. P. 21-32.

Kruglikova I. Les fouilles de la mission archéologique soviéto-afghane sur le site gréco-kushan de Dilberdjin en Bactriane (Afghanistan) // CRAI, 1977. P. 407-427.

Mac Dowall D.W. The Development of Buddhist Symbolism on the Coinage of the North West // Investigating Indian Art. Proceedings of a symposium on the development of early Buddhist and Hindu iconography held at the Museum of Indian art Berlin in May 1986. Berlin, 1987. P. 179-190.

Mac Dowall D.W., Taddei M. The Pre-Muslim period //The archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period / Edited by F.R. Allchin and N. Hammond. London-New York-San Francisco, 1978. P. 233-299.

Mukherjee B.N. A gold coin from Tillya-tepe (Afghanistan) // The Journal of the Numismatic Society of India. Vol. XLIII, part 1.1981. P. 41-45.

Olivier-Utard F. Politique et archéologie. Histoire de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922-1982). Paris, 1997.

Pugachenkova G.A., Rempel L.I. Gold from Tilia-tepe // Bulletin of the Asia Institute. New series. 5.1991. P. 11-25.

Sarianidi V.I. Bactrian Gold from the excavations of the Tillya-tepe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985.

Schiltz V. Tilla-tepe: nouveaux enjeux // L'art d'Afghanistan de la préhistoire à nos jours. Nouvelle données. Actes d'une journée d'études. UNESCO. 11 mars 2005. Paris, 2005. P. 71-84.

Schiltz V. Tilia tepe, la "Colline de l'or", une necropole nomade // Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du Musée national de Kaboul. Paris, 2007. P. 69-80.

Zeimal E.V., Tillya-tepe within the context of the Kushan chronology // Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian borderlands / Edited by M. Alram and D.E. Klimburg-Salter. Wien, 1999. P. 239-244.

ЧАСТЬ 2.

ТРАГЕДИЯ

Глава IV.

СУДЬБЫ МУЗЕЯ И ПАМЯТНИКОВ

Выше мы уже рассказывали о тех политических и военных событиях, которые происходили в Афганистане в конце 70-х годов прошлого столетия. Они самым непосредственным образом сказались и на Музее, и на самих памятниках прошлого.

«Первым звонком» для музея было решение правительства в апреле 1979 г. о передаче здания музея в распоряжение Министерства обороны. Дело в том, что министерство занимало дворец рядом с музеем. Естественно, что его руководство обратило внимание на это здание. При этом на переселение давалось три дня. В действительности же переезд продлился почти месяц³⁰⁰. Для музея было выделено здание дворца брата бывшего президента Дауда в центре города. Естественно, никакой экспозиции там организовать было невозможно. Все комнаты от пола до потолка были заполнены контейнерами с находками, сотрудники музея расположились в комнатах прислуги, а для библиотеки был приспособлен гараж.

В октябре 1980 г. пришло новое указание - вернуться в старое здание, и оно было достаточно быстро выполнено. К счастью, оба переселения обошлись музею без сколько-нибудь серьезных потерь. После этого несколько лет музей прожил в относительном спокойствии. Гражданская война Кабул в это время затрагивала мало, он оставался островком спокойствия, куда бежало население из деревень³⁰⁹. В это время предпринимались даже некоторые меры по улучшению работы музея. Ряд сотрудников был отправлен на стажировку в СССР (в Москву) и Чехословакию (Брно). Осуществлялись также небольшие раскопки буддийских памятников в окрестностях Кабула (в период с 1981 по 1987 гг.)³¹⁰. В это время были оборудованы новые залы: для находок из Ай Ханум и для настенной живописи из Дильберджина, снятой и отреставрированной сотрудниками Эрмитажа и Института реставрации³¹¹, а также некоторых других находок Советско-Афганской экспедиции. В 1980 г. по просьбе Министерства культуры и информации Афганистана советские реставраторы в Национальном музее провели полную реставрацию скульптуры Будды из Тепе Мараджан, пострадавшую при транспортировке. Наконец, в музее бывали постоянно посетители³¹². Произошло даже пополнение фондов музея. Советские солдаты принесли в музей беломраморную статую индуистского бога солнца Сурьи (Рис. 1), случайно найденную возле Хайр Хана в пригороде Кабула³¹³.

Однако, в провинции ситуация была совершенно иной. Уже в 1980 г. был разорен музей в Герате, тогда же солдаты, оставленные охранять

Рис. 1.

Хейр-Хан. Статуя бога Солнца Сурьи

“Grissman. 2006. P. 64.

³⁰⁹ Таннер. 2004. С. 335; Grissman, 2006. P. 65.

³¹⁰ В районе Тепе Мараджан. Результаты раскопок остались не опубликованными, судьба находок также не известна. Об этих исследованиях см. Fussman, 2008. P. 99-103.

³¹¹ Об этом см. Кругликова 1979. С. 120-145; Бурый 1979. С. 146-165.

³¹² Grissman 2006. P. 64 - 65.

³¹³ Опубликована, но без указаний на обстоятельства находки. См. Bernard, Grenet, 1981. P. 129- 146.

Рис. 2.
Ай Ханум. Панорама грабительских
раскопок города

некрополь Тилля-тепе, где оставалось невскрытым одно (по меньшей мере) из погребений, раскопали его, и вещи из этого погребения немедленно (в том же 1980 г.) появились на антикварном рынке. Была разрушена база DAFA в Ай Ханум и лучший провинциальный музей (одновременно база афганской экспедиции) в Хадде. В 1982 г. был организованно разграблен религиозный комплекс Тепе Шотор в районе Джалалабада, который в 60-е годы раскапывал С. Мостаманди. В Пешавар отправились два грузовика, нагруженных гандхарской скульптурой³¹⁴.

Когда советские войска были полностью выведены из Афганистана (февраль 1989 г.) все ожидали ухудшения ситуации, и тогдашний президент Афганистана Наджибулла приказал закрыть музей. Но перед закрытием в нем была организована временная (продлившаяся две недели) выставка наиболее ярких находок из Тилля-тепе. Это мероприятие сопровождалось широко распространяемыми слухами о полном разрушении музея и вывозе всех теллятепинских находок в СССР. Американская организация Freedom House (Нью-Йорк) потребовала от ЮНЕСКО послать своих представителей в Кабул, чтобы выяснить судьбу коллекций музея. Хотя современные западные исследователи придумывают «естественные» причины распространения таких слухов, думается, что даже они сами понимают надуманность этих объяснений. Слухи распространялись, конечно же, намеренно и это был естественный ход в пропагандистской войне.

³¹⁴ Flandrin 2001. P. 138-142; Besenval 2013. P. 74-76.

Рис. 3.

Ай Ханум. Коринфские капители
в качестве подпорных колонн
в чайхане

После закрытия музея часть находок (в частности, считавшиеся наиболее ценными, то есть клад из Фулола и сокровища Тилля-тепе, золотые и серебряные монеты, некоторые особо ценные предметы из ранних раскопок, имеющие небольшие размеры) были перевезены и укрыты в подвалах Центрального банка Афганистана, расположенного в комплексе зданий Президентского дворца. Другая часть была отправлена на четвертый этаж здания министерства культуры и информации. Наконец, третья часть осталась в музее - в помещениях первого этажа и подвалах. Эта часть включала в себя крупную скульптуру, надписи и различные объекты, хранившиеся в запасниках, а также огромную керамическую коллекцию, собранную сотрудниками ОАБА. Но в 1991 г. несколько объектов из Тилля-тепе были взяты из хранилища, чтобы продемонстрировать дипломатам, еще остававшимся в Кабуле³¹⁵.

В этот период, когда полностью была разрушена административная структура, начался разгул грабительских раскопок. Первыми объектами их были памятники, на которых до начала гражданской войны производились научные раскопки, такие как Тилля-тепе, Ай Ханум и Хадда, а затем эта практика распространилась на всю страну³¹⁶. Местные жители начали усиленно варварски копать все тепе, находившиеся в пределах досягаемости, пытаясь найти объекты, которые можно продать³¹⁷. Главными организаторами грабежа выступали так называемые «полевые командиры», то есть предводители бандитских шайк, контролировавших ту или иную территорию. В разграблении Ай Ханум ведущую роль сыграли «полевые командиры» Дашт-и Калы и Рустака³¹⁸.

Территория Ай Ханум после грабительских раскопок стала напоминать лунную поверхность (Рис. 2). Коринфские капители, найденные при раскопках, переташены в местную чайхану, где они служат базами подпорных столбов крыши³¹⁹ (Рис. 3). Огромные масштабы принял грабеж руин Бактр. Практически ничего не осталось от династического храма кушанских царей в Сурх Котале. Даже после того, как

³¹⁵ Grissman. 2006. P. 65 - 66.

³¹⁶ Общая, правда, довольно краткая сводка см. Duraigne 2005. P. 145-154.

³¹⁷ Необходимо отметить, что грабительские раскопки уже давно практиковались в стране. Во всяком случае, все находки артефактов так называемого «Бактрийско-Маргианского археологического комплекса» происходят именно из таких раскопок. Грабеж музеев также был практикой, известной в Афганистане. В ходе восстания Бачи-Сакао был разграблен тогдашний скромный эмирский музей.

³¹⁸ Besenval 2013. P. 78.

³¹⁹ Bernard 2001. P. 971-1029; Bernard 2001 a.P. 71-94.

Рис. 4.
Норвежский бизнесмен
с буддийскими манускриптами
из личной коллекции

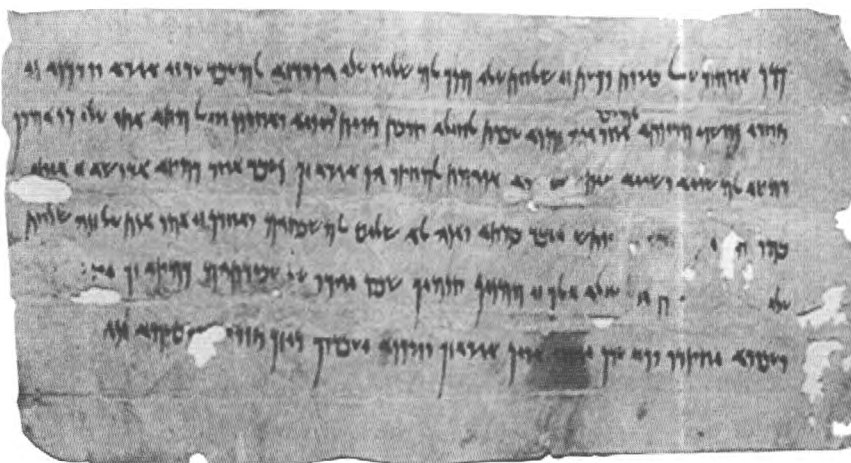

Рис. 5.
Арамейский текст
(Лондон, частная коллекция)

были разрушены все остатки храма, расположенные на верхней площадке холма, местные крестьяне продолжали копать вниз, у подножья этого холма. В Хадде все ступы, найденные здесь, были полностью разрушены местным населением: все, что можно было продать в Пакистане, было взято, остальное уничтожено³²⁰. Та же самая судьба постигла и ступу Тепе Сардар, которая раскапывалась итальянской экспедицией. Здесь осталась только платформа, на которой она была возведена.

Несколько более счастливой была судьба буддийских памятников, расположенных недалеко от Кабула. Некоторые из них сохранились (например, ступа Шеваки, ступа Гульдара и т.д.).

Сотни памятников были безнадежно разрушены, но процветали рынки антиквариата, как в самом Афганистане, так и в соседнем Пакистане, особенно в Пешаваре. Но самые лучшие и ценные объекты, естественно, оказывались в Лондоне. Там оказались и были приобретены частными коллекционерами совершенно замечательные письменные документы: административный архив (на арамейском языке) одного из местных правителей времени последних Ахеменидов и Александра Македонского³²¹ (Рис. 5), пергамен из архива бактрийского царя, в котором говорилось об обожествлении одного из царей³²², наконец, коллекция из более чем 80 документов времени арабского завоевания Бактрии - на бактрийском языке, но с использованием греческой графики³²³. Через Лондон поступило в Норвегию (в частную коллекцию) огромное количество буддийских рукописей на пальмовых листьях, происходящих из района Бамиана (не менее 5000 фрагментов)³²⁴ (Рис. 4). В Лондоне же оказалась и греческая надпись из Кандагара³²⁵. Отметим, что она была нанесена на каменную плиту, весящую не менее центнера. В ходе этих грабительских раскопок было найдено несколько кладов монет и на рынок хлынули тысячи золотых, серебряных и бронзовых монет³²⁶.

В феврале 1992 г. после предательства части генералитета власть Наджибуллы зашаталась, и в апреле он был вынужден покинуть свой пост. В Кабул вступили отряды моджахедов («борцов за веру»). Однако уже в этот момент между различными группами моджахедов началась жестокая борьба за власть³²⁷. Она велась и ранее, но теперь чрезвычайно

³²⁰ Dupaigne 2005. P. 146.

³²¹ Shaked 2004.

³²² Bernard, Rapin 1994. P. 261-294.

³²³ Sims-Williams 1997, P. 633-654; Sims-Williams, 2001.

³²⁴ Omeland 2006. P. 227-264.

³²⁵ Bernard, Pinault, Rougemont 2004. P. 229-356.

³²⁶ Boppearachchi 1994. P. 3-30; Boppearachchi 1995. P. 611-629.

³²⁷ Ваннер 2004. С. 364-365.

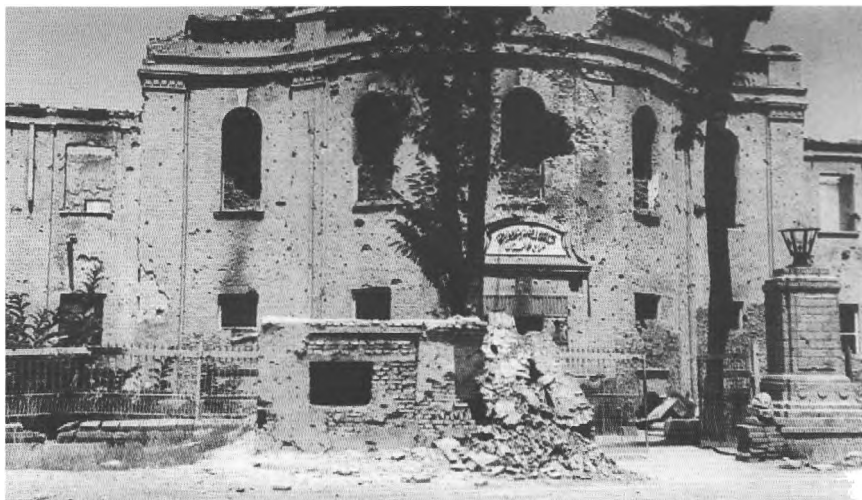

Рис. 6.
Фасад здания Национального музея
в середине 90-х гг.

Рис. 7.
Рельеф с изображением
братьев Кашьяпа

обострилась: «приход к власти моджахедов обернулся для страны настоящей катастрофой»³²⁸. Первоначально Кабул занимали, главным образом, таджикские и узбекские отряды, с юга же располагались силы пуштунов под командованием Хекматиара. Здание музея и весь комплекс зданий Дар-эль-Амана оказались точно на линии огня. Сотрудники музея месяцами не могли попасть в здание, которое подвергалось систематическому грабежу со стороны тех, кто контролировал этот район в данное время³²⁹. Правительственные войска превратили здание музея в своего рода форт, что вызвало, в свою очередь усиленный обстрел его со стороны осаждавших. Результатом этого стал пожар в верхней части здания (12 марта 1994 г.)³³⁸ (Рис. 6).

Осенью 1994 г. во время короткой передышки (после визита специального представителя Генерального секретаря ООН) была укреплена крыша, установлены стальные двери во всех помещениях нижнего этажа. Около 3000 предметов было найдено и спасено среди обрушившихся частей здания. Тем не менее, грабеж продолжался. Исчезали даже

³²⁸Таннер 2004. С. 366.

³²⁹Блэзтап 2006. Р. 66; Маззоислу 2006. Р. 32.

³³⁸Маззоислу, 2006. Р. 32.

Рис. 8.
Национальный музей Афганистана.
Сер. 90-х гг. Разгромленный архив

Рис. 9.
Национальный музей Афганистана.
Сер. 90-х гг.

очень большие и тяжелые каменные рельефы и статуи, например, рельеф с изображением братьев Кашъяпа³³¹ (Рис. 7) и другой - со сценой, передающей эпизод из Дипанкара-джатаки. Для этого пришлось преодолевать серьезные трудности, в частности, перепиливать металлические штыри, на которых они крепились. Деревянные статуи и резные двери из Нуристана были похищены, как считается для того, чтобы послужить дровами для жителей Кабула. В результате пожара погибли фрески из Дильберджина³³², коллекции бронзовых сосудов и люстровой керамики мусульманского периода, кроме того, были уничтожены офисные помещения с инвентарными книгами (Рис. 8), значительная часть библиотеки, фотолаборатория³³³ (Рис. 9).

Масса предметов оказалась на рынках, особенно в соседнем Пакистане, часто они даже сохраняли свои музейные номера³³⁴. Особенно активно обращались на рынках древние монеты. Музейные экспонаты расхищались не только, так сказать, спонтанно. Помимо грабителей-индивидуалов действовали и хорошо организованные группы, «работавшие» по конкретным заказам со стороны богатейших коллекционеров. Особенно велика была роль в таких грабежах Хекматиара, одного из виднейших руководителей моджахедов-пуштунов, которому одно время даже предлагали пост премьер-министра. Прославляемый про-моджахедской пропагандой как «человек кристальной честности»³³⁵, Хекматиар занялся организованным грабежом культурных ценностей своей страны. Французский журналист П. Фландрэн составил впечатляющий список всего, что было похищено из музея и из других мест, установил пути транспортировки «товара», посредников, которые его обслуживали в Пешаваре и Лондоне³³⁶. В создании и расширении частных коллекций афганских древностей участвовали и дипломаты, отправлявшие свои приобретения дипломатической почтой³³⁷.

Созданное в 1994 г. международное общество Сохранения афганского культурного наследия попыталось организовать работы по учету

³³¹ Широко известно, что этот рельеф был вывезен в Пешавар и позднее куплен японскими «друзьями» - так их называет современный директор музея, выражающий подобострастную и льстивую надежду, что это друзья вернут рельеф в Афганистан (Massoudy, 2006.Р. 32).

³³² Massoudy, 2006. Р. 33.

³³³ Grissman, 2006. Р. 66.

³³⁴ Cassar, Rodrigues Garcia, 2006. Р. 21.

³³⁵ Таннер 2004. С. 333.

³³⁶ Flandrin 2001.

³³⁷ Bail 2006. Р. 41.

Рис. 10.

Сортировка сохранившихся
фрагментов скульптуры

сохранившихся предметов музейного хранения³³⁶. Для этого немногим работникам музея и сотрудникам Института археологии пришлось разбирать рухнувшие обломки и извлекать сохранившиеся вещи. В результате этого удалось найти значительное число достаточно сохранившихся предметов, но еще больше - фрагментов (Рис. 10). Поскольку в этом здании невозможно было обеспечить сохранность музейных коллекций, по приказу тогдашнего президента Раббани было решено перевезти все, что возможно, в пустующий отель «Кабул». Здесь же собрались сотрудники музея (около 70 человек). Определенные средства были выделены для заделывания оконных и дверных проемов, создания внутренних перегородок. Однако только часть музейных объектов была перемещена в это место до захвата города талибами³³⁹.

Захват столицы страны Талибаном (конец сентября 1996 г.) привел к новому изменению ситуации. В 1996 и 1997 гг. никому из сотрудников музея не было позволено входить в его здание, как и в гостиницу «Кабул». Оставшиеся без работы и без зарплаты, даже нищенской (например, при Раббани директор музея получал сумму равную 6 американским долларам в месяц), сотрудники музея искали средства к существованию где и как могли.

В 1998 г. на грант, данный ЮНЕСКО (14 тысяч американских долларов), под руководством заместителя министра информации и культуры правительства Талибана начались работы по реставрации фасада здания музея и возобновились работы по регистрации сохранившихся объектов. В это же время все музейные объекты, хранившиеся в отеле «Кабул», были перемещены в здание министерства. Сначала пришлось несколько недель потратить на разбор завалов в здании, но затем эти работы были остановлены 19 августа 1999 г. из-за начавшихся в это время американских бомбардировок Афганистана.

[^] Кроме того. Общество пыталось выкупать у торговцев антиквариатом объекты, похищенные из музея, что было достаточно сложно, так как цены иногда были просто заоблачными. Вдобавок, на рынке появилась масса подделок, на некоторых из них для придания достоверности даже ставили поддельные инвентарные номера (Cassar, Rodrigues Garcia, 2006. P. 22).

³³⁹ Grissman, 2006. P. 67; Cassar, Rodrigues Garcia, 2006. P. 23.

Рис. 11.
Бамиан. Гигантская статуя Будды.
До взрыва

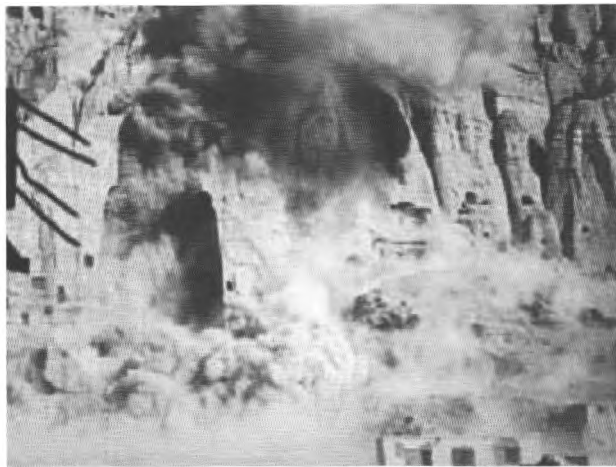

Рис. 12.
Бамиан. Гигантская статуя Будды.
В момент взрыва

Рис. 13.
Бамиан. Гигантская статуя Будды.
После взрыва

Некоторое время правительство демонстрировало свою заботу об охране культурного наследия страны. В августе 1999 года Муллой Омаром был издан декрет о запрещении всех незаконных раскопок и вывоза из страны предметов, представляющих художественную и историческую ценность. Продолжалась работа по инвентаризации. В августе 2000 г. по случаю Дня независимости Афганистана музей был открыт на 4 дня. В холле была даже организована выставка, в которой были представлены произведения мусульманского искусства, конфискованные таможней, и те произведения искусства, которые были некогда экспонированы в этом зале и еще сохранились. Также была представлена известная Рабатакская надпись, случайно найденная незадолго до того³⁴⁰.

Однако очень скоро общая политика правительства «Талибана» резко изменилась. По указу («фетве») Муллы Омара началась борьба с «идолопоклонством». Гигантские статуи Будды в Бамиане сначала обстреляли из пушек, но выяснилось, что таким образом серьезно повредить их трудно. После этого статуи были уничтожены взрывчаткой³⁴¹ (Рис. 11, 12, 13). Этот акт вандализма вызвал негодование во всем мире. Одновременно в Кабульском музее были в массовом порядке разбиты на куски все скульптуры и рельефы, находившиеся на виду (около 2500 объектов)³⁴². Эта акция осуществлялась под непосредственным руководством министра культуры правительства Талибана и продолжалась три месяца.

Некоторое возрождение началось только после изгнания войск талибов из Кабула (в середине ноября 2001 г.) силами так называемого Северного альянса, поддержанного международной коалицией (во главе с американцами). Сотрудники музея принялись расчищать руины музея, а также здание бывшего министерства информации и культуры. Выяснилось, что большая часть прежней работы по составлению описей сохранившихся предметов была сделана напрасно, так как многое из того, что было занесено в эти списки, было уничтожено в дни разгрома талибов. Все, что хранилось в министерстве, и сохранилось в той или иной степени, было перевезено в музей³⁴³.

³⁴⁰ Grissman 2006. P. 68; Cassar, Rodrigues Garcia 2006. P. 24 - 25.

³⁴¹ Необходимо отметить, что незадолго до того, местный «полевой командир» попытался обстрелять малую статую Будды, но был за это жестоко наказан властями Талибана.

³⁴² Massoudy 2006. P. 34.

³⁴³ Grissman, 2006. P. 69.

Обычно считается, что настоящим моментом возрождения музея можно назвать лето 2003 г. К зданию были подведены электричество и вода. Международные фонды предоставили деньги для ремонта здания, были восстановлены фотолаборатория, библиотека, европейские реставраторы начали собственную работу и обучение афганцев³⁴⁴. В некоторой степени были возобновлены и полевые работы. Кроме упомянутых выше исследований З. Тарзи в Хадде, французскими специалистами проводятся раскопки в Балхе³⁴⁵, а группа афганских археологов изучает буддийские памятники в окрестностях Кабула³⁴⁶.

Осенью 2003 г. были вскрыты помещения в Центральном банке, где хранились находки из Тилля-тепе и Фулола, а также наиболее ценные объекты из других мест. Выяснилось, что все они сохранились без малейших повреждений. В течение нескольких лет лица, участвовавшие в этом предприятии, организованном по приказу Наджибуллы, сохраняли все в глубочайшей тайне.

Своеобразным символом возрождения музея стали выставки, организованные с помощью различных международных организаций в Париже, Турине, Амстердаме и нескольких городах США. Отметим, что ядром этой выставки являются находки, обнаруженные Советско-Афганской экспедицией при раскопках Тилля-тепе.

Однако точку в проблеме ставить еще рано. Гибель огромного числа произведений древнего искусства совершенно невозможна, осевшие в частных коллекциях произведения также вряд ли когда-нибудь вернутся в Музей. Все это заставляет задуматься о хрупкости инфраструктуры культуры, особенно же ее сокровищниц - музеев. Что касается конкретно Кабульского музея, то и сегодня нет полной уверенности, что трагедия не повторится. Хотя и спорадические, но ракетные обстрелы Кабула не прекращаются, на юге страны Талибан сохраняет свои базы и вооруженные отряды, власть центрального правительства слаба, а полевые командиры сохраняют под своим контролем значительную часть территории страны.

ЛИТЕРАТУРА

Бурый В.П. Техника росписей помещения 16 // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1979.

Кругликова И.Т. Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1979.

Таннер С. Афганистан. История войн от Александра Македонского до падения «Талибана». М., 2004.

Ball W. The Archaeology of Afghanistan: a reassessment and stock-taking // Art and Archaeology of Afghanistan. Its Fall and Survival. A Multi-disciplinary approach / Ed. by J. Van Krieken-Pieters. Leiden - Boston, 2006.

Bernard P. Aï Khanoum en Afghanistan hier (1964-1978) et aujourd'hui (2001): un site en péril. Perspectives d'avenir // CRAI. 2001. P. 971-1029;

Bernard P. Découverte, fouille et pillage d'un site archéologique: la cite gréco-bactrienne d'Aï Khanoum en Afghanistan // Afghanistan. Patrimoine en péril. Actes d'une journée d'études. Paris, 2001a. P. 71-94.

³⁴⁴ Cassar, Rodrigues Garcia 2006. P. 15-30.

³⁴⁵ См. выше.

³⁴⁶ Paiman 2005. P. 24-39; Paiman 2006. P. 24-35.

Bernard P., Grenet F. Découverte d'une statue du dieu solaire Surya dans la région de Caboul // *Studia Iranica*. T. 10, fasc. 1.1981. P. 129-146, pis. XIII-XVI.

Bernard R., Rapin C. Un parchemin greco-bactrien d'une collection privé // CRAI, 1994.

Bernard R., Pinault G.-J., Rougemont G. Deux nouvelles inscriptions grecques de l'Asie Centrale // *Journal des savants*. 2004.

Besenal R. Les années noires du patrimoine archaéologique d'Afghanistan (1980-2001). Chronologie d'un désastre // *Archéologie française en Asie Centrale. Nouvelles recherches et enjeux socioculturels* / Sous la direction de J. Bendezu-Sarmiento. Paris, De Boccard. 2013. P. 69-91.

Bopearachchi O. Recent discoveries: hoards and finds of ancient coins from Afghanistan and Pakistan // *Yavanika. Journal of the Indian Society for Greek and Roman Studies*. 4.1994.

Bopearachchi O. Découvertes récentes du trésors indo-grecs: nouvelles données historiques // CRAI, 1995.

Cassar B., Rodrigues Garcia A.R. The Society for the Preservation of Afghanistan's Cultural Heritage: an Overview of Activity since 1994 // *Art and Archaeology of Afghanistan. Its Fall and Survival. A Multi-disciplinary approach* / Ed. by J. Van Krieken-Pieters. Leiden - Boston, 2006.

Dupaigne R. État actuel des monuments d'Afghanistan // *L'art d'Afghanistan de la préhistoire à nos jours. Nouvelles données. Actes d'une journée d'étude. UNESCO*. 11 mars 2005 // Paris, 2005. P. 145-154.

Flandrin P. Le trésor perdu des rois d'Afghanistan. Éditions du Rocher. Monaco, 2001.

Fussman G. (avec collaboration de Baba Murad et Ollivier É.) Monuments bouddhiques de la région de Caboul (Kabul Buddhist Monuments). II, 1-2. Paris, 2008.

Grissman C. The Kabul Museum: Its Turbulent Years // *Art and Archaeology of Afghanistan. Its Fall and Survival. A Multi-disciplinary approach* / Ed. by J. Van Krieken-Pieters. Leiden - Boston, 2006.

Massoudy O. Kh. Le Musée national d'Afghanistan au cours des trois dernières décennies // *Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du musée national de Kaboul*. Paris, 2006.

Omland A. Claiming Gandhara: legitimizing ownership of Buddhist manuscripts in the Schoyen collection, Norway // *Art and Archaeology of Afghanistan. Its Fall and Survival. A Multi-disciplinary approach* / Ed. by J. Van Krieken-Pieters. Leiden - Boston, 2006.

Paiman Z. La renaissance de l'archéologie afghane: découvertes à Kaboul // *Archéologia*. 419. 2005. P. 24-39;

Paiman Z. Région de Kaboul, nouveaux monuments bouddhiques // *Archéologia*. 430. 2006. P. 24-35.

Shaked Sh, Le satrape de Bactriane et son Gouverneur. Paris, 2004.

Sims-Williams N. Nouveaux documents sur l'histoire et la langue de la Bactriane // CRAI, 1996 [1997].

Sims-Williams N. Bactrian documents from Northern Afghanistan. I. Legal and economic documents. Oxford, 2000 [2001].

Глава V.

СОКРОВИЩА БОГИНИ

Сюжет, который будет представлен в настоящей главе, имеет свою предысторию. И началась она очень давно, еще в 1947 г. В мае этого года по Кабулу поползли слухи об огромном кладе, который якобы был найден в местности Мир Заках, к югу от Кабула (недалеко от Гардеза). Для проверки слухов правительством на место был отправлен тогдашний директор Национального музея Али Ахмед Кохзад³⁴⁷. Местность, куда он прибыл, принадлежала пуштунскому племени мангалов, и все племя к моменту его прибытия было включено в активную работу. Дело в том, что местная речка Куррам весной из-за таяния снега в горах разлилась и подмыла высокий берег. Там обнажились остатки каких-то древних построек, и там же вода вымывала древние монеты, которые и стали добычей местного населения. К этому моменту значительная часть монет уже была реализована. Пуштуны, как это было у них принято, в первую очередь закупили новое оружие. С пуштунскими племенами, обитавшими в этой зоне, пограничной с только что возникшим Пакистаном, и ранее надо было обращаться с величайшей осторожностью, поскольку центральную власть они признавали весьма относительно, сейчас же - с новым оружием в руках - они требовали от этой власти особого уважения. Практическим результатом поездки Али Ахмеда Кохзада стала только покупка уже добытых ими монет для музея и завершение раскопок. Он также зафиксировал наличие помещения площадью примерно в 6 кв. м.

В середине июня он вернулся в Кабул с достаточно большим количеством монет (более 10000) и некоторыми другими находками. Конечно, те монеты, которые он привез, составляли только часть «клада», так как другая часть разошлась по рукам и в большей своей части оказалась на базарах и в лавках торговцев древностями. Некоторая часть из них также позднее оказалась в музее, будучи купленной в Кабуле, Гардезе и Пешаваре.

В июне 1948 г. здесь побывали сотрудники ОАБА архитектор М. Ле Берр и археолог Р. Кюрье. С согласия правительства и мангалов, они в свою очередь провели небольшие (в силу сложившихся обстоятельств) раскопки. Были выявлены остатки нескольких помещений, также ими было получено более 400 монет и некоторые другие находки[^].

Изучение клада в Кабуле привело к следующим результатам. Древнейшие монеты относились к индийскому чекану IZ-IV вв. до н.э., также здесь имелось небольшое количество греческих монет IV в. до н.э. (времени до похода Александра Македонского), затем, начиная с Селевка I идет большая коллекция монет греческих правителей Бактрии

³⁴⁷ Мы о нем уже упоминали. См стр. 105.

[^] Изложение всех этих событий основано на: Curiel, Schlumberger 1953. P. 67-73; Vopearachchi, Flandrin, 2005. P. 100-108.

и Индии, их сменяют монеты индо-скифские и индо-парфянские, наконец, кушанские. С точки зрения Р. Кюрье, самые поздние монеты в кладе принадлежали чекану последних царей династии «Великих кушан». Но в то же самое время он не склонен был связывать сокрытие клада с завоеваниями первых сасанидских царей на Востоке и созданием кушанского наместничества. Причины наличия такого огромного количества монет в данном месте Р. Кюрье объяснял следующим образом: те следы конструкций, которые наблюдались в данном месте, являлись остатками не помещений, а бассейнов. Эти бассейны имели сакральную функцию, а монеты и другие драгоценные предметы, найденные здесь, - приношения, совершавшиеся на протяжении шести веков.

Но судьбе было угодно, чтобы Мир Заках еще раз удивил мир. Весной 1992 г. здесь снова появились золотые и серебряные монеты. Также как в 1947 г., из-за таяния снегов в горах река снова вышла из берегов и подмыла высокий берег. Именно тогда-то в песке и стали заметны эти монеты. Молодежь решила, что монеты находятся в береговых отложениях, которые и нужно копать. Старики, которые помнили события, происшедшие почти столетия тому назад, твердо утверждали, что источник богатства нужно искать в воде, на глубине примерно 20 м. Результатом всех этих споров стали стычки и даже кровавые жертвы. В результате собрался совет племени.

Чтобы понять происходящее, необходимо напомнить обстановку, которая тогда царила в Афганистане. Правительство Наджибулы пало, власть захватили моджахеды («борцы за веру»). В реальности это означало новую бесконечную войну, где все сражались против всех. Центральное правительство практически не обладало властью, страна оказалась разорванной на десятки мелких и мельчайших уделов, которыми самовластно управляли так называемые «полевые командиры», то есть руководители вооруженных групп, контролировавшие эти территории.

И в Мир Закахе власть, в конечном счете, принадлежала своеобразному Совету, состоящему из «полевых командиров». Они нанимали землекопов, которые, естественно, принадлежали к племени мангалов, для работы в этом источнике. Здесь из воды извлекались персидские дарики, статеры Селевка, драхмы и тетрадрахмы греко-бактрийских и индо-греческих царей, и т. д., но в отличие от того, что было найдено в 1947 г., сейчас среди находок гораздо чаще встречались произведения искусства, выполненные из драгоценных металлов. Практически одновременно с добычей началась и продажа найденных сокровищ. Ее организацией ведал своего рода комитет, состоявший из дюжины «полевых командиров». Покупатели прибывали как из соседних городов, так и Пешавара. Только за право посмотреть находки необходимо было заплатить определенную сумму (5000 пакистанских рупий - эквивалент 150 современных евро)³⁴⁹.

Жестокие разборки между этими «членами комитета» стоили жизни не одному из них. Развязка наступила летом 1993 г. Тогда три полевых командира прибыли из Мир Закаха в Кабул, осаждаемый отрядами Хекматиара. Они добивались встречи с тогдашним президентом

³⁴⁹ Подробнее см. Вореагас1юЫ, Папбпп, 2005. Р. 113-136.

страны Раббани. Во время встречи они сообщили президенту, что являются собственниками фантастических сокровищ, которые были найдены в их деревне и предложили государству купить у них эти сокровища.

Для того чтобы оценить эти находки Раббани отправил в Мир Заках тогдашнего директора Института археологии Афганистана Надера Расули. С огромными приключениями (подбитый вертолет, взятые и отпущенные заложники и т.д.) Расули пробился в Мир Заках. Здесь он выяснил причину обстрела его вертолета: другая группа «полевых командиров» отправилась к Хекматиару с аналогичными предложениями и обстрел был просто мерой в конкурентной борьбе. Расули также пришлось платить рупии за право посмотреть находки, но он нисколько об этом не жалел - никогда в жизни он не видел таких чудесных и дорогих вещей. Он твердо решил посоветовать президенту приобрести эти богатства. К сожалению, и обратный путь оказался столь же сложным, как и путь в Мир Заках. Расули лишился всей документации: и фотографий и рисунков, которые были у него отображены одним из «полевых командиров», встретившихся ему на пути.

Раббани, однако, поверил Расули полностью, и по его приказу начались переговоры с «полевыми командирами» из Мир Закаха. Сначала они потребовали 600 миллионов рупий (15 миллионов евро), затем снизили цену до 460 миллионов рупий. Но и таких денег в казне не было. Раббани отправил своих эмиссаров в Саудовскую Аравию - просить денег для приобретения этого сокровища.

Однако соперники Раббани также не дремали. Хекматиар смог приобрести эти находки с помощью Жана База, одного из самых известных бандитов, тесно связанного с Хекматиаром. Мангалы практически бесплатно лишились всех своих находок. Дальше начинается уже другая история - история путешествия по миру недавно обретенных сокровищ³⁵⁰. Это путешествие началось в афганской провинции Пактия. Необыкновенный груз, состоящий примерно из трех тонн монет (золотых, серебряных и бронзовых) и нескольких сот килограмм предметов, выполненных из драгоценных металлов, совершенно беспрепятственно пересек границу между Афганистаном и Пакистаном. Точно также без малейших препятствий груз преодолел многочисленные дорожные посты на пути из Парачинара до Пешавара³⁵¹.

Именно в Пешаваре начинается новый этап этой истории. В нее включаются новые, весьма значительные фигуры. Немедленно после прибытия в Пешавар этого груза здесь появляется Найджел Маркхэм - доверенное лицо многих самых значительных фигур в мире коллекционеров. Он особенно прославился своим участием в продаже артефактов из Национального музея в Кабуле, которая осуществлялась также с активным участием Хекматиара³⁵². Из Пешавара этот груз отправился дальше, но уже воздушным путем, правда, не проходя никакого контроля на таможне. Путь он держал в Лондон, но не прямо, а через швейцарский город Баль, в аэропорту которого находилась зона, свободная от любого контроля. Именно в этой зоне Н. Маркхэм и Д. Баз осуществили акт продажи этого груза.

³⁵⁰ Подробнее см. Вореагасбсы, П1апбп 2005. Р. 137-138.

³⁵¹ См. Вореагасбсы, П1апбп 2005. Р. 139-140.

³⁵² Подробнее см. П1апбп 2001.

Рис. 1.
Монеты из клада в Мир Заках. Аверсы

На этом этапе в игру вступает еще одна фигура - Норийоши Хориучи³⁵³. Он хорошо знал этот город и его институты, поскольку в 70-ые годы он жил здесь и обучался (в ранге вольнослушателя) в местном университете по специальности история искусств. Результатом стало открытие галереи, специализировавшейся на произведениях искусства, египетского и европейского. Затем он создал галерею в Лондоне, в районе Нью Бонд Стрит, недалеко от всемирно прославленных центров торговли антиквариатом, таких как Кристи, Сотби и т.д. Наконец, в конце 80-ых годов он вернулся в Токио, где устроил свою главную штаб-квартиру и основал третью галерею.

Это было время, когда японская элита, фантастически богатая, стала проявлять огромный интерес к коллекционированию произведений искусств и, соответственно, созданию частных музеев. В числе таких любителей искусств оказались даже руководители мафиозных структур (якудза). Обладание собственным частным музеем стало символом высокого статуса его владельца. В этой обстановке и в этой среде Н. Хориучи оказался более чем востребованной фигурой. Именно он выступил главным организатором покупки клада из Мир Заках Михоко Кояма (1910-2003 гг.), одной из богатейших (если не самой богатой) женщин Японии, богатство которой возросло на текстильном производстве в Осаке. Оно увеличилось еще и благодаря тому, что другой миллиардер - Мокиши Окада - сделал ее своей наследницей.

Михоко Кояма в 1970 г. создала секту Шинчжи Шумейкай («Организация божественной любви»), К настоящему времени в составе

³⁵³ См. ВореагасИсы, Папс!пп 2005. Р. 138-139.

Рис. 1.

Монеты из клада в Мир Заках. Реверсы

секты насчитывается более 300000 членов. Михоко Кояма, являвшаяся богиней секты, для своей штаб-квартиры выбрала горно-лесистую местность в долине Шигараки, недалеко от Киото³⁵⁴. Именно здесь было возведено здание, предназначенное быть местом сбора «ассамблеи верных». Здание было построено по проекту архитектора Мино-ру Ямасаки, автора знаменитых башен Всемирного Торгового центра, разрушенных 11 сентября 2001 г.

Вслед за тем ею было решено создать и здание музея для размещения своих коллекций произведений искусства, которые она начала собирать еще в 50-ые годы³⁵⁵. Строителем музея стал американский архитектор китайского происхождения И.М. Пей, создатель знаменитой стеклянной пирамиды в Лувре, Национальной галереи искусств в Вашингтоне (восточный корпус), Китайского банка в Гонконге. Для того чтобы попасть в музей, нужно, выйдя из Шигараки, пройти по горному туннелю, затем - по подвесному мосту. Общая площадь музея составляет более 9000 кв. м., из которых четыре пятых располагались под землей, в недрах горы Сузуки, среди заросшего лесом участка. Именно там М. Кояма решила хранить свои художественные сокровища. Для приобретения коллекции, которая должна была составить славу музею. Н. Хориучи были предоставлены соответствующие суммы (200 миллионов долларов). Всего же на приобретение коллекции и строительство музея было потрачено 450 миллионов. Источников финансирования было два: собственные средства М. Коямы и средства, предоставленные сектой Шинчжи Шумейкай. Президентом ее являлась родная дочь М. Коямы -

³⁵⁴ ВореагасГюби, Нанс!пп 2005. Р. 140-141.

³⁵⁵ Ёа^еи 2011. С. 347.

Рис.3.
Золотая пластина из Мир Заках.
Зороастрийский жрец

Рис. 4.
Золотая пластина из Мир Заках. Гоек

Хироко. Музей получил свое собственное название - Михо (от имени Михоко).

Н. Хориучи приобрел в различных городах и странах значительное число прекрасных произведений искусства. Однако вершиной его деятельности стало приобретение сокровищ Мир Заках, которые стали главным украшением этого музея. Правда, необходимо указать, что далеко не все найденное мангалами в Мир Заках вошло в состав его коллекций. В частности, Михо музей стал владельцем только 42 экземпляров монет. Во всяком случае, эта цифра была сообщена официально. Многие тысячи других монет обрели других собственников.

В Михо музее временная выставка новых приобретений открылась 20 июля 2002 г., в пятую годовщину открытия самого музея. Коллекция артефактов Мир Заках, однако, имела совершенно неожиданное название - «Сокровища древней Бактрианы». Мы считаем необходимым прежде, чем объяснить происхождение этого названия, дать определенное представление о самих сокровищах³⁵⁶.

В состав коллекции монет входят следующие серии: дарики и двойные дарики Ахеменидов; монеты в три шекеля вавилонского сатрапа времени македонского завоевания Мазея; статеры некоторых греческих городов IV в. до н.э.; статеры Селевкидов; статеры, тетрадрахмы и золотые оболы греко-бактрийских царей; статеры, золотые дидрахмы, тетрадрахмы индо-греков и золотые драхмы индо-скифов³⁵⁷ (Рис. 1,2).

³⁵⁶ См. Сагаиодие ЕпШеБ Р. 230-253; Воронасисы О. 2002. Р. 232-234; Green 2002. Р. 220-221.

³⁵⁷ Воронасисы О.2002. Р. 232.

Рис.5.
Золотые статуэтки жрецов
из Мир Заках

Рис. 6.
Золотая статуэтка льва из Мир Заках

Среди находок необходимо, прежде всего, отметить золотые и серебряные пластинки с изображениями зороастрийских жрецов, представленных в профиль и держащих в руках барсом {Рис. 3}. Подобные изображения хорошо известны, в частности, благодаря Амударьинскому кладу³⁵⁸, а также находкам из раскопок храма Окса³⁵⁹. Точно такие же пластинки, но имеющие принципиально иные изображения (воин-грек, всадник, греческое божество, вероятнее всего Гермес, женщины с цветами в руках, различные животные, изображение храма и т.п.), составляют вторую группу сюжетов³⁶⁰ {Рис. 4}. Большая отдельная группа - статуэтки³⁶¹. Здесь представлены и человеческие изображения {Рис. 5} и изображения животных {Рис. 6}. Имеются, в частности, воспроизведения льва, быка-зебу, кобры, тигров. В большом количестве в коллекции имеются изображения различных частей человеческого тела (рук, ног, глаз)³⁶² {Рис. 7}. Еще одна значительная по масштабам категория - миниатюрные изображения оружия, особенно популярны мечи и луки со стрелами {Рис. 8}.

В очень значительном числе представлены сосуды, особенно чаши. Они выполнены из золота и серебра, часто встречаются серебряные, но позолоченные. Всего представлено 25 золотых {Рис. 9} и 23 серебряных {Рис. 10} сосуда. Имеется также несколько ритонов. Среди них особенно бросаются в глаза ритоны, с завершением в виде протома оленя³⁶³ {Рис. 11} и коня³⁶⁴ {Рис. 12}. Другой ритон - с изображением крылатого быка с головой человека (Гопат-шах?). Настоящим

³⁵⁸ Green 2002. Р. 220. Э. Грин, правда, обращает внимание на одно различие: в пластинках Амударьинского клада жрецы изображены держащими барсом в правой руке, а в данной коллекции - в левой.

³⁵⁹ См. Литвинский, Пичикян 1992. С. 94-111.

³⁶⁰ Именно на основании наличия этой второй группы Э. Грин (Green 2002a. Р. 225) видит хронологические различия между пластинками Амударьинского клада и пластинками из данного клада. Согласно его представлениям, пластинки Амударьинского клада практически все относятся к ахеменидскому времени, в то время как пластины из Мир Заках могут быть датированными периодом от Ахеменидов вплоть до индо-скифов.

³⁶¹ Пичикян 1998. С. 92-107.

³⁶² Вполне возможно, что эти приношения - благодарность божеству за исцеление данной части тела (Green 2002a. Р. 225).

³⁶³ Lapteff 2011. С. 354-355.

³⁶⁴ Небольшое число может быть отнесено даже к мидийскому периоду.

Рис. 7.
Золотые изображения глаз
из Мир Заках

Рис. 8.
Миниатюрное изображение меча
и ножен из Мир Заках

Рис. 9.
Золотая чаша ахеменидского времени
из Мир Заках

Рис. 10.
Зезебояная с позолотой чаша
из Мир Заках

шедевром является ритон с протомой в виде рыси, сжимающей в когтях фазана (Рис. 13). Все эти предметы имеют ритуальное назначение и датируются, согласно ИР. Пичикяну, в большинстве случаев ахеменидским временем, только относительно небольшая часть может быть отнесена к эпохе эллинизма³⁶⁵. В огромном количестве представлены браслеты, серьги, кольца и т.д. Довольно много резных камней.

Встает естественный вопрос относительно названия и выставки и коллекции предметов, вошедших в нее. Мы с самого начала называли эту коллекцию сокровищем из Мир Заках. О. Бопеараччи и П. Фландрен совершенно бесспорно показали, откуда именно происходит эта коллекция. Они столь же бесспорно объяснили появление нового названия. Поскольку происхождение коллекции с точки зрения права было далеко небезупречным, необходимо было запутать ситуацию, и хитроумный Н. Маркхэм придумал это название. Древняя Бактрия занимала территорию северного Афганистана, южного Узбекистана

³⁶⁵ Подробнее см. Пичикян 1998а. 161-166

Рис. 11.
Серебряный с позолотой ритон
с протомой оленя из Мир Заках

и южного Таджикистана. В результате стало не ясно, какая из стран может претендовать на эту коллекцию³⁶⁶. К сожалению, руководители АН Таджикистана по непонятным нам соображениям приняли всерьез эти объяснения и даже поддержали их, приняв участие в выставке и послав на нее некоторое количество экспонатов из музея в Душанбе.

Из серьезных исследователей только один поддержал идею о бактрийском происхождении этой коллекции. И.Р. Пичикян в 1997-98 гг. предпринял попытку доказать следующий тезис³⁶⁷. Он излагает знаменитую историю о драгоценных предметах, а также золотых и серебряных монетах, найденных в районе Тахти-Кувада местными крестьянами

³⁶⁶ ВореагасИсы, Напс!п! 2005. Р. 144.

³⁶⁷ Пичикян 1998. С. 92-107; Пичикян 1998а. С. 161-186; РюМкуап1997. Р. 306-383.

Рис. 12.
Серебряный с позолотой ритон
с протомой коня из Мир Заках

и проданных бухарским купцам. Затем купцы были ограблены афганцами-гильзаями, но brave английский капитан Бартон отбил в одиночку часть богатств у гильзаев и вернул ее купцам, которые в Равалпинди с помощью местных ювелиров продали их англичанам, офицерам и чиновникам колониальной администрации. Эта история давно уже воспринимается всеми достаточно скептически, но И.Р. Пичикян был твердо уверен в ее точности. Он к ней добавлял только еще один штрих. Хотя Бартон и вернул часть богатств, но именно только часть. Коллекция, хранящаяся в музее Михо, - это и есть та, вторая часть сокровищ, которая через сто лет неожиданно явилась миру. Согласно И.Р. Пичикяну, она была в свое время спрятана, но точное место ее нахождения было забыто и только в 1993 г. удалось найти ее. Конечно, эта история сейчас, когда широко известны реальные события, выглядит несколько наивной, но И.Р. Пичикяну истина еще не была известна.

Конечно, мы не думаем, что он специально подгонял факты под понравившуюся ему концепцию. С нашей точки зрения, здесь элемен-

Рис.13.
Серебряный с позолотой ритон
с протомой охотящейся рыси
из Мир Заках

тарное заблуждение ученого, увлеченного собственным объектом исследования. И.Р. Пичикян копал замечательный памятник и невольно все, что существовало вокруг, он соединял с храмом Тахти Сангин. Он предполагал, что именно сокровища этого храма были источником и Амударьинского клада и той коллекции, которая оказалась в музее Михо.

ЛИТЕРАТУРА

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) //ВДИ. 1992. № 3. С. 94-111.

Пичикян И.Р. Возрождение Большого клада Окса. Вторая часть клада Окса из коллекции Михо музея // ВДИ. 1998. № 1. С. 92-107.

Пичикян И.Р. Возрождение Большого клада Окса. Вторая часть клада Окса из коллекции Михо музея. III// ВДИ. 1998а. № 2. С. 161-186.

Bopearachchi O. The Miho Museum Coin Collection // // Treasures of ancient Bactria. The Miho museum. 2002. P. 222-224.

Bopearachchi O., Flandrin P. Le Portrait d'Alexandre le Grand. Histoire d'une découverte pour l'Humanité. Paris, 2005.

Catalogue Entries //Treasures of ancient Bactria. The Miho museum. [Shiganaki], 2002. P. 230-253.

Curiel R., Schlumberger D. Trésors monétaires d'Afghanistan (MDAFA. T. XIV). Paris, 1953. P. 67-100.

Flandrin P. Le trésor perdu des rois d'Afghanistan. Éditions du Rocher. Monaco, 2001.

Green A. The «Treasure of Bactria» in the Miho Museum // Treasures of ancient Bactria. The Miho museum. [Shiganaki], 2002. P. 220-221.

Green A. The Gold Plaques of the Bactrian Treasure // Treasures of ancient Bactria. The Miho museum. [Shiganaki], 2002a. P. 225-230.

Lapteff S.V. The Masterpieces of the Classical and Hellenistic Collections of the MIHO Museum. Toward the 100th anniversary of Mihoko Koyama // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Том первый. М., 2011. С. 345-368.

Pichikyan I.R. Rebirth of the Oxus treasure: second part of the Oxus treasure from the Miho Museum collection //Ancient civilizations from Scythia to Siberia. 1997. № 4. P. 306-383.

ЧАСТЬ 3.

ПРОБЛЕМЫ

Глава VI.

БАКТРИЙСКИЙ ГОРОД КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ

*Три эссе, представленные
в этой части книги,
связаны с проблематикой
и результатами исследований
Советско-Афганской
археологической экспедиции*

В 2010 г. в журнале «Российская археология» была опубликована статья, в которой была предпринята попытка оценить вклад в науку результатов исследований Советско-Афганской археологической экспедиции, работавшей в 1968-1979 гг. на территории северной части Афганистана. Отмечая несомненные значительные достижения экспедиции, авторы этой статьи указали на один из основных, как им казалось, недостатков в ее деятельности: по завершении полевых работ не было опубликовано итогового отчета, в котором были бы представлены в обобщенном виде основные результаты исследований экспедиции³⁶⁸.

Но этот упрек верен не только в общем плане, он актуален и в применении к отдельным типам памятников и категорий материалов. В частности, вызывает сожаление тот факт, что не были обобщены результаты исследований города кушанской эпохи, хотя эта проблема была одной из основных в полевых исследованиях коллектива, и в ходе раскопок был получен значительный новый материал, характеризующий особенности города и городской культуры Бактрии кушанской эпохи.

В последние годы И.Т. Кругликова, являвшаяся руководителем данной экспедиции, очень много сделала для введения в научный оборот тех материалов, которые были получены в ходе исследований, но остались не опубликованными или опубликованными лишь частично. Она издала большую работу, в которой обобщались результаты маршрутных разведочных исследований на территории северного Афганистана³⁶⁹, кроме того ею были подготовлены и изданы отчеты о раскопках Джагат-тепе³⁷⁰ и ряда объектов Дильберджина³⁷¹.

Эти публикации весьма важны, но все-таки они не могут заменить финальный отчет, в котором бы были обобщены все материалы по проблеме города кушанской эпохи, полученные в результате работ экспедиции. Авторы данной работы, соответственно, пытаются закрыть эту «лакуну», представив на основе опубликованных материалов своего рода итог исследований кушанского города в южной Бактрии, проведенных данной экспедицией. Конечно, наша работа не может заменить труд непосредственного участника исследований, но все же такой отчет лучше, чем его полное отсутствие. Мы также должны подчеркнуть, что эту главу книги не следует рассматривать как полноценный вклад в решение проблемы среднеазиатского города античной эпохи³⁷². Задача авторов - более скромная. Это попытка свести воедино полученные экспедицией материалы с тем, чтобы они могли послужить источником для будущего всеобъемлющего исследования по проблеме среднеазиатского города античной эпохи.

³⁶⁸ Кошеленко, Мунчаев, Гаилов. 2010. С. 149-158.

³⁶⁹ Кругликова 2005. С. 309-437.

³⁷⁰ Кругликова 2004. С. 479-561.

³⁷¹ Кругликова 1986; Кругликова 1999. С. 1-60; Кругликова 2001. С. 312-413.

³⁷² Такого рода попытки см., например, Литвинский 1973. С. 99-125; Литвинский 1979. С. 33-44; Ымпэку 1994. Р. 291-312.

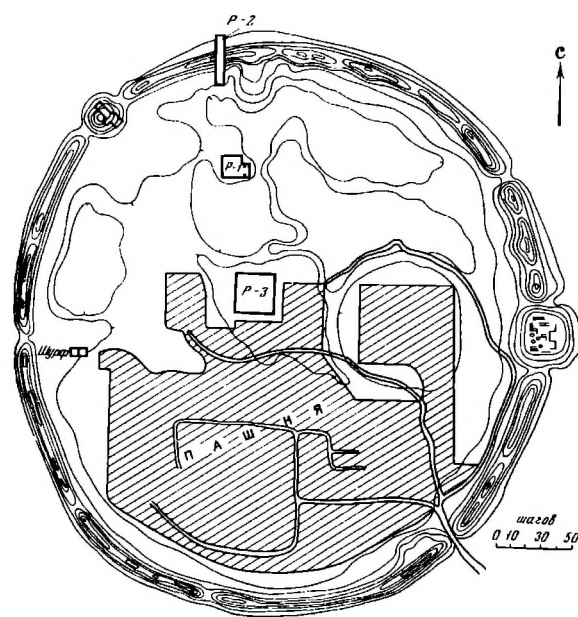

Рис. 1.
Городище Емши-тепе. Космоснимок

Рис.2.
Городище Емши-тепе.
План (глазомерная съемка
Г. Хакимова)

³⁷³ Первые раскопки Бактр осуществил в начале 20-х годов XX века А. Фуше. См. Foucher 1942. Р. 55-121. О них СМ. Bernard 2007. Р. 1797-1845; Bernard 2009. Р. 153-209. Последующие исследования отражены в: Schlumberger 1949. Р. 173-190; Schlumberger 1957. Р. 9-13; Gardin 1957; Young 1955. Р. 267-276; Schlumberger, Le Berre 1964. Р. 61-104.

³⁷⁴ Carl 1959. Р. 59-81.

³⁷⁵ Gardin 1957. Р. 10-11.

³⁷⁶ Hackin 1959. Р. 19-21; Mizuno 1968. Р. 93-108; Fischer 1958. Р. 231-249; Fischer 1969. Р. 327-406.

³⁷⁷ Такого рода попытки см., например, Литвинский 1973. С. 99-125; Литвинский 1979. С. 33-44; Litvinsky 1994. Р. 291-312.

³⁷⁸ Mac Dowall, Taddei. 1978. Р. 262.

³⁷⁹ Ball-Gardin, № 314, Р. 96; Кругликова 1973.136. С. 104-112; Кругликова, Сарианиди 1971. С. 162-167; Кругликова, 2005. № 24. С. 322-323.

В предшествующее работам Советско-Афганской экспедиции время археологи неоднократно предпринимали исследования городов кушанского времени на территории Бактрии. Работы проводились в Бактрах³⁷³, на городищах Шахр-и-Бану и Закер-тепе (расположенных к северу от г. Таш-Курган)³⁷⁴, Тепе-Нимлик³⁷⁵ и в Кундузе³⁷⁶. Однако все эти исследования носили «точечный» характер, ограничиваясь почти всегда только стратиграфическими шурфами и зачистками. Масштабных раскопок ни на одном памятнике городского типа не проводилось. В этом отношении очень показателен параграф, посвященный «поселениям, материальной культуре, архитектуре и искусству» Афганистана периода от падения Греко-Бактрии до арабского завоевания, написанный такими видными специалистами, как Д.В. Мак Доуэлл и М. Таддеи в книге, обобщавшей результаты археологических исследований в этой стране³⁷⁷. В то время как характер городов, расположенных к югу от Гиндукуша (район Кандагара, Газни, Беграма-Капиши), описывается достаточно подробно, городам кушанского времени, расположенным в пределах Бактрии, уделено всего несколько строк³⁷⁸.

Материалы для решения проблемы кушанского города Бактрии могут быть получены из двух категорий источников: из материалов регулярных раскопок городов, а также из наблюдений над отдельными памятниками в ходе разведочных исследований участников данной экспедиции. К сожалению, последняя категория материалов в данном случае приносит мало информации. При этом в анализе характера города необходимо различать две их категории: 1) города, возникшие в ранние эпохи и продолжавшие существовать в кушанское время, и 2) города, возникшие именно в этот период.

Первая категория представлена, в частности, городищем Емши-тепе, которое два года (1969-1970 гг.) было объектом достаточно интенсивных раскопок Советско-Афганской экспедиции³⁷⁹. Памятник

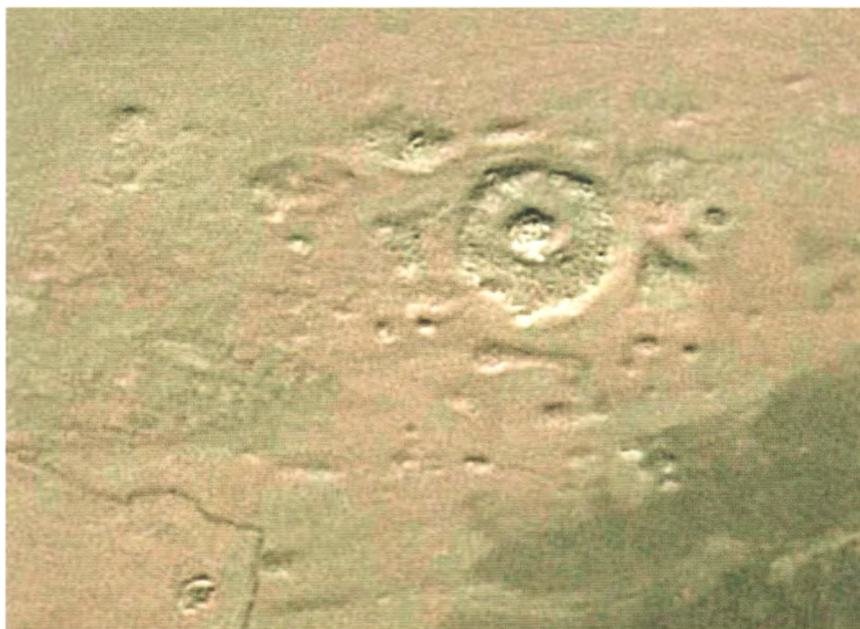

Рис. 3.

Городище Джазат-тепе. Космоснимок

находится в 4 км к северо-востоку от современного города Шеберган. Это городище весьма значительных размеров, круглое в плане (Рис. 1,2). Диаметр его - 560 м³⁰⁰. Сохранившаяся высота стен (с учетом ряда перестроек и ремонтов) достигает 12 м. На городище было заложено несколько раскопов, но ни один из них не был доведен до материка. Было определено пять «строительных горизонтов». Верхний из них датируется кушано-сасанидским периодом. В это время обжитой была только часть городской территории. Ниже кушано-сасанидского строительного горизонта располагались два, которые авторы раскопок определяют как кушанские, четвертый слой относится ими к греко-бактрийскому времени.

Что касается самого нижнего слоя, то в его определении имеется некоторая противоречивость. С одной стороны, И.Т. Кругликова говорит об эллинистическом времени как времени основания города, с другой же стороны, она достаточно определенно указывает на наличие слоя, предшествующего эллинистическому. Таким образом, представляется, что время основания города - ахеменидская эпоха³⁸¹. Ни на одном из раскопов не было вскрыто значительного пространства, которое позволяло бы получить представление о характере городской застройки. Строительным материалом являлись пахса и сырцовый кирпич размерами 40 x 40 x 10 см, что типично для этого времени. В одном из кушанских слоев была обнаружена мастерская медника.

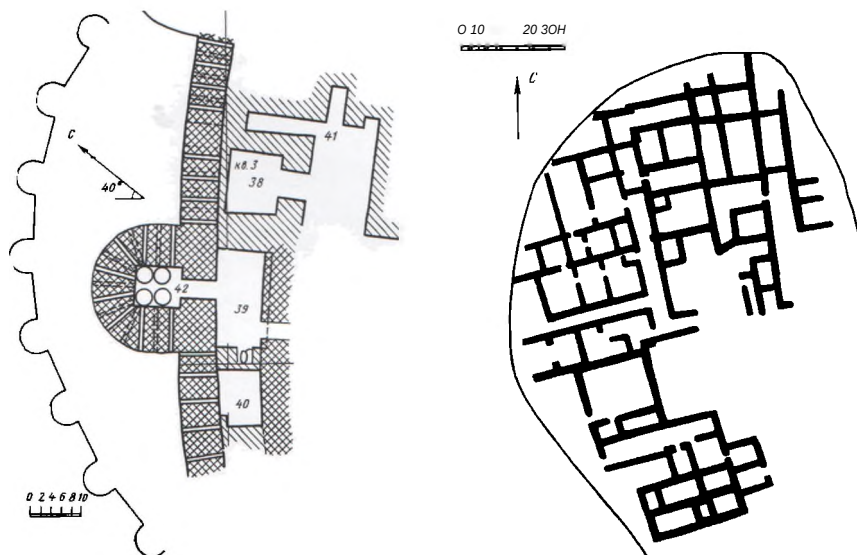
В целом история этого памятника выглядит следующим образом: время его основания - ахеменидский период. При этом организация пространства такова, что не может быть никаких сомнений в том, что это поселение возникло не в результате какого-то стихийного процесса, но в результате целенаправленных действий, согласно четко намеченному плану. Город продолжал жить в эллинистический и кушанский периоды. Кушано-сасанидское время - время упадка, в V в. н.э. город прекращает свое существование.

³⁸⁰ И.Т. Кругликова первоначально определяла диаметр городища в 480 м., но современные методы исследования позволили уточнить размеры его.

³⁸¹ Укажем в качестве дополнительных аргументов на наличие среди керамики сосудов с росписью, которые В.И. Сарианиди определял как относящиеся к восточно-хорасанской культуре, и, тем самым, датируемых первыми веками I тыс. до н.э. (Персональное сообщение Ш.Р. Пидаева, работавшего с керамикой этого памятника).

Рис. 4.
Джагат-тепе.
План части раскопанных сооружений
на цитадели (по: Пугаченкова 1979)

Рис. 5.
Джагат-тепе.
Западный блок жилых построек
на поселении (по: Пугаченкова 1979)

Еще один памятник этой категории, раскапывавшийся экспедицией - Джагат-тепе (Джигат-тепе, Жига-тепе)³⁸² [Рис. 3]. Памятник был обнаружен в 1972 г., раскопки на нем проводились в 1974, 1976 и 1977 гг. Исследования осуществлялись Г.А. Пугаченковой, Ш.Р. Пидаевым и В.Н. Ягодиным. Памятник состоит из двух частей: 1) круглое в плане городище, в центре которого возвышается бугор (также круглый в плане), который И.Т. Кругликова называет цитаделью, и 2) неукрепленное поселение, расположенное вокруг городища. В направлении на север следы застройки прослеживаются на 1,2 км, на запад - на 0,3 км. Эта часть памятника состояла из крупных массивов, представлявших собой руины больших отдельно стоящих зданий. При этом четко виден принцип организации этого поселения: чем ближе к городищу, тем крупнее бугры и наоборот - чем дальше, тем они мельче.

Городище имеет диаметр 195 м³⁸³. Цитадель же - 55 м. Сейчас достаточно сложно интерпретировать материалы раскопок, так как каждый из раскопщиков создавал собственную систему периодизации, и свести их в настоящее время воедино представляется практически невозможным. Можно отметить только несколько основных фактов. Город был основан (как показывает анализ керамики из древнейшего слоя) в самом конце ахеменидского времени. Ш.Р. Пидаев расчистил (хотя и на сравнительно небольшом участке) внешний фас стены цитадели (общая толщина культурных напластований оказалась равной 16,5 м). Основание стены оказалось соотнесенным со слоем, в котором преобладала керамика позднеахеменидского времени. Городские укрепления состояли из стены, имевшей внутреннюю галерею и полукруглых в плане башен [Рис. 4]. Основным строительным материалом служила пахса. И стены, и башни были снабжены бойницами, расположенными в два ряда. Бойницы нижнего ряда были стреловидными. На позднем этапе они были забутованы. Перед стеной располагался ров, за которым находилось незастроенное пространство.

³⁸² Ball-Gardin, № 475.Р. 135; Кругликова, 1904.С. 141-150; Кругликова 2005. № 85. С. 331-332; Кругликова, 2004. С. 479-561; Пугаченкова, 1979. С. 63-94; Пидаев, 1984. С. 112-124.

³⁸³ Г.А. Пугаченкова определяла диаметр в 150 м, указывая, правда, на предварительный характер своих расчетов (Пугаченкова 1979. С. 67).

Рис. 6.
Дильберджин. Космоснимок

Рис. 7.
Дильберджин.
План (по: Кругликова 1986)

Город продолжал существовать и в эллинистическую эпоху. Материалы этого времени найдены, правда, в переотложенном состоянии, но они очень показательны: керамика «ай-ханумского типа», греко-бактрийские монеты и, наконец, фрагментированная греческая надгробная надпись³⁸⁴.

Слои кушанского времени не вскрывались, но наличие их несомненно. Имеется огромное количество материала кушанского времени в переотложенном состоянии, мощность слоев между ахеменидским временем и «верхней свитой слоев» (кушано-сасанидское время) столь велика, что здесь просто не может не быть мощных слоев кушанского времени.

Кушано-сасанидское время представлено рядом частично раскопанных зданий на цитадели и огромным количеством вещевого материала, включая монеты. Исследования на территории неукрепленного поселения показали наличие разновременной ирригационной сети³⁰⁵ и многочисленных остатков керамического производства. Здесь же был раскопан большой дом кушано-сасанидского времени (Рис. 5). Г.А. Пугаченкова высказала предположение, что Джагат-тепе представлял собой храмовый комплекс, сопоставимый с хорезмийским памятником Кой-Крылган-кала. Заканчивается история города в V в.

Еще один город, исследовавшийся Советско-Афганской археологической экспедицией, - Дильберджин³⁸⁶. Он был обнаружен во время разведок в 1970 г. и после этого в течение последующих лет стал главным объектом раскопок экспедиции (Рис. 6, 7).

Город состоит из трех частей: круглой в плане цитадели (диаметр - 185 м)³⁸⁷, окружающего ее прямоугольного в плане города (со сторонами

³⁸⁴ Пугаченкова, 1979. С. 75 (см. выше, с. 127-128). В заключительной публикации И.Т. Кругликова сочла необходимым откликнуться на этот сюжет. Указав на ошибку Г.А. Пугаченковой, она замечает: «датировка и определение которой было позднее уточнено» (Кругликова 2004. С. 483), ссылаясь при этом на статью: Литвинский, Виноградов, Пичикян 1985. С. 99. Но и здесь автор допускает ошибку. Она считает, что определение текста как надгробной эпитафии, исполненной элегическим дистихом, принадлежит Б.А. Литвинскому, хотя из текста статьи следует, что эта часть ее принадлежит Ю.Г. Виноградову. Современное издание текста см. *Inscriptions...* Р. 90-92, №91.

³⁸⁵ Приходится указать на ошибку И.Т. Кругликовой. Она считала, что вода поступала по каналу из Амударьи, что невозможно по физическим причинам.

³⁸⁶ Кругликова 1974; Кругликова 1982. С. 154; Кругликова, 2001. С. 359 (здесь же вся предшествующая литература); Ball-Gardin, № 295.Р. 91-92; Долгоруков 1984. С. 58-92; Кругликова 1986; Кругликова 1999. С. 1-60; Krouglikova 1977.Р. 407-427.

³⁸⁷ И.Т. Кругликова приводит несколько меньшие размеры -150-160 м.

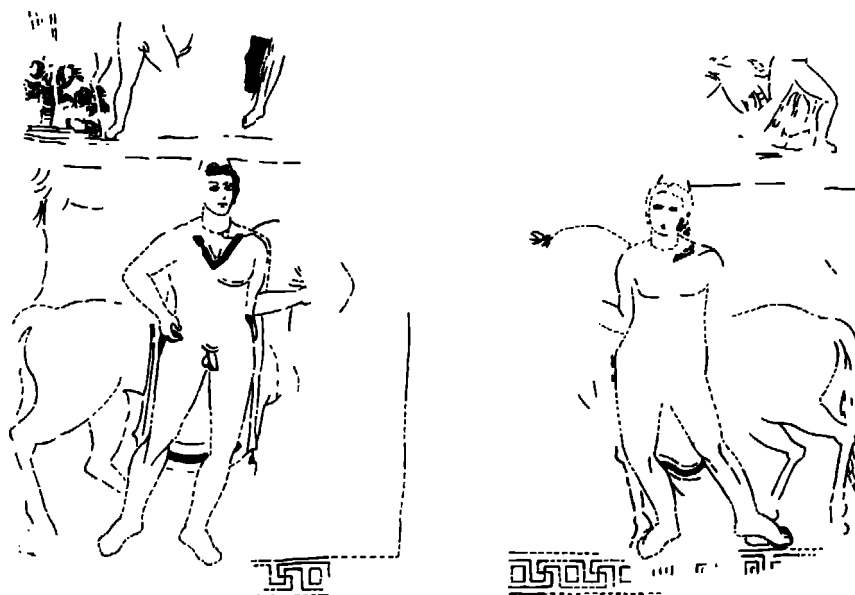

Рис. 8.
Дильберджин.
Роспись с Диоскурами
на фасадной стене храма
(по: Кругликова 1976)

от 410 до 430 м) и обширного неукрепленного пригорода, простиравшегося в южном и юго-восточном направлении.

Древнейшей частью города является его цитадель, возведенная в ахеменидское время. Это подтверждает обильный керамический материал, связанный с основанием стены, окружавшей цитадель. Общая мощность культурных слоев здесь - более 16 м. Самая ранняя стена, окружающая цитадель, была выполнена из пахсовых блоков и имела толщину до 4 м. У подножья стены находился ров, образовавшийся при выборке глины для ее строительства. Стена была усилена овальными и прямоугольными в плане башнями. В это же время возникает и поселение вокруг цитадели. Видимо, в IV в. до н.э. укрепления цитадели были реконструированы. Старая стена была усилена новой пахсовой кладкой. В раннеэллинистическое время произошли новые изменения. На всем пространстве цитадели была создана мощная платформа, видимо, предназначенная для какого-то монументального сооружения. Однако проект не был осуществлен, и территория цитадели превратилась в рядовой жилой район, населенный, судя по характеру жилищ, беднейшим населением. В этом качестве цитадель просуществовала до самого конца жизни города.

В эллинистическую эпоху поселение вокруг цитадели разрослось и вскоре (видимо, в греко-бактрийское время) было обнесено стеной. Поселение в плане было почти квадратным, стены имели протяженность от 410 до 430 м. Каждый фас был укреплен 12-14 прямоугольными в плане башнями, расстояние между которыми равнялось 17-23 м. Толщина стен первоначально достигала 3,8 м (включая стрелковую галерею шириной 1 м). Городские укрепления неоднократно подновлялись и даже переделывались³⁸⁰.

По мнению В.С. Долгорукова, исследовавшего укрепления Дильберджина, северо-восточный сектор города был отсечен от остальной территории особой стеной. Он полагает, что в пределах пространства,

³⁸⁰ См., например, Пугаченкова 1984. С. 93-111 - детальный анализ перестроек у южных ворот города.

огороженного этой стеной, находился официальный центр с правительственными учреждениями, главным храмом и, возможно, казармами гарнизона³⁸⁹.

На территории города было выявлено несколько зданий общественного назначения, в первую очередь, храмов. Древнейший из исследованных храмов расположен в северо-восточном углу городища. Он относится, видимо, к греко-бактрийскому времени. Это так называемый «храм Диоскуров». Он назван так по найденным здесь настенным росписям, изображающих Диоскуров в виде стоящих обнаженных юношей, держащих под уздцы белых коней (Рис. 8).

Храм располагался внутри «священного участка», имевшего размеры 140 x 110 м. Он просуществовал достаточно длительное время. На первой стадии храм имел достаточно скромные размеры: 25 x 16 м (Рис. 9а). Здание храма ориентировано входом на восток и состояло из айвана, двух маленьких боковых помещений и довольно значительного центрального помещения, окруженного с трех сторон обводным коридором. Только западная стена храма являлась наружной, с остальных трех сторон он был обнесен оградой, имевшей широкий проход против центрального входа в здание.

Храм неоднократно перестраивался, при этом, видимо, менялся и объект почитания в данном храме. Всего зафиксировано пять основных стадий развития храма. Первая, как уже отмечалось, относится к эллинистическому периоду, вторая, видимо, к раннекушанскому времени, третья - к периоду царствования Канишки, четвертая - Васудевы, наконец, пятая, когда здание еще сохраняло свои сакральные функции, - к IV- первым десятилетиям V вв. н.э.³⁹⁰. Во втором периоде перестройка привела к значительному расширению целлы, у которой была уничтожена западная стена и построена новая (Рис. 9б). У этой стены - прямо напротив входа - был возведен подиум-платформа. Видимо, к этому подиуму была прикреплена выполненная на мраморной плите бактрийская надпись, фрагменты которой были найдены при раскопках³⁹¹.

³⁸⁹ Долгоруков 1984. С. 65. Данный тезис представлен только в этой статье В.С. Долгорукова, больше нигде эта деталь устройства города не упоминается. Анализ космических снимков не подтверждает эту гипотезу В.С. Долгорукова.

³⁹⁰ Попытка пересмотреть хронологию, предложенную И.Т. Кругликовой (РИ231тпоз1996.Р. 271-298), выглядит крайне неубедительной. Все аргументы автора, в сущности, сводятся только к указаниям на размеры кирпичей, что ничего не доказывает, поскольку помимо общих для Средней Азии тенденций в развитии строительного дела, находивших свое выражение в изменении формата сырцовых кирпичей, существовали бесчисленные локальные отличия, накла-

дывавшиеся на эту общую тенденцию. Автор забывает то простое обстоятельство, что зачастую части одного и того же здания сложены из кирпичей разных форматов (подробнее см. Пугаченкова 1976. С. 125-127). Т. Фитцсиммонс предлагает для поздних памятников (и слоев этих памятников) Дильберджина датировку V—VIII вв. н.э. При этом он не учитывает того обстоятельства, что (за исключением одной аббасидской монеты) самые поздние монетные находки Дильберджина относятся к началу V в. н.э. (см. Вайнберг, Кругликова 1976. С. 172-182; Вайнберг, Кругликова 1984. С. 125-140). Таким образом, гипотеза этого автора должна быть полностью отвергнута. ³⁹¹ Лившиц, Кругликова 1979. С. 98-112.

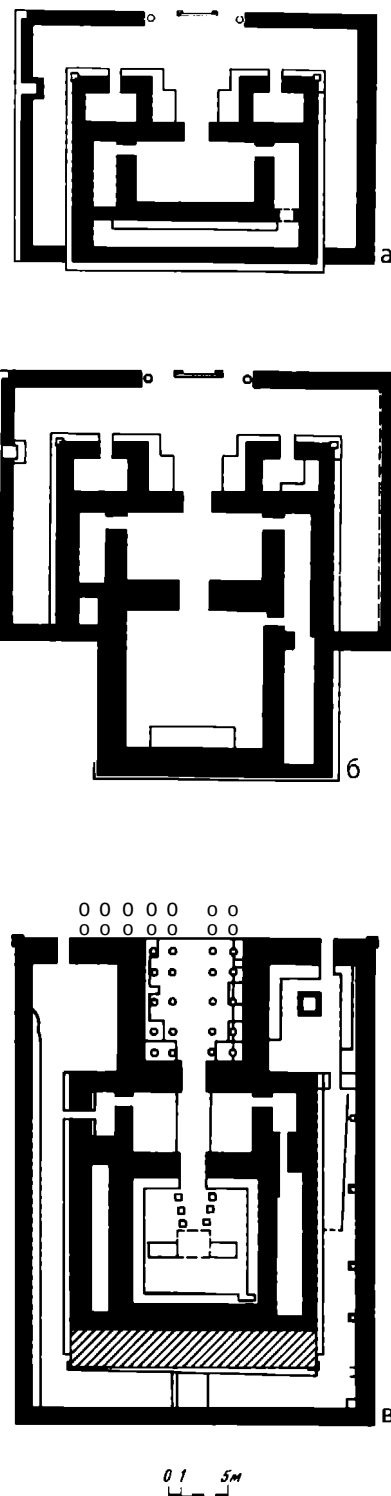

Рис. 9.
Дильберджин.
Храм Диоскуров:
а - первый строительный период;
б - второй строительный период;
в - третий строительный период
(по: Кругликова 1986)

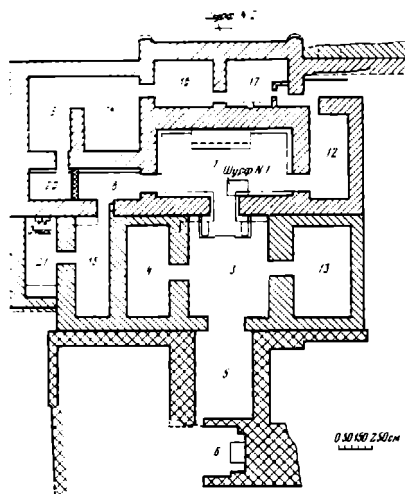

Рис. 10.
Дильберджин. Западный храм.
План (по: Кругликова 1999)

Содержание надписи несколько напоминает содержание большой надписи из Сурх-Котала: автор надписи говорит о каких-то разрушениях здания и его ремонте.

Третий строительный период ознаменовался значительными перестройками, в первую очередь фасадной части здания (Рис. 9в). Здесь был построен новый айван, фланкированный двумя значительными по размерам помещениями. Благодаря этому фасад приобрел характерную для Востока типологическую схему: большой проем айвана и два небольших проема по обе стороны от него. Здесь же находились многочисленные колонны, стоявшие перед айваном и внутри него вдоль стен. В целле постамент для статуй был перенесен - отныне он занимал центр этого помещения. Постамент состоял из трех частей: каменной центральной и двух боковых, сложенных из сырцовых кирпичей, на которой располагались статуи божеств, фрагменты которых были найдены при раскопках. Видимо, надпись существовала и в этот период, она была перенесена вместе с подиумом. В целле располагались также шесть малых алтарей, поставленных в два ряда и подводящих от входа к постаменту. Еще один алтарь (ступенчатый, сложенный из сырцовых кирпичей), находился в помещении 7. Вокруг центральной части здания в результате перестроек появился обводной коридор.

Четвертый строительный период не принес серьезных изменений в устройство храма³⁹². Отмечается только несколько небольших переделок. Важнейшим новым элементом является настенная живопись в помещении 2. Хотя она сохранилась только частично, тем не менее, одно панно дает хорошо определяемый сюжет: Шива и Парвати, сидящие на горбатом быке Нанди, две крупные стоящие фигуры по обеим сторонам и маленькие фигуры донаторов (?) под ногами быка³⁹³.

Пятый период представлял собой последний период существования здания в качестве сакрального сооружения³⁹⁴. Переделки, в общем, были не очень значительны, в большом числе найдены фрагменты живописи *in situ* и скульптуры - в слое. Здание использовалось и позднее, во время эфталитов, но уже не по прямому назначению - освоенная людьми часть сооружения использовалась как жилище³⁹⁵.

На территории городища зафиксированы руины еще одного святилища, которое исследователи называли «западным храмом» (Рис. 10). Исследования этого памятника (раскоп X) осуществлялись в 1974 г. Р. Сулеймановым, а в 1975-1977 гг. - У. Пулатовым. К сожалению, в итоговой публикации И.Т. Кругликовой результаты двух этапов раскопок не были интегрированы в единый текст³⁹⁶, что очень затрудняет использование этих материалов.

Всего выделяется пять периодов в жизни памятника. Первый из них относится к греко-бактрийскому времени, второй - к раннекушанскому, третий - к позднекушанскому периодам. Четвертый период - время разрушения сакрального комплекса, пятый - время позднего обживания (видимо, эпоха эфталитов). Устройство раннего храма довольно простое. Центром его является помещение № 1, которое служило целлой. В него вели три сводчатых входа. Центральный, более

³⁹² Кругликова 1986. С. 64-75.

³⁹³ Кругликова 1974. С. 44-46; Кругликова 1986. С. 65-66.

³⁹⁴ Кругликова 1986. С. 76-92.

³⁹⁵ Кругликова 1986. С. 93-95.

³⁹⁶ Кругликова 1999. С. 1-60.

широкий, чем остальные, был ориентирован на восток, два других связывают целлу с боковыми помещениями, расположенными с севера и с юга от ядра здания. Вдоль всех стен главного помещения располагались суфы, а прямо против входа вплотную к задней стене - постамент под статуи, фрагменты которых были найдены при раскопках.

Второй период в жизни храма знаменовался некоторыми перестройками. Самые важные из них коснулись фасадной части здания. Здесь был создан большой айван (помещение № 3) и два связанных только с ним боковых помещения (№№ 4 и 13). В третьем периоде происходит дальнейшее расширение храма. И во втором, и в третьем периодах функционирования в храме присутствовала скульптура, фрагменты которой (включая очень крупные) были найдены при раскопках. Некоторые из них удалось частично реставрировать³⁹⁷.

По утверждению Г.А. Пугаченковой, в пределах форта, расположенного у южных ворот, было создано небольшое святилище, в котором внутри ниши была поставлена статуя Геракла³⁹⁸ (Рис. 11). Святилище удовлетворяло духовные потребности гарнизона.

Вне пределов прямоугольника городских стен было обнаружено и частично исследовано буддийское святилище (раскоп VI)³⁹⁹ (Рис. 12). К сожалению, авторы не дают датировки исследовавшегося ими памятника. На основании приведенных ими данных можно предполагать, что оно было создано в позднекушанское время, а погибло, подобно многим сакральным комплексам, в первой половине V в. н.э.

Здание святилища было возведено на руинах какого-то сооружения более раннего времени и составляло, кажется, часть более обширного комплекса. Основу планировки сохранившейся части здания составляли два вытянутых в направлении с севера на юг довольно узких коридора, перекрытых сводами. Один из таких коридоров был практически лишен находок, во втором же при раскопках было зафиксировано шесть алтарей, на которых возжигался огонь, а на выходе из этого помещения - ступа. В этом и нескольких соседних помещениях найдены фрагменты живописи, как в мельчайших фрагментах - на полу, так и в несколько более крупных - на стенах. Обнаружены также фрагменты скульптуры, в том числе и изображения Будды. Рядом с помещением 3 было раскопано почти полностью сохранившееся помещение, перекрытое куполом.

Помимо зданий культового назначения раскопки Дильберджи дали определенную информацию и по проблемам гражданского

Рис. 11.
Дильберджин.
Глиняная статуя Геракла

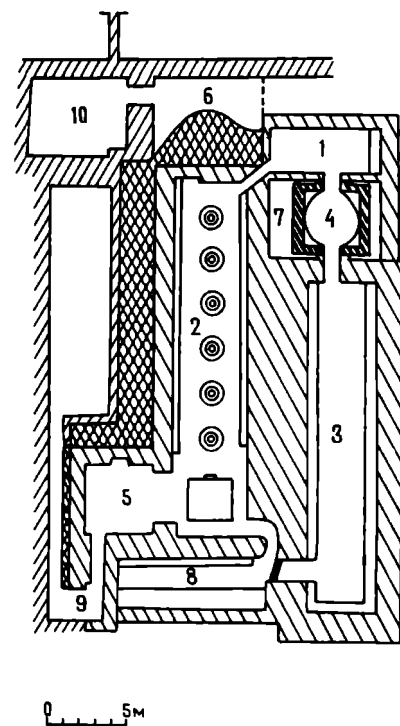

Рис. 12.
Дильберджин. Буддийское святилище.
План (по: Кругликова, Пугаченкова 1977)

³⁹⁷Соколовский 1979. С. 113-119.

³⁹⁸ В данной нише стояла более ранняя статуя Геракла, но она разрушилась и была заменена новой. К сожалению, отсутствует голова статуи. Возле ноги - часть палицы, что делает определение бесспорным. См. Пугаченкова 1977. С. 77-84; Пугаченкова 1984. С. 106-108. Создание статуи определяется наход-

кой монеты Васудевы (под ногой статуи).

³⁹⁹ Кругликова, Пугаченкова 1977. С. 61-90. Отметим в связи с этим, что в некоторых случаях в публикациях Советско-Афганской археологической экспедиции установить местонахождение того или иного памятника - задача трудная, если не невозможная.

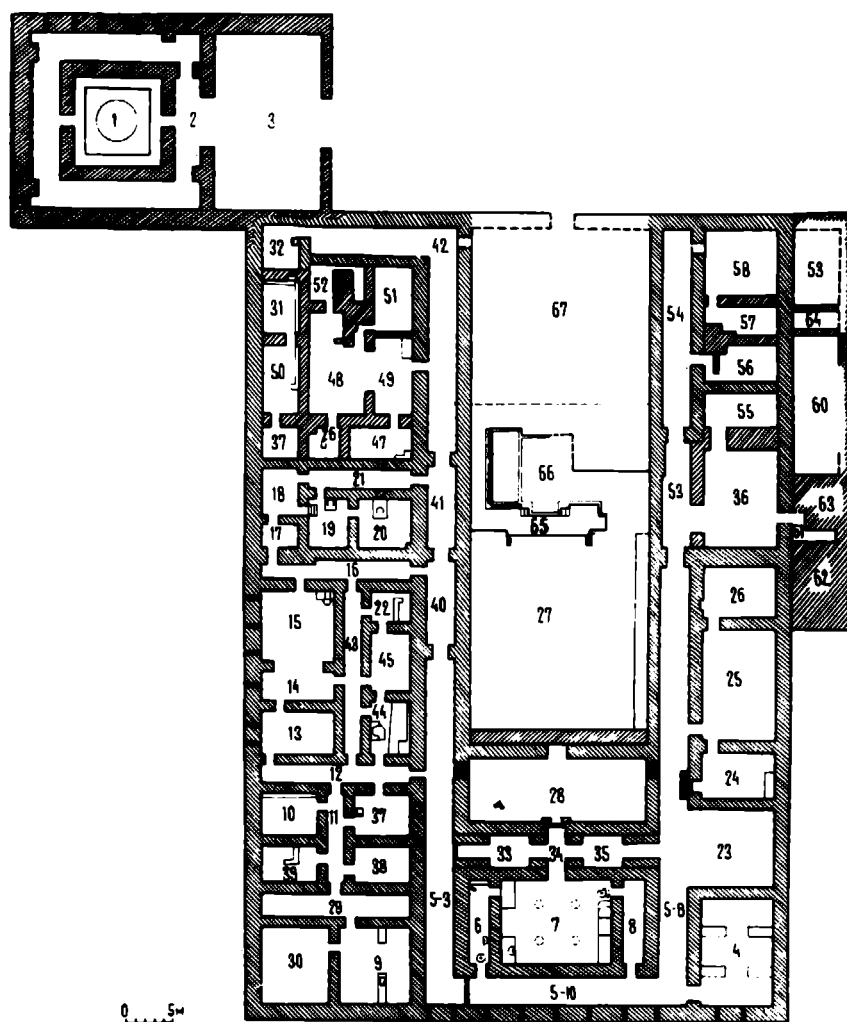

Рис. 13.
Дильберджин.
«Большой дом» и сардоба.
План (по: Кругликова, Пугаченкова
1977)

строительства. В частности, раскопки вне пределов городских стен дали представление о жилище «магната» кушанской эпохи (раскоп V, условное название «Большой дом»)⁴⁰⁰ (Рис. 13).

Здание расположено в юго-западной части пригорода, оно имеет размеры 84 x 57,5 м и ориентировано строго по странам света⁴⁰¹. Разбивка очень правильная, все стены строго параллельны или перпендикулярны по отношению друг к другу⁴⁰². Время возведения этого здания точно не определено. Авторы публикации памятника считают, что существуют две возможности: либо конец греко-бактрийской эпохи, либо время, когда ситуация в Бактрии после кочевнического завоевания пришла в норму. Лично нам первое предположение кажется более оправданным. Видимо, планировка комплекса восходит к планировке больших домов начала эллинистической эпохи⁴⁰³.

Центральная часть здания, включавшая в себя несколько дворов и помещений, отчленена от остальной части сооружения очень длинным П-образным коридором. Вход расположен на северной стороне, он ведет в систему дворов, которые различаются высотой полов. Через посредство нескольких помещений можно было попасть в помещение № 7,

⁴⁰⁰ Кругликова, Пугаченкова 1977. С. 5-60.

⁴⁰¹ С отклонением главной оси север-юг на 2°.

⁴⁰² Необходимо сказать, что направление осей соответствует ориентации крепостных стен Дильберджина.

⁴⁰³ Млекуйо 1987. С. 59-67.

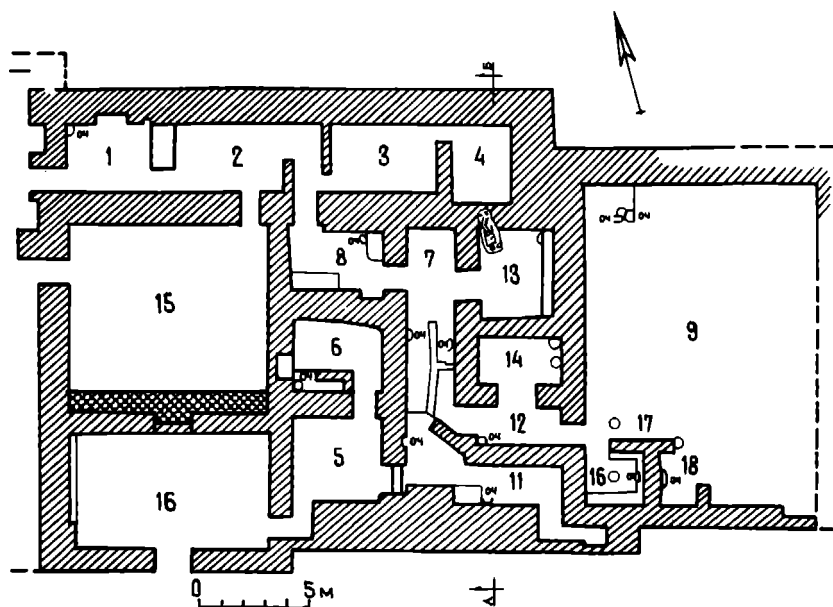

Рис. 14.
Дильберджин.
«Дом ремесленника».
План (по: Кругликова, Пугаченкова
1977)

которое являлось, видимо, главным приемным залом хозяина дома. В центральной части его имелись четыре колонны. Относительно остальных помещений авторы раскопок предполагают, что они были разбиты на отдельные блоки, занимаемые семьями младших членов семьи, а северо-восточная часть здания была занята «челядью».

Во втором периоде (последовавшем, видимо, за временем некоторого упадка и запустения), который авторы раскопок датируют временем Куджулы Кадфиза, произведены некоторые перестройки. Прежде всего, рядом с «большим домом» была возведена сардоба - источник чистой воды, видимо, не только для жителей этого дома, но и соседних. Центральная часть сардобы была перекрыта куполом⁴⁰⁴. В самом здании важнейшие переделки были произведены в центральной части: парадная приемная и связанные с ней помещения были отрезаны дополнительной стеной от системы дворов, которые также были несколько реконструированы. В одной из комнат (№ 52) было оборудовано домашнее святилище, где возжигался огонь⁴⁰⁵.

Еще один образец гражданского зодчества Бактрии кушанской эпохи дает так называемый «Дом ремесленника»⁴⁰⁶ (Рис. 14), расположенный также вне квадрата городских стен, на расстоянии примерно 150 м от «Большого дома». Здесь фиксируется довольно значительный квартал, и один из домов этого квартала был полностью раскопан сотрудниками экспедиции (раскоп VII). Он был построен и существовал, видимо, на протяжении II в. н.э. Его размеры 24 x 19,75 м. Хотя в планировке дома нет той идеальной разбивки, которая была характерна для «Большого дома», но при всем том хорошо видна четкая организация пространства, ориентированная на удовлетворение потребностей жителей дома. Выделяются два больших приемных зала - №№ 15 и 16 («михманхоны»). Хозяйственно-жилой блок охватывал ряд комнат, примыкавших к внутреннему хозяйственному двору (№ 9). В них

⁴⁰⁴ Кругликова. Пугаченкова. 1977. С. 48-60.

⁴⁰⁵ Вызывает некоторое удивление тот факт, что данное помещение расположено среди комнат, занятых (по мнению авторов раскопок) прислугой.

⁴⁰⁶ Кругликова, Пугаченкова. 1977. С. 91-103. Отметим, что название не бесспорное, поскольку в самом здании никаких следов ремесленной деятельности не зафиксировано. Название же дано на том основании, что по соседству на поверхности имеются следы керамического и металлического производства.

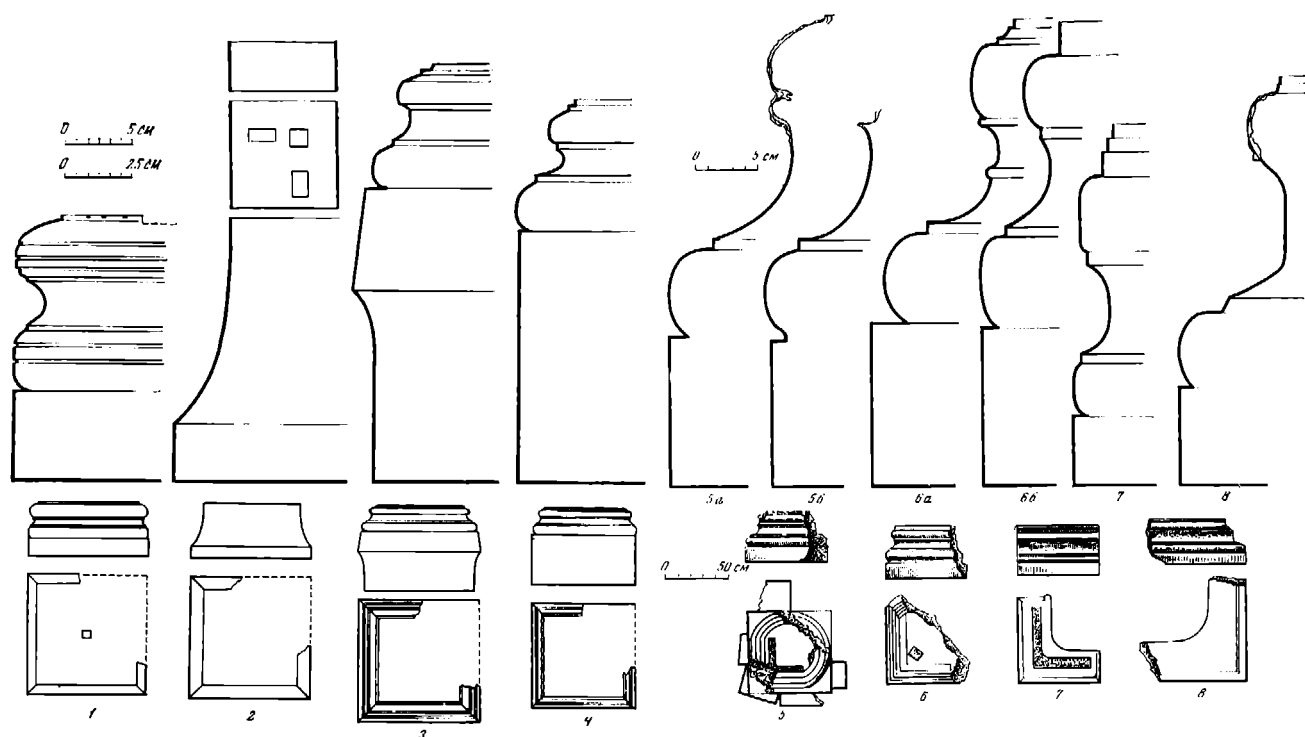

Рис. 15.
Дильберджин.
Типы каменных баз колонн и антов
(по: Кругликова, Пугаченкова 1977)

находились очаги, хумы, вдоль стен были построены суфы. В северной части имелись четыре помещения (№№ 1 - 4), через которые осуществлялась связь с остальными частями здания.

Архитектура и строительная техника Дильберджина совпадая, в основном, с тем, что мы видим на других памятниках, несколько отличается большей рафинированностью и более высоким уровнем исполнения⁴⁰⁷. В строительстве использовались пахса, сырцовый и обожженный кирпич. При этом очень часто сырцовый кирпич был различных размеров и даже различных форматов (в единой кладке использовались квадратные и прямоугольные кирпичи). Довольно часто в строительстве использовались колоны, как деревянные, так и (много реже) каменные. При раскопках были найдены в большом количестве базы колонн, пилястров и антов, как правило, аттического профиля, выполненных из мрамора или (чаще) известняка (Рис. 15). Характерно, что при раскопках, кажется, совершенно не были встречены капители. Перекрытия были разнообразны, помимо обычных архитравных перекрытий широко использовались сводчатые и купольные конструкции. Некоторые типы сводчатых перекрытий, например, свод типа «балхи», должны быть датированы (в результате исследований экспедиции) много более ранним временем, нежели это предполагалось ранее⁴⁰⁸. Для декора зданий использовались терракотовые плиты, похожие на те, что в большом количестве были обнаружены при раскопках Старой Нисы (Рис. 16). Значительную роль в общем облике города играла скульптура и живопись. Хотя здесь представлены практически лишь довольно поздние образцы этого искусства, не подлежит сомнению их греческое происхождение. Диоскуры, Геракл, Афина - все эти

⁴⁰⁷ Подробнее см. Пугаченкова. 1976. С. 125-137.

⁴⁰⁸ В данном случае - почти на 1000 лет. См. Пугаченкова. 1976. С. 130.

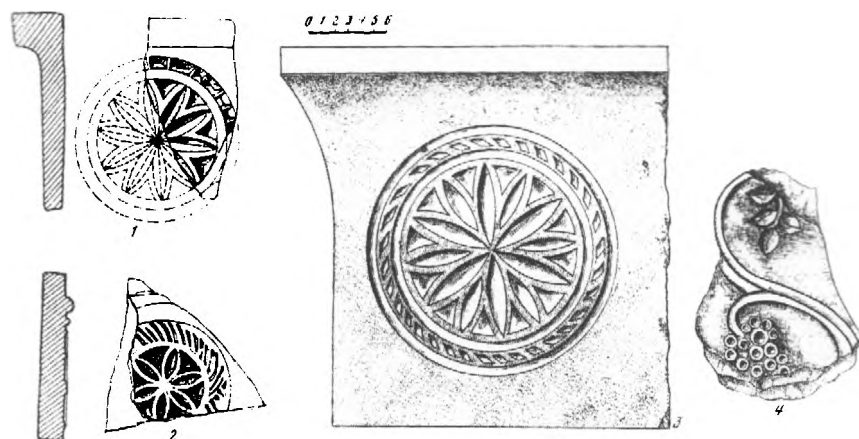

Рис. 16.

Дильберджин.

Фрагменты терракотовых
архитектурно-декоративных деталей
(по: Кругликова. Пугаченкова 1977)

образы пришли на бактрийскую почву вместе с греками и заняли здесь почетное место (Рис. 17, 18). Индийские влияния, также заметные в искусстве городских центров Бактрии, - это явления более позднего времени.

Подводя некоторые итоги рассмотрения материалов, дающих информацию о городе Бактрии кушанской эпохи, мы, кажется, можем утверждать следующее. В литературе общим местом стало мнение о том, что кушанское общество - это урбанистическое общество. С этим утверждением, видимо, можно согласиться, но с одной, весьма серьезной поправкой. Кушанский период реализовал те потенциалы, которые накопило общество. Он стал итогом длительного процесса урбанизации. Все исследованные экспедицией города возникли в ахеменидский или даже доахеменидский периоды. Развиваясь, они, видимо достигали апогея в своей истории именно в кушанское время. И столь же показательно, что сразу по окончании этого периода начался стремительный упадок города. Во всех трех городах этот упадок начался в кушано-санидский период⁴⁰⁹.

Мы видим три формы организации городского пространства, представленные в трех исследованных городах: 1) замкнутый круг укреплений (Емши-тепе), 2) замкнутый круг с неорганизованным пригородом вне городских стен (Джагат-тепе), 3) круглое ядро (ци-тадель), квадрат укреплений, охвативших городскую застройку, неорганизованный пригород вне этого квадрата (Дильберджин). Хотелось бы обратить внимание на то, что исходная форма во всех трех случаях - одна и та же. Недавно авторами была опубликована работа, посвященная городам Центральноазиатского региона, имеющим в основе круглый план⁴¹⁰. Основной вывод этой работы состоит в том, что возникновение населенных пунктов, имеющих круглый план, относится к доахеменидскому и ахеменидскому времени и в их планировке явно сказывается влияние сакральных идей того времени. Мы, естественно, не утверждаем, что религиозные идеи были определяющим моментом в процессе становления города. Мы хотим лишь подчеркнуть, что религиозные идеи оказывали влияние на форму, в которую «отливался» этот процесс.

⁴⁰⁹ Мы, в основном, принимаем ту периодизацию, которой пользовались участники экспедиции, однако, считаем необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что в их схеме отсутствует юечжийский период, что вступает в противоречие со схемами, принятыми при анализе материалов Северной Бактрии.

⁴¹⁰ Кошеленко, Гаيبов 2013.

Рис. 17.
Дильберджин.
Фрагмент росписи северо-восточного
комплекса (копия В.П. Бурого)

Квадрат городских укреплений Дильберджина, по всей видимости, представляет собой результат влияния греческой практики эллинистического времени. В то же самое время это влияние нельзя переоценивать - в Джагат-тепе явно жили и греки (как показывает найденная там надгробная надпись), но город сохранил традиционную планировочную схему.

Полученные экспедицией материалы позволяют в определенной степени судить о функциях города в обществе. Насколько мы можем судить, кушанский город являлся своего рода центром ремесленного производства, однако, как правило, оно сосредотачивалось в пригородных зонах, что и естественно. Город как центр обмена характеризуется обилием монетных находок, особенно мелких номиналов. С другой стороны, административная функция города в наличных материалах, кажется, не представлена. Город как идеологический центр выявлен, прежде всего, на материалах Дильберджина. Конечно, это не означает, что в более мелких городских центрах отсутствовали здания сакрального назначения. Отсутствие их среди сооружений, обнаруженных на Емши-тепе и Джагат-тепе, - явная случайность. Своеобразие религиозной архитектуры Дильберджина отражает, с одной стороны, сложность религиозной ситуации в стране и наличие определенной динамики в ее развитии, а с другой стороны совершенно определенно говорит о том, что современные идеи о развитии религиозной архитектуры в Центральной Азии античной эпохи⁴¹ не выглядят сколько-нибудь убедительными и нуждаются в коренном пересмотре.

Необходимо также, кажется, поставить новый вопрос, который прежде не ставился в применении к этому региону. Мы имеем в виду существование в Центральной Азии храмовых образований, имеющих практически государственный статус, и широко известных в более западных регионах древнего мира⁴¹². Не входя сейчас в рассмотрение

⁴¹ (Зарю 1992. Р. 103-124; Рапен 1994. С. 128-139.

⁴² См., например, Периханян 1959.

Рис. 18.
Дильберджин.
Голова богини.
Фрагмент росписи северо-восточного
комплекса (по: Кругликова 1976)

этой проблемы, мы только отметим два факта, которые говорят в пользу этой гипотезы. Во-первых, факт существования такого памятника, как Тахти-Сангин, где храм являлся главным, системообразующим элементом городской структуры. Вся жизнь города, насколько об этом можно судить по археологическим материалам, сконцентрирована вокруг храма. С другой стороны, имеется любопытнейшее свидетельство Ибн ал-Факиха о статусе главного жреца храма Наубехар (возле Бал-ха). В нем говорится о почете, который ему оказывали «цари Индии и Китая, Кабул-шах и другие цари». Эти цари отдали Бармеку (наследственное имя главного жреца) «землю, которая вокруг Наубехара - 7 фарсахов на 7 фарсахов; все жители этой волости были его рабами, которыми он распоряжался, как хотел. Они [цари] пожертвовали храму многочисленные вакфы и большие поместья, помимо даров, которые приносились туда, а они переходили всякий предел; все доходы эти направлялись Бармеку, который правил им [Наубехаром]»⁴¹³.

Завершая данный очерк, мы можем подчеркнуть, что материалы, полученные Советско-Афганской экспедицией, весьма ценны, и мы надеемся, что специалисты впоследствии будут обращаться к ним.

ЛИТЕРАТУРА

Вайнберг Б.И., Кругликова И.Т. Монетные находки из раскопок Дильберджина // Древняя Бактрия. [Вып. 1]. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции 1969 - 1973 гг. М. 1976. С.172-182.

Вайнберг Б.И., Кругликова И.Т. Монетные находки из раскопок Дильберджина (II) // Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М. 1984. С. 125-140.

Долгоруков В.С. Оборонительные сооружения Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции М. 1984. С. 58-92.

^{4.3} Ибн ал-Факих. Извлечения из «Китаб-наубар-ал-булдан» (Перевод С. Волина) // МИТТ. Т. I. С. 151-152.

- Кошеленко Г.А., Гаилов В.А. «Круглые города» Центральной Азии // КСИА. 230. 2013. С. 196-209.
- Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М., Гаилов В.А. Советско-Афганская археологическая экспедиция: два юбилея // РА. № 4. 2010. С. 149-158.
- Кругликова И.Т. Городище Емши-тепе в северном Афганистане // КСИА. 136. 1973. С. 104-112.
- Кругликова И.Т. Дильберджин. (Раскопки 1970-1972 гг.). Часть I. М. 1974.
- Кругликова И.Т. Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 2. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М. 1979. С. 120-145.
- Кругликова И.Т. Дильберджин - кушанский город в Северном Афганистане // Археология Старого и Нового света. М. 1982. С. 153-175.
- Кругликова И.Т. Буллы из Джига-тепе // Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М. 1984. С. 141-150.
- Кругликова И.Т. Дильберджин. Храм Диоскуров. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М. 1986.
- Кругликова И.Т. Раскопки западного храма в Дильберджине (Афганистан) в 1974-1977 гг. // ПИФК. Вып. VII. 1999. С. 1-60.
- Кругликова И.Т. Цитадель Дильберджина // ПИФК. Вып. X. 2001. С. 312-413.
- Кругликова И.Т. Джагат-тепе // ПИФК. Вып. XIV. 2004. С. 479-561.
- Кругликова И.Т. Разведки археологических памятников, проводившиеся сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) на северо-западе Афганистана в 1969-1978 гг. // ПИФК. Вып. XV. 2005. С. 309-437.
- Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. Дильберджин (раскопки 1970-1973 гг.). Часть 2. М. 1977.
- Кругликова И.Т., Сарияниди В.И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий // СА. № 4. 1971. С. 162-167.
- Лекую Г. Ай Ханум. Жилищное строительство // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Материалы Советско-французского коллоквиума. Самарканд. 1986. Ташкент. 1987. С. 59-67.
- Лившиц В.А., Кругликова И. Т., Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 2. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М. 1979. С. 98-112.
- Литвинский Б.А. Древний среднеазиатский город (Местные традиции и иноземные модели). // Древний Восток. Города и торговля. Ереван. 1973. С. 29-33.
- Литвинский Б.А. Кушанский город в Средней Азии и Индии // Народы Азии и Африки. № 3. 1979. С. 33-44.
- Литвинский Б. А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в древней Бактрии // ВДИ. 4. 1985. С. 84-110.
- Периханян А.Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н.э. - III в. н.э.). М. 1959.
- Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе // Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М. 1984. С. 112-124.
- Пугаченкова Г.А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг. М. 1976. С. 125-162.
- Пугаченкова Г.А. Геракл в Бактрии // ВДИ. № 2. 1977. С. 73-92.
- Пугаченкова Г.А. Джига-тепе (раскопки 1974 г.) // Древняя Бактрия. Вып. 2. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М. 1979. С. 63-94.
- Пугаченкова Г.А. Раскопки южных городских ворот Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции М. 1984. С. 93-111.
- Рапен К. Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма (состояние вопроса) // ВДИ. № 4. 1994. С. 128-139.
- Соколовский В.М. Реконструкция двух скульптурных изображений из Дильберджина (раскоп X) // Древняя Бактрия. Вып. 2. Материалы Советско-Афганской

археологической экспедиции. М. 1979. С. 113-119.

Ball W. Avec ^collaboration de J.-C. Gardin. *Archaeological Gazetter of Afghanistan. Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan*. T. I-II. Paris. 1982.

Bernard P. Langue et épigraphie grecques dans l'Asie Centrale à l'époque hellénistique // *Greek Archeology without Frontiers*. Athènes. 2002. P. 75-108.

Bernard P. La mission d'Alfred Foucher en Afghanistan // *CRAI*. 2007. P. 1797-1845.

Bernard P. Alfred Foucher archéologue: les fouilles de la Délégation archéologique française en Afghanistan à Bactres (1923-1925) // *Bouddhisme d'Asie. Monuments et literatures. Journée d'étude en hommage à Alfred Foucher (1865-1952) réunie le 14 décembre 2007 à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (palais de l'Institut de France)*. Recueil édité par P.-S. Filliozat et J. Leclant. Paris. 2009. P. 153-209.

Carl J. 1959. Fouilles dans la site de Shahr-i-Banu et sondages au Zaker-Tépé // Hackin J., Carl J., Meunié J. *Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933-1940) / Avec les études de R. Ghirshman et J.-C. Gardin*. Paris. 1959. (MDAFA. T. VIII). P. 59-91.

Fischer K. Gandharan sculpture from Kunduz and environs // *Artibus Asiae*. T. 21. 1958. P. 231-249.

Fischer K. Preliminary remarks on archeological survey in Afghanistan // *Zentralasiatische Studien*. Vol. 3. Wiesbaden. 1969. P. 327-406;

Fitzsimmons! Chronological Problems at the Temple Of the Dioscuri, Dil'berdžinTepe (North Afghanistan) // *East and West*. Vol. 46. № 3-4. 1996. P. 271-298.

Foucher A. La vieille route d'Inde de Bactre à Taxila. Vol. I. (MDAFA, T. I). Paris. 1942.

Gardin J.-C. Céramique de Bactres (MDAFA. T. XV). Paris. 1957.

Hackin J. Fouilles de Kunduz // MDAFA. T. VIII. Paris. 1959. P. 19-21

Krouglikova I.T. Les fouilles de la mission archéologique soviéto-afghane sur le site gréco-kushane de Dilberjin en Bactriane // *CRAI*. 1977. P. 407-427.

Litvinsky B.A. Cities and urban life in the Kushan Kingdom // *History of civilizations of Central Asia*. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations; 700 B.C. to A.D. 250 / Ed. J. Harmatta, R.N. Puri and G.F. Ettemadi. Paris. 1994. P. 291-312.

Mac Dowall D.W., Taddei M. *The Pre-Muslim Period // The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period*. Edited by F.R. Allchin and N. Hammond. London-New York-San Francisco. 1978. P. 255-299.

Mizuno S. *DurmenTepe and Lama*. Kyoto. 1968.

Rapin C. Les sanctuaires de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique: état de la question // *Études de lettres (Revue de la Faculté des lettres de l'Université de Lausanne)*. Octobre - décembre. 1992. P. 103-124.

Schlumberger D. La prospection archéologique de Bactres (printemps 1947). *Rapport sommaire // Syria*. T. XXVI, fasc. 3-4. 1949. P. 173-190.

Schlumberger D. La Délégation archéologique française à Bactres (1947) // MDAFA. T. XV. Paris. 1957. P. 9-13.

Schlumberger D., Le Berre M., 1964. Observations sur les remparts de Bactres // Dagens B., Le Berre M., Schlumberger D. *Monuments préislamiques d'Afghanistan*. (MDAFA. T. XIX). Paris. 1964. P. 61-104.

Young R. The South Wall at Balkh-Bactra // *AJA*. T. 59. № 4. 1955. P. 267-276.

Глава VII.

НЕКРОПОЛЬ ТИЛЛЯ-ТЕПЕ:

ИНДИЙСКАЯ УНИКАЛЬНАЯ МОНЕТА^{44 1}

Зимой 1978-1979 гг. сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции в ходе исследований известного некрополя Тилля-тепе (северный Афганистан, близ города Шиберган) в различных погребениях было обнаружено несколько монет. Эти монеты стали объектом специальной публикации⁴¹⁵. Позднее расширенный вариант статьи был опубликован на французском языке⁴¹⁶. Все монеты представляют значительный интерес со многих точек зрения, но некоторые из них требуют повышенного внимания, являясь уникальными. Такой уникальной монетой посчитали авторы публикации этих монетных находок и артефакт, который был определен как золотая монета (№ 5), найденная в погребении № 4⁴¹⁷ (Рис. 1).

Обращение в данном разделе еще раз к этой находке определяется несколькими причинами. Прежде всего, в настоящее время несколько иным выглядит общий хронологический контекст некрополя. В. Шильц показала⁴¹⁶, что все погребения были выполнены одновременно: центральная могила, являвшаяся местом нахождения тела умершего вождя, была окружена могилами, куда были помещены тела всех женщин его гарема. В силу этого подход к анализу нумизматического материала должен быть иным, нежели ранее. Монеты, найденные в некрополе, могут рассматриваться как своеобразный клад короткого накопления, представляющий собой «срез» монетного обращения в данном регионе в конкретный отрезок времени.

При первой публикации монеты было дано следующее ее описание. Вес монеты - 4, 33 гр. Лицевая сторона: обнаженная (?) мужская фигура стоит, опираясь на «колесо дхармы» (с восемью спицами). Легенда (кхарошти, пракрит): $\text{c1}\bar{\text{b}}\text{a}\text{t}\bar{\text{a}}\text{s}\bar{\text{a}}\text{g}\bar{\text{a}}\text{r}\bar{\text{s}}\bar{\text{a}}\text{1}\bar{\text{a}}\text{p}\bar{\text{a}}$ (санскр. $\text{b1}\bar{\text{p}}\bar{\text{a}}\text{t}\bar{\text{a}}\text{s}\bar{\text{a}}\text{1}\bar{\text{c}}\bar{\text{a}}\text{r}\bar{\text{g}}\bar{\text{a}}\text{y}\bar{\text{a}}\text{1}\bar{\text{a}}\text{p}\bar{\text{a}}$ - «поворот колеса дхармы» (возможно, вместо «кга» и «рга», следует читать «ка» и «ра», то есть не санскритские, а пракритские формы)⁴¹⁹. Обратная сторона: лев, стоящий влево, одна из передних лап поднята. Перед ним знак «пандипада» (круг, увенчанный трезубцем). Легенда: $\text{z}\bar{\text{f}}\bar{\text{a}}\text{u}\bar{\text{d}}\bar{\text{a}}\text{s1}\bar{\text{a}}\bar{\text{b}}\bar{\text{b}}\bar{\text{a}}\text{y}\bar{\text{a}}$ (санскр. $\text{81t1}\bar{\text{p}}\bar{\text{a}}\text{u}\bar{\text{d}}\bar{\text{a}}\text{1}\bar{\text{a}}\text{b1}\bar{\text{a}}\text{y}\bar{\text{a}}$) - «бесстрашный лев», то есть «как лев бесстрашный».

Хотя авторы классифицировали данный предмет как монету, они вместе с тем указали, что ни одной прямой аналогии в работах по древнеиндийской нумизматике ему найти невозможно⁴²⁰. Они отмечали также, что изображение льва на этом предмете очень близко тем изображениям, которые достаточно часто встречаются на местных индийских монетах (в частности, происходящих с монетного двора Таксилы), а также на монетах греко-индийских и сакских царей. Самая близкая

⁴¹⁴ Первый вариант был опубликован в: Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. 2011.

⁴¹⁵ Сарианиди, Кошеленко 1982, 307-318.

⁴¹⁶ Koshelenko, Sarianidi 1992, 21-32. Отметим, что все авторы, писавшие об этой монете, почему-то использовали только ранний вариант статьи и не привлекали второй, более точный и полный вариант.

⁴¹⁷ Фотографии и краткое описание этой монеты были даны и в итоговой публикации В. Сарианиди (Sarianidi, 1985, 36, 250; pi. 131-132).

⁴¹⁸ ^Afghanistan 2007, 280.

⁴¹⁹ Все чтения и переводы легенд, а также палеографические наблюдения принадлежат В.В. Вертоградовой и А.А. Вигасину. См. также Вигасин 2007, 158-159.

⁴²⁰ Авторы ссылаются на следующие работы: (Cunningham 1891; Rapson 1898; Smith 1906; Allan 1936; Jenkins, Narain 1957; Maity 1970; Bhattacharyya 1971).

Рис. 1.

Тилля-тепе. Золотая монета
(аверс и реверс)

аналогия - серебряная монета, происходящая из Северной Индии и датируемая I в. до н.э.⁴²¹. На ее лицевой стороне имеется изображение льва вправо и буддийского символа «пандипада» над ним. На оборотной стороне - «колесо дхармы». Легенда (на лицевой стороне на брахми, на оборотной - на кхароштки): *vrñi rāja jhaganasya bhubharasya*⁴²².

Естественно, что подобная находка вызвала значительный интерес специалистов. При этом самый первый отклик появился еще до того, как монеты некрополя стали объектом отдельной публикации. Известный индийский специалист по древней истории Б.Н. Мукерджи, основываясь на данных, извлеченных из кратких информационно-популярных статей В.И. Сарияниди⁴²³, предложил свое понимание данного объекта⁴²⁴. Он, прежде всего, утверждал, что данный артефакт безусловно является монетой, выпущенной одним из кочевнических правителей, создавшим свое государство на руинах греко-бактрийского и индо-греческого царств. Приводилась и достаточно определенная датировка (на основании палеографии надписей): конец I в. до н.э. - начало I в. н.э. Фигуру с колесом дхармы он определял как синкретический образ - возможно, Кришны-Геракла. Б.Н. Мукерджи также предложил и свое чтение легенд, полностью отличное от того, что было предложено В.В. Вертоградовой и А.А. Вигасиным. В частности, он видел там и имя царя.

Почти немедленно откликнулся на данную находку и Ж. Фуссман⁴²⁵. Он предполагал, что фигура на аверсе представлена бородатой и одетой в прозрачное одеяние, ниспадающее до колен. Легенда лицевой стороны читается им следующим образом: *dharmacakrapravata[ko?]*. Легенда же оборотной стороны - *Siḥ[o?] vigatabhayfo?*. Его чтения практически не отличаются от чтений В.В. Вертоградовой и А.А. Вигасина, но трактовка их несколько иная. В частности, легенда лицевой стороны переводится им как «тот, кто привел в движение колесо дхармы». Таким образом, надпись расшифровывает сцену, представленную на лицевой стороне и прямо указывает, что здесь изображен Будда. Надпись оборотной стороны им переводится следующим образом: «лев, который изгнал страх» - то есть прямая аллюзия на Будду, которого очень часто определяли, как «льва Шакьев». Ж. Фуссман придает

⁴²¹ Cunningham 1891, pi., IV, 15; Allan 1936, pi., XVI, 5.

⁴²² Чтение А. Каннингэма, ставится под сомнение Дж. Алланом.

⁴²³ Sarlanidi 1979, 29-32; Sarianidi 1980, 31-41.

⁴²⁴ Mukherjee 1981, 41-45.

⁴²⁵ Fussman 1982, 155-169.

особое значение тому обстоятельству, что обе надписи даны в именительном падеже, что отличает их от монетных легенд, которые всегда представлены в родительном падеже⁴²⁶. Соответственно, он считает, что данный предмет не может быть собственно монетой. Скорее всего, это - жетон, который индийцы называли «храмовой монетой» и который вручался самым щедрым донаторам⁴²⁷. В таком случае на обе стороны диска наносились оттиски двух печатей. По палеографическим признакам Ж. Фуссман датирует данный артефакт периодом ок. 50 г. до н.э. - 50 г. н.э. Местом производства, по его мнению, вероятнее всего являлась северо-западная Индия, и создавал его индо-греческий гравер. Наконец, самое важное, с нашей точки зрения - на данном предмете, как указал Ж. Фуссман, впервые представлен образ Будды в антропоморфной форме. При этом автор указывает, что, по его мнению, должно было пройти примерно 50 лет между появлением монументальной статуи и ее воспроизведением в «малых формах», например, на монете, или жетоне, то есть таких предметах, как данный.

Несколько позднее к этому же сюжету обратился Д.В. Мак Доуэлл⁴²⁸. Основной задачей его исследования было проследить процесс проникновения буддийских идей в монетный чекан региона в хронологический промежуток от греко-бактрийских правителей до кушанских царей. В связи с этим он проводит «ревизию» всех изображений, которые ранее определялись как изображения Будды на ранних монетах и исключает из этого списка все (Азеса II, Мауеса, Куджулы Кадфиза), предшествующие известному чекану Канишки, в котором представлены золотые и бронзовые монеты, имеющие надпись «Будда». Необходимо, однако, подчеркнуть, что эта точка зрения сейчас господствует в литературе⁴²⁹. Д.В. Мак Доуэлл не повторяет идею Ж. Фуссмана относительно жетона, предпочитая называть этот предмет медальоном. Его он специально рассматривает потому, что, с точки зрения иконографии, он очень близок монетам. Во всех значащих моментах он строго следует Ж. Фуссману, хотя создается впечатление, что он не совсем правильно понимает чтение легенд, предложенное французским исследователем. Опираясь на палеографические наблюдения Ж. Фуссмана, Д.В. Мак Доуэлл также датирует медальон периодом от 50 г. до н.э. вплоть до 50 г. н.э., отмечая вместе с тем, что даже при таком уточнении очень трудно решить с каким из правителей, правивших в это время, можно связать данный медальон, так как в рамках этого периода существовала династия Аза, индо-парфяне и ранние кушаны. Видимо, в связи с этим в таблице, завершающей его статью, где представлены итоги его исследования, этот медальон отсутствует.

На этом, насколько нам известно, закончился ранний этап дискуссии по поводу данной находки, о чем нельзя не сожалеть. Уже в очень обстоятельных статьях Дж. Крибба⁴³⁰, в которых рассматриваются не только монеты, но и произведения искусства, связанные с проблемой происхождения антропоморфного образа Будды, монета (медальон) из Тилля-тепе полностью игнорируется. То же самое можно сказать и по поводу очень интересной книги Л. Неру⁴³¹, в которой детально исследуется

⁴²⁶ Данное утверждение не кажется убедительным, поскольку некоторые выпуски практически одновременных монет (например, монеты царя «Великого Спасителя») имеют легенды в именительном падеже.

⁴²⁷ Эта идея была высказана Ж. Фуссманом впервые (в его рецензии на книгу Mukerjee B.N. *Nana on Lion. Calcutta, 1969* - *Bulletin de l'cole Française d'Extrême Orient*. T. LVIII, 1971. P. 299-302) в отношении известной «монеты», на одной стороне которой имелось изображение быка с двумя надписями (греческой - ΤΑΤΣΡΟΙ и кхароштии "usabha" - то есть «бык»), а на другой - изображение женской фигуры, сопровождаемое надписью на кхароштии "Pukhalavatldevada" («божество Пушалавати»). Пушалавати - Певкапаотис - современная Чарсада близ Пешавара.

⁴²⁸ Mac Dowall 1987, 179-190.

⁴²⁹ См. Fussman 1982, 155-169; Cribb 1984, 44-53; 1985, 59-87.

⁴³⁰ Cribb 1984, 44-53; 1985, 59-87.

⁴³¹ «Nehru 1989.

процесс становления гандхарской скульптурной школы, - данный артефакт в ней также не упоминается. Интерес к нему сохранял только Ж. Фуссман, который в статье, опубликованной в 1987 г., развивал и уточнял свои идеи. Его окончательная датировка предмета - 50-1 гг. до н.э.⁴³².

Такое невнимание совершенно не понятно, поскольку мы имеем дело с одним из ключевых артефактов в ряде дискуссионных проблем истории искусства и культуры центральноазиатского региона, которые не могут считаться решенными.

Некоторый интерес к объекту вновь появился только в самое последнее время, что было связано с выставками произведений древнего искусства Афганистана из собрания Кабульского музея (главным образом на них представлены находки из раскопок Тилля-тепе), которые путешествуют по Европе и Америке. Естественно, что в «Каталогах» этих выставок упоминается и данный предмет. Как правило, эти описания достаточно краткие. Среди таких описаний, на наш взгляд, наиболее важное принадлежит В. Шильц⁴³³. Она называет этот предмет медалью, датирует его последней четвертью I в. до н.э.,⁴³⁴ соглашаясь с Ж. Фуссманом относительно одежды персонажа, представленного на аверсе. Важным кажется и ее поддержка точки зрения Ж. Фуссмана относительно того, что здесь представлено древнейшее изображение Будды в антропоморфной форме, относящееся к тому периоду, когда еще не установлен канон. В это же время данный вывод Ж. Фуссмана поддержал и М. Таддеи⁴³⁵, а также Р. Л. Браун, который доказывал, что помимо двух канонических поз, в которых изображался Шакьямуни (стоящий и сидящий), существовала и третья, в которой он был представлен идущим⁴³⁶.

Решительно против мнения Ж. Фуссмана выступил японский ученый К. Танабе⁴³⁷. Однако его построения кажутся весьма произвольными, и мы не склонны придавать им большого значения⁴³⁸.

В отечественной науке интерес к данному артефакту первоначально проявил только Т.К. Мкртычев⁴³⁹. Предположения Е.В. Зеймала⁴⁴⁰ по поводу данного предмета, кажется, не заслуживают серьезного рассмотрения⁴⁴¹. В настоящее время большую и очень интересную статью по данному сюжету подготовил А.А. Вигасин. Хотя не со всеми его выводами мы согласны, мы считаем невозможным вести полемику до момента публикации статьи этого авторитетного исследователя.

Подводя некоторые итоги этому краткому историографическому обзору, попытаемся сформулировать те выводы, которые проистекают из рассмотрения данного предмета специалистами. К сожалению, невозможно дать точное определение данному артефакту: с равным основанием его можно определить и как монету (что кажется предпочтительным), и как медаль. Чтение легенды, предложенное тремя специалистами (А.А. Вигасиным, В.В. Вертоградовой и Ж. Фуссманом), конечно предпочтительнее, чем иные. Интерпретация легенды Ж. Фуссманом представляется более адекватной, поскольку в данном случае хорошо согласуются легенды и изображения на обеих сторонах.

⁴³²Fussman 1987. 71-73. 84.

⁴³³Afghanistan 2007.280.

⁴³⁴ Отметим, что в печатном «Каталоге» дата указана следующим образом: «вторая четверть I в.», но в подаренном В. Шильц одному из авторов данной главы экземпляре ее рукой красными чернилами сделана поправка - «последняя четверть I в. до н.э.».

⁴³⁵Taddei 1999. 5-6.

⁴³⁶Brown 2000. 77-87.

⁴³⁷ Tanabe 2008, P. 33-45. Авторы приносят глубокую благодарность А.А. Вигасину, ознакомившему нас с данной статьей.

«Для того чтобы подкрепить свои выводы, он предлагает собственное прочтение легенд. Не будучи специалистами в этой области знаний, мы не можем оценивать точность его переводов. Отметим только, что три специалиста мирового класса единодушны в понимании этих текстов и поэтому мы предпочитаем устоявшееся мнение, а не вывод, проистекающий из желания во что бы то ни стало опровергнуть мнение коллег. Некоторые его утверждения поражают. Так в сцене поворота колеса он видит изображение «идеи будущего движения» (!). Изобразительные сюжеты, привлекаемые им, также не кажутся очень убедительными. Тот факт, что в чекане ряда царей присутствуют образы Зевса или Геракла, еще не доказывает, что одно из этих божеств представлено на данном артефакте. Иногда его выбор сюжетов просто поражает. Какое отношение, например, имеет к данному сюжету сцена инвеституры сасанидского царя в Накш-и Рустаме?»

⁴³⁸Мкртычев 2002.16.

⁴³⁹Zeymal 1999. 243.

⁴⁴⁰Tanabe 2008, P. 34.

На лицевой стороне наличествует изображение человека в прозрачных одеждах, который с заметным усилием поворачивает колесо. Надпись («тот, кто привел в движение колесо дхармы») прямо указывает на то, что здесь представлено не просто колесо, но колесо дхармы и, соответственно, человек, совершающий этот поворот, - Будда. Согласно буддийской традиции, после своего «просветления» Будда произнес первую проповедь в окрестностях города Варанаси. Это событие буддисты называли «поворотом колеса дхармы», что означало начало царства праведности, начало нового периода в существовании вселенной⁴⁴².

Таким образом, на данном артефакте представлены два изображения Будды: в виде символа (льва) и в антропоморфной форме. Что касается датировки, то более приемлемой в настоящее время представляется более широкая: от 50 г. до н.э. вплоть до 50 г. н.э., хотя, конечно, вполне возможно, что более узкая дата, предложенная В. Шильц, справедлива. По всей видимости, тот образ Будды, который представлен на аверсе, является древнейшим из известных в настоящее время примеров антропоморфного изображения Будды.

Общеизвестно, что первоначально буддийское искусство воспроизводило Будду исключительно с помощью символов⁴⁴³, только относительно поздно антропоморфное его воспроизведение стало допустимым, а затем и повсеместно распространенным⁴⁴⁴. Проблема становления этого образа имеет уже огромную литературу. Не претендуя на обстоятельность, отметим эти проблемы самым кратким образом, оставаясь в пределах, в сущности, лишь археологического подхода, и не касаясь вопроса о доктринальной позиции, выработанной в сангхе. Видимо, справедливо мнение тех исследователей, которые считают, что долгое отсутствие антропоморфных изображений Будды - результат прямого запрета⁴⁴⁵. Точно также появление подобных изображений связано с определенными концептуальными нововведениями, появляющимися в различных течениях буддийского вероучения⁴⁴⁶.

Проблема появления антропоморфного образа Будды теснейшим образом связана с другой проблемой - западного (античного) вклада в процесс развития искусства в Индии в древности. Кроме того, она прочно связана и с проблемой роли двух важнейших скульптурных школ того времени: Гандхары и Матхуры. В конце XIX - начале XX вв. искусство Гандхары понималось, прежде всего, как греко-буддийское. Соответственно, считалось, что антропоморфный образ Будды впервые создавался именно здесь и под греческим влиянием. Предполагалось, что прообразом для Будды стал образ Аполлона⁴⁴⁷. Этот греческий вклад был естественным результатом массового присутствия в этом регионе греков, оказавшихся здесь после походов Александра Македонского. Как известно, кочевническое завоевание греческого царства в Бактрии привело к миграции греков на территорию северо-западной части Индийского субконтинента.

Однако уже и в этот период некоторые исследователи стремились доказать, что античный вклад в искусство Индии и, в частности, в гандхарскую школу, приходил не от греков, а от римлян. Поскольку в это

⁴⁴² Бонгард-Левин, Ильин 1985,342; Бонгард-Левин 2007,161 ; Кочетов 1983,11 ; Торчинов 2000,13.

⁴⁴³ Одно из объяснений этого см. Gupta 1981,134-139.

⁴⁴⁴ Впрочем, необходимо указать на некоторые исследования (см., например, Huntington 1985, 23-58), построенные практически только на анализе буддийской письменной традиции, которая говорит о много более раннем появлении его антропоморфных изображений.

⁴⁴⁵ Sharma 1984,145.

⁴⁴⁶ Krishan 1964, 61-70; Myer 1986, 107-142; Schopen 1988-1989,153-160.

⁴⁴⁷ Grünwedel 1900; Foucher 1913, 231-272.

время были установлены факты достаточно тесных торговых связей между Римской империей и древней Индией, то для некоторых исследователей источником античных элементов в искусстве Гандхары стали произведения римского провинциального искусства, поступавшие по торговым путям, или даже созданные странствующими мастерами, прибывшими из пределов Римской империи и осевшими в Индии. Создателем этой концепции стал В. Смит⁴⁴⁸. В соответствии со своей конструкцией он относил первоначально начало процветания школы Гандхары к периоду, начиная примерно с 200 г. н.э., а период упадка - к 350-450 гг. Позднее он сдвинул на столетие начало школы, отнеся его примерно к 100 г. н.э.⁴⁴⁹. Неудачные попытки А. Фуше найти греческие слои в Бактрах - столице Греко-Бактрии - усилили позиции сторонников данной концепции. Позднее замечательные открытия Французской экспедиции в Беграме, где было найдено значительное число художественных предметов, ввезенных из Средиземноморья, еще более усилили аргументацию сторонников этой концепции. Ее активно поддерживал Х. Бахтэл. Очень активным пропагандистом этой системы взглядов был Б. Роуланд⁴⁵⁰, ее также поддерживали А. Сопер⁴⁵², Х. Ингхольт⁴⁵³, наконец, Х. Аккерман⁴⁵⁴. Кажется, в наиболее отчетливом и законченном виде эту концепцию сформулировал М. Уилер⁴⁵⁵.

Однако бактрийская неудача способствовала еще одному «надрыву» старой системы взглядов. Отрицание роли греков в развитии искусства данного региона в целом привело к отрицанию их роли и в отдельно взятом, конкретном аспекте процесса. Результатом этого стало противопоставление двух ведущих школ: Гандхары и Матхуры. Именно Матхура стала считаться той скульптурной школой, где впервые возник антропоморфный образ Будды. При этом создатели данной концепции подчеркивали, что антропоморфный образ Будды должен был появиться впервые именно на «национальной почве», то есть в Матхуре⁴⁵⁶. Концепция А. Кумарасвами первоначально имела, кажется, чисто декларативное оформление, будучи лишена серьезной доказательной базы⁴⁵⁷. Однако, вскоре такая база была создана, главным образом благодаря исследованиям таких ученых, как Лохвизен де Леев⁴⁵⁸. В последние десятилетия особенно активно данную концепцию развивает и защищает Р.С. Шарма⁴⁵⁹. По мнению исследователей, придерживающихся данной концепции, антропоморфное изображение Будды появилось в Матхуре на столетие (или, в крайнем случае, полстолетия) раньше, чем в Гандхаре, то есть в конце первого века до н.э. - начале первого века н.э.⁴⁶⁰, или в первой половине первого века н.э.⁴⁶¹ Прообразом для статуй стоящего Будды, по их мнению, были изображения Якш, а образ сидящего Будды был заимствован из репертуара джайнского искусства⁴⁶². Подобные взгляды сейчас достаточно широко распространены⁴⁶³. В литературе присутствует и несколько видоизмененная концепция: антропоморфный образ Будды возникает в Матхуре, но в Гандхаре практически немедленно принимают это «изобретение», и тут же перерабатывают его в эллинистическом духе⁴⁶⁴.

⁴⁴⁸ Smith 1889. 107-198; 1889a, 209-215; 1893, 50-76; 1903,1-64;1906; 1930.

⁴⁴⁹ Smith 1911,52-53.

⁴⁵⁰ Buchthal 1943, 137-148; 1944, 21-32; 1945,151-176; 1945a. 66-73.

⁴⁵¹ Rowland 1942. 445-448; 1945, 223-236; 1946, 44-47; 1949, 1-10; 1958, 8-17; 1958a, 199-208;1961,6-12; 1963.

⁴⁵²Soper 1951,301-319.

⁴⁵³ Ingholt 1954; 1957.

⁴⁵⁴ Ackermann 1975.

⁴⁵⁵ Wheeler 1955,141-214.

⁴⁵⁶ Coomaraswamy 1926,165-170; Coomaraswamy 1927,1-43; Agrawala 1932,7-10.

⁴⁵⁷ Sharma 1970, 16. Отметим в связи с этим, что в это время высказывались достаточно экстравагантные мнения. Например В.С. Агравала (Agrawala 1932, 7-8) считал, что расцвет матхурской школы приходится на время владычества здесь царей кушанской династии (примерно 1 г. н.э. до 178 г. н.э.), при этом антропоморфное изображение Будды появилось при Канишке, который был третьим царем династии (после Кадфиза I и Кадфиза II).

⁴⁵⁸ Van Lohuizen - de Leeuw 1949; Joshi 1966, 25-26; Van Lohuizen - de Leeuw 1981, 377-400. Любопытна его система аргументации. Матхура являлась важнейшим центром инноваций в искусстве индуизма и джайнизма. Следовательно, есть все основания думать, что таковую же роль Матхура сыграла и в буддийском искусстве (Van Lohuizen - de Leeuw 1972,27-43).

⁴⁵⁹ Sharma 1984.

⁴⁶⁰ Sharma 1984,150-167.

⁴⁶¹ Вертоградова 1975,331.

⁴⁶² Sharma 1970,19-20, 23-25.

⁴⁶³ Сидорова 1972,48-50.

⁴⁶⁴ Cribb 1985, 59-87.

Рис. 2.
Рельеф из столицы Гандхары -
Таксилы

В современных исследованиях высказывается мнение, что в Матхуре древнейшие антропоморфные изображения Будды были созданы еще до перехода этой области под власть кушан. Опираясь на эпиграфические памятники, исследованные Х. Людерсом, П. Миер указывает на существование нескольких несохранившихся (известных только по надписям) памятников, воспроизводивших Будду в период власти кшатрапов⁴⁶⁵, некоторые исследователи уточняют - древнейшее воспроизведение появилось при махакшатрапе Содаше приблизительно в 15 г. н.э.⁴⁶⁶. Б.Н. Мукерджи несколько сдвигает время - он говорит о времени царя Сенаварма (область Оди), современнике и вассале кушанского царя Куджулы Кадфиза⁴⁶⁷. При этом часто указывается, что все ранние изображения Будды носят «экспериментальный» характер, то есть достаточно сильно отличаются от канонических изображений, характерных для кушанской эпохи и более позднего времени,

В связи с данной проблемой необходимо указать на поразительную несогласованность в рамках единой концепции политической и художественной истории Матхуры. Наиболее отчетливо эта несогласованность заметна у Р.С. Шармы. К началу I в. до н.э. он относит появление

⁴⁶⁵ Myer 1986,11.

⁴⁶⁶ Quintanilla 2007, 249. Близкие, но -е идентичные взгляды высказывал и Х. Хертель (Härtel 1985, 653-678).

⁴⁶⁷ Mukerjee 1983.113-115.

в Матхуре правителей династии Митра: Гомитра, Сурьямитра, Вишну-митра, затем правит следующая династия - Пурушадатта, Уттамадатта, Бхавадатта, Камадатта, Рамадатта, Шешадатта и т.д., в середине I в. до н.э. здесь появляются скифо-парфяне (также несколько правителей), наконец, власть кушан устанавливается в Матхуре при Виме Кадфизе, правление которого Шарма относит к середине I в. н.э.⁴⁶⁸.

В последние десятилетия, однако, «маятник» качнулся в обратную сторону. Проблема становления скульптурной школы Гандхары приобрела достаточно твердый и надежный фундамент. Греческие элементы в процессе ее становления перестали быть мифом или абстракцией и приобрели черты твердой реальности. Первый шаг был сделан Д. Шлюмберже, который на базе результатов раскопок в Сурх-Котале вновь поставил вопрос о греческом наследии в искусстве Центральной Азии⁴⁶⁹. В дальнейшем открытие Французской археологической делегацией (под руководством П. Бернара) подлинно греческого города в Центральной Азии - городища Ай Ханум - сняло все вопросы относительно роли греческого компонента в процессе эволюции культуры и искусства данного региона в античную эпоху. Значимость этих открытий

Рис. 3.
Рельеф из Гандхары
(музей Пешавара)

⁴⁶⁸ Бьатта 1984, 23-27. Современные представления о хронологии см. Аграт 1999, 19-48; Спль 1999, 177-206.

⁴⁶⁹ ССИИттьегдег 1970.

Рис. 4.
Рельеф из долины Свата
(музей Виктории и Альберта, Лондон)

⁴⁷⁰ См., например, Rowland 1975, 320-322.

⁷⁷¹ Fussman 1985. P. 43-45. Датировка основывалась на некоторых особенностях написания ряда знаков, которые показывают, что надпись (и, соответственно, статуя) не могут быть датированы временем более поздним, чем царствование Вимы Кадфиза. А оно определяется Ж. Фуссманом исходя из 78 г. как начального года царствования Канишки I.

⁷⁷² Fussman 1988. Естественно, что попытки утверждать, что скульптурный образ Будды появился уже в эпоху Маурьев (Huntington 1985) встречают со стороны Ж. Фуссмана (Fussman 1987, 373) решительное осуждение.

была столь велика, что даже некоторые из наиболее ярких приверженцев «римской» концепции были вынуждены, хотя бы отчасти, изменить свои взгляды⁴⁷⁰.

Эти новые факты стали основанием для того, чтобы выступить против тезиса о «приоритете» Матхуры в создании антропоморфного образа Будды. Такова, в частности, позиция Ж. Фуссмана. Он выявил (правда, на основании только палеографических особенностей надписи, сопровождавшей статую) изображение Будды в Гандхаре, предшествующее 50 г. н.э.⁴⁷¹ Ж. Фуссман вообще в последнее время упорно проводит мысль о том, что скульптурный образ Будды появился около рубежа эр⁴⁷².

Таким образом, исследуемый нами артефакт достаточно надежно ставится в общий контекст эволюции буддийского искусства Гандхары. Он представляет собой миниатюрное воспроизведение уже существовавшего статуарного антропоморфного образа Будды. Этот образ был «экспериментальным» и позднее был вытеснен новыми, ставшими каноническими. Однако в Гандхаре найдено несколько рельефов, в которых их генетическая связь с образом, представленным на нашем артефакте, видна весьма отчетливо. Мы имеем в виду тот вариант сцены первой проповеди, где сидящий Будда касается рукой колеса дхармы

или колесо украшает его трон. Не перечисляя всех известных образцов этого рода сцен (которых в Гандхаре достаточно много)⁴⁷³, приведем только несколько примеров.

Прежде всего, необходимо отметить рельеф, найденный в Таксиле в монастырском комплексе Дхармараджика, расположенного между Бхир-маундом и Сиркапом и возникшего, видимо, еще при Ашоке⁴⁷⁴. Рельеф (Рис. 2) представляет собой типичное изображение сцены первой проповеди с сидящим Буддой, окруженным его первыми учениками⁴⁷⁵. Правая рука Будды изображена касающейся колеса дхармы. Очень близкий рельеф (Рис. 3), также происходящий из Гандхары, хранится в Пешаварском музее⁴⁷⁶. Сходный стилистически рельеф с аналогичной сценой (Рис. 4) имеется и в лондонском Музее Виктории и Альберта. Здесь наблюдается только одно значащее отличие: Будда не касается рукой колеса, оно - самостоятельное украшение его трона⁴⁷⁷. Рельеф происходит из долины Свата и датируется Аккерманном первой половиной IV в. Наконец, необходимо указать еще на один рельеф этого же типа (Рис. 5), сходный с «лондонским» и хранящийся в Музее г. Лакнау. Рельеф датируется третьим веком н.э.⁴⁷⁸

Таким образом, мы видим, что на протяжении длительного времени (с конца I по IV вв. в искусстве Гандхары присутствует иконографический вариант сцены первой проповеди, который явно восходит к тому антропоморфному образу, который представлен на рассматриваемом артефакте. Необходимо отметить, что параллельно существовал и другой вариант, который отражал более раннюю стадию иконографического развития. Речь идет о сценах, где на троне располагается не Будда, а его символический эквивалент - колесо дхармы. Подобный рельеф хранится в музее г. Лакнау⁴⁷⁹.

Рис. 5.

Рельеф из музея Лакнау
(происхождение неизвестно)

⁴⁷³ Hargreaves 1977, 33-34.

⁴⁷⁴ О раскопках этого комплекса см. Marshall 1960, 102-123; Marshall I, 1975, 230-273; Dani 1986, 118-131.

⁴⁷⁵ Marshall II, 1975, 717; III, pl., 20, №118; Nehru 1989, pi. 140; Van Lohuizen - de Leeuw 1949, pi., IV.

⁴⁷⁶ Nehru 1989, pi., 14.

⁴⁷⁷ Ackermann 1975, 143; pi., LXVII.

⁴⁷⁸ Joshi, Sharma 1969, 61-62, fig. 14. Происхождение его не известно.

⁴⁷⁹ Ibid., fig. 15. Иконографическая схема, типичная для более ранних стадий развития буддийского искусства, отчетливо представлена в Санчи (см. Masson-Oursel, Willman-Grabowska, Stern 1951, pi., VI e-f.)

Нельзя не согласиться с тем, что создание данного артефакта или того предмета, который послужил прообразом для него, было делом рук мастера, знакомого с греческими формами искусства и применившего их в своем творчестве. На монете из Тилля-тепе Будда представлен в движении, он с явным усилием поворачивает колесо дхармы. Это достаточно сильно отличается от обычного образа Будды, который всегда представлен в статичной позе, как созерцатель. Можно полагать, что возник этот образ в греко-индийской среде, в Гандхаре, являясь отражением каких-то не совсем нам ясных представлений в художественной и, может быть, доктринальной сфере буддийской сангхи того времени⁴⁰⁰.

Таким образом, есть все основания отдать приоритет в создании антропоморфного образа Будды Гандхаре, а не Матхуре, поскольку в последней тема первой проповеди была значительно менее популярна. Даже в тех немногих сценах этого содержания связь между Буддой и «колесом закона» не выглядит столь тесной, как в Гандхаре. Колесо здесь предстает чаще всего в виде простого украшения трона, да к тому же еще часто передано в профиль.

Вторая проблема, для решения которой данный артефакт является, с нашей точки зрения, важным источником, - это проблема проникновения буддизма в Бактрию. До недавнего времени практически все исследователи помещали это явление в рамки кушанского периода (как правило, начиная со II в. н.э.)⁴⁰¹. Перед нами же предмет, который происходит с территории Бактрии, но датируется значительно более ранним временем. Важно понять, появился ли он здесь, например, как часть военной добычи в результате похода на территорию северо-западной Индии, или его принес с собой буддийский монах-миссионер. Конечно, сам артефакт не может ничего сказать по этому поводу, но сейчас появились некоторые новые материалы, которые необходимо учитывать. Имеются в виду результаты раскопок французских археологов в Бактрах и обнаружение там буддийской ступы, датированной концом I в. н.э.⁴⁸². Таким образом, проблема начала проникновения буддизма в среднеазиатские области к северу от Гиндукуша вновь приобретает актуальность и в новых подходах к ее решению загадочный артефакт из раскопок Тилля-тепе должен также учитываться.

⁴⁰⁰ О раскопках этого комплекса см. Marshall 1960, 102-123; Marshall 1, 1975, 230-273; Dani 1986, 118-131.

⁴⁸¹ Подробнее см. Мкртычев 2002, С. 16-19, здесь же и предшествующая литература). См. также Fussman 1987, 343. Необходимо указать, что существует и другая точка зрения. Согласно этой точки зрения, начало проникновения буддизма на территории Средней Азии имело место еще в период существования Греко-Бактрийского царства (Литвинский 1972, С. 148).

⁴⁸² Bernard, Besenval, Marquis 2006, P. 1217-1229; Besenval, Marquis 2009, P. 216-218.

ЛИТЕРАТУРА

Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. История, религия, философия, эпос, литература, наука, встреча культур. М., 2007.

Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985.

Вертоградова В.В. Скульптура // Культура древней Индии. М., 1975.

Вигасин А.А. Древняя Индия. От источника к истории. М., 2007.

Кошеленко Г.А., Гаилов В.А. Некрополь Тилля-тепе: индийская уникальная монета // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. Москва-Магнитогорск-Новосибирск. 2011. С. 17-31.

Кочетов А.Н. Буддизм. М., 1983.

Литвинский Б.А. Буддизм и среднеазиатская цивилизация // Индийская куль-

- тура и буддизм. Сборник статей памяти академика Ф.И. Щербатского / Отв. ред. Н.И. Конрад, Г.М. Бонгард-Левин. М., 1972. С. 148-169.
- Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I-X вв.). М., 2002.
- Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе (Северный Афганистан) // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 307-318.
- Сидорова В.С. Художественная культура Древней Индии. М., 1972.
- Торчинов Е.А. Введение в буддологию. СПб., 2000.
- Ackermann H.C. Narrative Stone Reliefs from Gandhara in Victoria and Albert Museum in London. Rome, 1975.
- Bernard P. et Schiltz V. Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du Musée national de Kaboul. Sous la direction de P. Cambon en collaboration avec J.-F. Jarrige. Paris, 2007.
- Agrawala V.S. Handbook of the sculpture in the Curzon Museum of archaeology. Mutta; Allahabad, 1932.
- Allan J. Catalogue of the coins of Ancient India. London, 1936.
- Afram M. Indo-Parthian and early Kushan chronology: the numismatic evidence // Coins, art, and chronology. Essays on the pre-Islamic History on the Indo-Iranian Borderlands / M. Afram, D.E. Klimburg-Salter (eds.). Wien, 1999. P. 19-48.
- Audouin R., Bernard P. Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan) II. Les monnaies indogrecques // Revue numismatique. Vie Sér. T. XVI, 1974. P. 7-41.
- Bernard P., Besenval R., Marquis Ph.: "Du mirage bactrien" aux réalités archéologiques: nouvelles fouilles de Délégation archéologique française en Afghanistan (DAFA) à Bactres (2004-2005) // CRAI, vol. 150, n. 2, 2006. P. 1175-1248.
- Besenval R., Marquis P. avec la coll. de Mongne P. La rêve accompli d'Alfred Foucher à Aactres. Premiers resultants des campagnes menées depuis 2004 par la Délégation archéologique française en Afghanistan et la Mission archéologique française en Bactriane d'Afghanistan en collaboration avec l'Institut afghan d'Archéologie // Buddhismisme d'Asie. Monuments et littératures. Journée d'étude en hommage à Alfred Foucher (1868-1952) réunie vendredi 14 décembre 2007 à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Recueil édité par P.-S. Filliozat et J. Leclant. Paris, 2009. P 211-242.
- Bhattachayya A. Indian Coins in the Musée Guimet. Calcutta, 1971.
- Brown R.L. The walking Tillya Tepe Buddha: a lost Prototype // Bulletin of the Asia Institute. Vol. 14. 2000. 77-87.
- Buchthal H. The Common Classical Sources of Buddhist and Christian Narrative Art // JRAS (New Series), vol. 75, issue 3-4, 1943. P. 137-148.
- Buchthal H. The Foundations for a Chronology of Gandhara Sculpture // Transactions of the Oriental Ceramic Society (1942-1943), XIX, 1944. P. 21-32.
- Buchthal H. The Western Aspects of Gandhara Sculpture // Proceedings of the British Academy, London, 1945. P. 151-176.
- Buchthal H.: The Haughton Collection of Gandhara Sculpture // The Burlington Magazine. Vol. LXXXVI-LXXXVII, 1945a. P. 66-73.
- Coomaraswamy A.K. The Indian origin of the Buddha image // Journal of the American Oriental Society. 46, 1926. P. 165-170.
- Coomaraswamy A.K. The origin of the Buddha image // The Art Bulletin. Vol. IX. 4, 1927 P 1-43.
- Cribb J. Kanishka's Buddha coins // Numismatic Digest. Vol. VIII. Part I & II, 1984. P. 44-53.
- Cribb J. A re-examination of the Buddha images on the coins of Kaniska: new light on the origin of the Buddha image in Gandharian art // Essays on Buddhist art of South Asia / A.K. Narain (ed.). New Delhi, 1985. P. 59-87.
- Cribb J. The early Kushan Kings: new evidence for chronology. Evidence from the Rabatak Inscription of Kanishka I // Coins, art, and chronology. Essays on the pre-Islamic History on the Indo-Iranian Borderlands / M. Afram, D.E. Klimburg-Salter (eds.). Wien, 1999. P. 177-206.

- Cunningham A. Coins of Ancient India. London, 1891/
 Dani A.H. The Historic city of Taxila. Paris, 1986.
 Foucher A. L'Origine grecque de l'image du Buddha // Annales du Musée Guimet. Bibliothèque de vulgarisation. T. XXXVIII, 1913. P. 231-272.
 Fussman G. Monnaie d'or de Kaniska inedited, au type du Buddha // Revue numismatique. 6e série. Tome XXIV, 1982. P. 155-169.
 Fussman G. Un Buddha inscrit des début de n.é. // Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. T. LXXIV, 1985. P. 43-45.
 Fussman G. Chronique des Études Kouchanes (1978-1987) // Journal Asiatique. T. CCLXXV. 3-4, 1987. P. 333-400.
 Fussman G. Numismatic and Epigraphique Evidence for the Chronology of Early Gandharian Art // Investigating Indian Art. Proceedings of a symposium on the development of early Buddhist and hindu iconography held at the Museum of Indian art Berlin in may 1986. Berlin, 1987a. P. 66-88.
 Grünwedel A. Buddhistische Kunst in Indien. Berlin, 1900.
 Gupta S.K. Cause of the absence of the Buddha image in the early Indian art // K. P. Jayaswal commemoration volume. Patna, 1981. P. 134-139.
 Hargreaves H. Sculptures in the Peshavar Museum. Delhi, 1977 (reprint edition).
 Härtel H. The concept of the Capardin Buddha type of Mathura // South Asia Archaeology 1983. Vol. II. Naples, 1985. P. 653-678.
 Huntington J.C. The origin of the Buddha image: Early Image Traditions and the Concept of Buddhadar Sanapunya // Studies in Buddhist Art of South Asia / A.K. Narain (ed.). New Delhi, 1985. P. 23-58.
 Ingholt H. Palmyrene and Gandharan Sculpture. New Haven, 1954.
 Ingholt H. Gandharan Art in Pakistan. New York, 1957.
 Jenkins G.K., Narain A. The coin types of the Saka-Pahlava kings of India. Benares, 1957.
 Joshi N.P. Mathura Sculpture. Mathura, 1966.
 Joshi N.P., Sharma R.C. Catalogue of Gandhara Sculptures in State Museum, Lucknow. Lucknow, 1969.
 Koshelenko G.A., Sarianidi V.I. Les monnaies de la nécropole de Tillya-tepe (Afghanistan) // Studia Iranica. T. 21. Fasc. 1, 1992. P. 21-32.
 Krishan Y. Was Gandhara art a product of Mahayana Buddhism? // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Part 3-4, 1964. P. 61-70.
 Mac Dowall D.W. The Development of Buddhist Symbolism on the Coinage of the North West // Investigating Indian Art. Proceedings of a symposium on the development of early Buddhist and hindu iconography held at the Museum of Indian art Berlin in May 1986. Berlin, 1987. P. 179-190.
 Maity A.K. Early Indian coins. New Delhi, 1970.
 Marshall J. A Guide to Taxila (fourth edition). Cambridge, 1960.
 Marshall J. Taxila. An illustrated Account of archaeological excavations carried out of Taxila. Vol. NN. New Delhi, 1975.
 Masson-Oursel P., Willman-Grabowska H. de, Stern P. Inde antique et la civilization indienne. Paris, 1951.
 Mukherjee B.N. A gold coin from Tillya-tepe (Afghanistan) // The Journal of the Numismatic Society of India. Vol. XLIII. Part 1, 1981. P. 41-45.
 Mukherjee B.N. An epigraphic evidence about iconic representation of Buddha // SRINIDHIH. Perspectives in Indian archeology, art and culture. Shri K.R. Srinivasan festschrift. Madras, 1983. P. 113-115.
 Myer PR. Bodhisattvas and Buddhas: early Buddhist images from Mathura // Artibus Asiae. Vol. XLVII. 2, 1986. P. 107-142.
 Nehru L. Origins of the Gandharan Style. A Study of contributory influences. Delhi, 1989.
 Quintanilla S.R. History of early stone sculpture at Mathura ca. 150 BCE -100 CE. Leiden; Boston, 2007.
 Rapson J. Indian coins (Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde. Bd. II. H. 3 B.). Strasburg, 1898.

- Rowland B. A Revised Chronology of Gandhara Sculpture // The Art Bulletin. Vol. XVIII, 1936. P.387-400.
- Rowland B. Gandhara and Late Antique Art: the Buddha Image // AJA. XLVI, 1942. P. 445-448.
- Rowland B. Gandhara and Late Antique Art: Buddha Palliatu // AJA. Vol. XLIX, 1945. P. 223-236.
- Rowland B. 1946: Gandhara and Late Antique Art: The Homme-Arcade and the date of the Bimaran Reliquary // The Art Bulletin. XXVIII, 1945. P 44-47.
- Rowland B. A note on the invention of the Buddha Image // Harvard Journal of Asiatic Studies. II, 1948. P. 181-186.
- Rowland B. The Hellenistic Tradition In North-western India //The Art Bulletin. XXXI, 1949. P.1-10.
- Rowland B. Gandhara, Rome and Mathura: the Early Relief Style // Archives of the Chinese Art Society of America. X, 1958. P 8-17.
- Rowland B. Rome and Gandhara//East and West. N.S. Vol. 9.3,1958a. P. 199-208.
- Rowland B. Bodhisattvas or Deified King: A Note on Gandhara Sculpture //Archives of the Chinese Art Society of America. XV, 1961. P. 6-12.
- Rowland B. The Evolution of the Buddha Image. New York, 1963.
- Rowland B. Ancient Art from Afghanistan. Treasures of the Kabul Museum. New York, 1966.
- Rowland B. Art In Afghanistan. Objects from the Kabul Museum. London, 1971.
- Rowland B. Graeco-Bactrian Art and Gandhara: Khalchayan and the Gandhara Bodhisattvas // Центральная Азия в кушанскую эпоху / Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975. С. 320-322.
- Sarianidi V.I. Ancient Gold from the Melting-Pot of Central Asia // UNESCO courier, 1979. P 29-32.
- Sarianidi V.I. The treasure of Golden Mound //Archaeology. Vol. XXXIII. 3,1980. P 31-41.
- Sarianidi V.I. Bactrian Gold from the excavations of the Tillya-tepe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985.
- Schlumberger D. L'Orient hellénisé. L'art grec et ses héritiers dans l'Asie non méditerranéenne. Paris, 1970.
- Schopen G. On monks, nuns and "vulgar" practices: the introduction of the image cult into Indian Buddhism // Artibus Asiae. Vol. XLIX. 1-2,1988-1989. P. 153-160.
- Schopen G. Art, beauty and business of running Buddhist monastery in early Northwest India // On the cusp of an Era. Art in the Pre-Kushan World / D.M. Srinivasan (ed.). Leiden; Boston, 2007. P. 287-318.
- Sharma R.C. Pre-Kaniska Buddhist iconography at Mathura // Bulletin of Museums and Archaeology in Uttar Pradesh. 5-6,1970. P. 16-25.
- Sharma R.C. Buddhist Art of Mathura. Delhi, 1984.
- Smith V. Graeco-Roman influence on the civilization of Ancient India // JASB. Vol. LVIII. Parti, 1889. P.107-198.
- Smith V. Graeco-Roman Influence on the civilization of Ancient India // Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. 1889a. P. 209-215.
- Smith V. Graeco-Roman influence on the civilization of Ancient India // JASB. Vol. LXI. Parti, 1892. P.50-76.
- Smith V. The Kushan and Indo-Scythian Period of Indian history, BC. c. 165 to AD 320//JRAS, 1903. P. 1-64.
- Smith V. Catalogue of the Coins in the India Museum. Calcutta. Vol. I. Oxford, 1906.
- Smith V. A History of Fine Art in India and Ceylon. Oxford, 1911.
- Smith V. A History of Fine Art in India and Ceylon (2nd ed. revised by K. de B. Codrington). Oxford, 1930.
- Soper A. Roman Style in Gandhara // American Journal of Archaeology. 55, 1951. P. 301-319.
- Taddei M. L'approccio archeologico allo studio della storia dell'arte // Annali

del'Istituto Orientale di Napoli. Archeologia e storia antica. n.s. 6.1999 p. 5-12.

Tanabe K. Not the Buddha but Hercules on the gold token from Tillya-tepe; a review of the relevant legend and images // Religion and Art: new Issues Indian iconography and iconology / Ed. by Bautze-Picron. Wien, 2008, P. 33-45.

Van Lohuizen - de Leeuw J.E. The «Scythian» Period. An Approach to the history, art, epigraphy and palaeography of North India from the 1 st century B.C. to the 3rd century A.D. Leiden, 1949.

Van Lohuizen - de Leeuw J.E. Gandhara and Mathura: their cultural relationship // Aspect of Indian art / P. Lai (ed.). Leiden, 1972. P. 27-43.

Van Lohuizen - de Leeuw J.E. New evidence with regard to the origin of the Buddha image // South Asian Archaeology 1979 / H. Hartel (ed.). Berlin, 1981. P. 377-400.

Vogel J.P. La sculpture de Mathura. Paris-Bruxelles, 1930.

Wheeler M. Rome beyond the Imperial Frontiers. London, 1955.

Zeymal E. Tiliya-tepe within of the Kushan Chronology // Coins, Art and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands / Ed. by M. Alram and D. Klimburg-Salter. Wien, 1999. 241-245.

Глава VIII.

БАКТРИЙСКИЙ ЦАРЬ

В КОЧЕВНИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ ⁴⁸³

Рис. 1.
Тилля-тепе.
Пряжки с изображением воинов

Как уже указывалось выше, одним из самых важных археологических открытий, сделанных в последние десятилетия на территории Центральноазиатского региона, являются результаты археологического исследования некрополя Тилля-тепе (северный Афганистан, в районе Шибегана). Результаты этих работ были представлены руководителем раскопок В.И. Сарианиди в трех книгах, содержание которых в значительной мере идентично⁴⁰⁴.

Итоги раскопок некрополя Тилля-тепе дают множество материалов для постановки и решения целого ряда вопросов по истории и культуре населения Бактрии в тот период, который часто определяется как «темные века», то есть время от падения Греко-Бактрии до возникновения Кушанского царства. В частности, большое количество замечательных произведений искусства, обнаруженных в шести погребениях, позволяет поставить вопросы о характере этого искусства, роли различных компонентов в его сложении, о тех идеях, которые вдохновляли заказчиков этих произведений и их исполнителей. Это тем более важно, что не подлежит сомнению чрезвычайно высокий общественный статус лиц, погребенных в данном некрополе.

Естественно, что эти материалы вызвали всеобщий интерес и через некоторое время исследователи, занимающиеся близкими проблемами, в своих работах стали в той или иной форме откликаться на публикации руководителя раскопок на Тилля-тепе⁴⁸⁵. Новый виток

⁴⁸³ Первый вариант опубликован в: Гаи-бов, Кошеленко 2008.

⁴⁰⁴ Сарианиди 1983; Sarianidi 1985; Сарианиди 1989. С. 46-232.

⁴⁸⁵ Pugachenkova, Rempel 1991. P. 11-25; Pfrommer 1996. S. 91-119; Boardman 2003. P. 133-146; Boardman 2003a. P. 348-374; Мордвинцева 2003. С. 10-15; Schütz 2005. P. 71-84.

Рис. 2.

Тилля-тепе. Римский ауреус

интереса к памятнику дала выставка в Париже сохранившихся шедевров из Национального музея Кабула, в составе которой, естественно, самое почетное место занимали находки из раскопок Тилля-тепе. В подготовке каталога этой выставки участвовали специалисты, которые знакомились с находками не на основе публикаций, а *de visu*⁴⁰⁶. Соответственно, их мнение должно очень внимательно учитываться.

Объектом исследования в данной главе будут две пряжки с изображением воинов, происходящие из погребения №3 (Рис. 1). Этот выбор объясняется не только важностью сюжета, представленного на пряжках, но и наличием ряда неточностей (и разночтений) в различных работах в их описании, сделанных руководителем раскопок В.И. Сарияниди, что приводило и его самого, и последующих исследователей, как нам кажется, к не совсем выверенным интерпретациям.

Данное погребение представляет несомненный интерес⁴⁸⁷. Особое значение этого погребения подчеркивалось уже его местоположением - оно находилось на вершине бугра, образовавшегося из руин более древнего храма, выше всех остальных погребений некрополя. Сама могильная яма была прямоугольной (2,6 x 1,5 м)⁴⁸⁸, на высоте 1,5 м от дна могилы находился уступ, на который были положены деревянные плахи перекрытия. Это перекрытие было обтянуто сверху кожаным покрывалом с нашитыми на него золотыми дисками. Гроб был деревянным, без крышки, но был укутан в специальное покрывало с нашитыми на нем золотыми дисками. Насколько можно судить, умершая (В.И. Сарияниди определяет погребение как женское) лежала на спине, в вытянутом положении, лицом вверх, головой на север. Погребение было сильно нарушено деятельностью мышей, которые растащили основную часть одежды, украшений и приношений погребенному по своим норам.

Имеются определенные указания на датировку погребения. Найденный в могиле римский ауреус, чеканенный в г. Лугдунуме (современный Лион) в период от 16 до 21 г. (Рис. 2) дает нам *terminus post quem* для этого захоронения⁴⁰⁹.

Поскольку объектом исследования в данной главе является только один предмет из найденных в этом погребении, то, естественно, нет нужды сколько-нибудь подробно говорить об остальных. Необходимо только указать, что в могиле находились, к примеру, золотые головные

⁴⁰⁶ Schütz 2007. P. 69-00; Cambon 2007. P. 270-289.

⁴⁸⁷ Об этом погребении см. Сарияниди 1983. С. 44-64; Сарияниди 1989. С. 67-84; Sarianidi 1985. P. 27-35. Необходимо указать и на некоторые предварительные публикации. Дело в том, что цветные фотографии золотых предметов вследствие самого характера металла мешают рассмотреть детали, о чем писал, в частности Дж. Бордмен (Boardman 1991. P. 350). Детали предметов, которые мы пытаемся исследовать, гораздо отчетливее видны на черно-белых фотографиях. См., например, Sarianidi 1980. Fig. 44,45.

⁴⁸⁸ В одном случае (Сарияниди 1993. С. 67) определяет размеры могильной ямы как 2,5 x 1,5 м, в других - 2,6 x 1,5 м.

⁴⁸⁹ См. Сарияниди., Кошеленко 1982. С. 307-318; имеется также несколько расширенный перевод этой статьи на французский язык. См. Kochelenko, Sarianidi. 1992. P. 21-32. Отметим, что ни в одной из публикаций В.И. Сарияниди нет ссылок на последнюю статью, хотя определения монет приводятся постоянно.

Рис.3.
Тилля-тепе. Золотая подвеска

Рис. 4.
Тилля-тепе. Золотое кольцо

Рис. 5.
Тилля-тепе.
Бронзовое китайское зеркало

украшения (Рис. 3) и кольцо (Рис. 4), серебряное китайское зеркало (Рис. 5), и множество других значащих предметов.

Автор раскопок указывает, что на умершей было три слоя одежды. Каждый из них скреплялся собственными пряжками. Самая верхняя

Рис. 6.
Монета с портретом царя Евкратида

одежда представляла собой плащ. Вверху он застегивался пряжкой, состоящей из двух прямоугольных золотых пластин, соединяющихся при помощи специально припаянных крючков и петелек. Пластины не очень велики: высота их 9 см., ширина - 6,5 см. В.И. Сарианиди указывает, что лицевые стороны пластин выполнены в «комбинированной прорезной технике в сочетании с высоким рельефом». С оборотной стороны к ним припаяны тонкие пластины, «отлитые точно по контуру лицевых», так что в целом они образуют ажурные пустотелые пряжки. Боковые грани их представлены изображениями деревьев, нижняя грань - рельефная пластинка. В центре каждой пластинки имеется изображение воина. Они даны в зеркальном отражении. Соответственно, один из них представлен в реальной позе - с копьем в правой руке и щитом на левой, другой же наоборот. Естественно, мы будем рассматривать реалистическое изображение.

Тело воина представлено практически анфас, а голова - в профиль⁴⁹⁰.

В.И. Сарианиди описывает лицо детально⁴⁹¹, но для наших целей такая детализация не очень важна. На голове воина шлем с ремнем, пропущенным под подбородком. По краю шлем украшен завитками, в центре, надо лбом, - четыре круглых углубления - возможно, гнезда для камней (которые, однако, так и не были вставлены). Между двумя парами углублений выступает загнутый наверх заостренный рог⁴⁹²; шлем украшен причудливо развевающимся султаном. Из-под шлема на плечи по обе стороны лица спускаются длинные волнистые локоны.

В.И. Сарианиди не говорит ничего определенного о типе шлема, хотя это тот вопрос, который явно нуждается в объяснении⁴⁹³. Мы имеем здесь дело с типичным беотийским шлемом, очень популярным в эллинистическую эпоху, в том числе и в Бактрии, как обоснованно утверждает П. Динцис⁴⁹⁴, и с ним полностью согласен Б.А. Литвинский⁴⁹⁵. Одна из особенностей данного шлема - наличие плюмажа - явление достаточно обычное. Вторая - наличие бычьего рога (или уха) - требует определенного обоснования. П. Бернар, специально занимавшийся данной проблемой, полагал, что греко-бактрийские цари, представленные на своих монетах в подобных шлемах, унаследовали этот атрибут от ранних Селевкидов⁴⁹⁶. Шлем этого типа - с бычьим рогом (ухом) и плюмажем - был чрезвычайно популярен среди греко-бактрийских и индо-греческих царей (Рис. 6).

⁴⁹⁰ В.И. Сарианиди определяет этот поворот как поворот в три четверти (Сарианиди 1983. С. 50; БагапМ 1985. Р. 30).

⁴⁹¹ «Лицо с прямым носом, чуть нахмуренными бровями, полуоткрытым ртом и четко моделированным подбородком» (там же).

⁴⁹² В. Шильц считает, что здесь изображено ухо (Schütz 2007. Р. 275), но, думается, что все-таки - это рог. Впрочем, для нашего анализа это различие не существенно, поскольку, как правило, на всех шлемах, о которых мы будем говорить ниже, имеются изображения как рога, так и уха.

⁴⁹³ Он указывает, что облик воина представлен в типичной греко-римской манере за исключением шлема. См. Sarianidi 1985. Р. 31.

⁴⁹⁴ Dintsis 1986. S. 18;

⁴⁹⁵ Литвинский 2001. С. 353.

⁴⁹⁶ Bernard 1985. Р. 49-50. См. также Guillaume 1991. Р. 178-180.

Впервые такая каска появляется на монетах Евкратиды I⁴⁹⁷, затем она присутствует на монетах Платона⁴⁹⁸ Гелиокла I⁴⁹⁹, Антиалкиды⁵⁰⁰, Гелиокла II⁵⁰¹, Филоксена⁵⁰², Диомеда⁵⁰³, Аминты⁵⁰⁴, Архебия⁵⁰⁵ и Гермия⁵⁰⁶. При этом мы отмечаем только те серии, где совершенно бесспорно на каске изображен рог (или ухо). Вполне возможно, что число примеров можно увеличить, так как достаточно много экземпляров, где эти элементы просто не видны из-за малого размера или плохой сохранности монет⁵⁰⁷. Изображение рога иногда появляется и на тирах парфянских царей I в. до н.э.⁵⁰⁸

Более сложны проблемы, связанные с изображением торса воина. Первоначально В.И. Сарианиди следующим образом описывал верхнюю часть тела: «мускулистый торс с четко моделированными сосками и пупком задрапирован в мягкую складчатую ткань, скорее всего плащ»⁵⁰⁹. Идея об обнаженной груди и животе стала причиной курьезной ошибки, допущенной Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпелем, которые увидели здесь изображение амазонки⁵¹⁰, что вызвало достаточно едкую негативную реакцию Дж. Бордмена⁵¹¹. Позднее, осознав явную неточность интерпретации, В.И. Сарианиди предложил другое объяснение: «мускулистый торс, облаченный в кирасу»⁵¹². Развитием этой идеи является утверждение В.И. Мордвинцевой, которая пишет о том, что здесь представлена тонкая кольчуга, но в то же самое время утверждает, что «на торсе акцентированы соски и пупок»⁵¹³. Естественно, что невозможно вообразить себе кирасу или кольчугу, через которые бы «просвечивали» упомянутые детали тела воина.

В действительности, мы имеем здесь дело с «мускульным панцирем» или «мускульной кирасой». Данный тип доспеха представлял собой во фронтальной части отлитую из бронзы имитацию груди и живота воина с изображениями мускулов, сосков и пупка⁵¹⁴. Самые ранние образцы таких кирас относятся к V в. до н.э. (найлены, главным образом, в некрополях Южной Италии)⁵¹⁵. К этому же времени относятся и первые их изображения⁵¹⁶. Наилучшее воспроизведение ее в IV в. - известная надгробная плита Аристонавта⁵¹⁷. В эллинистическое и римское время такие кирасы были, как правило, принадлежностью «обмундирования» высших офицеров. Один из канонических типов изображений римских императоров - именно в такой кирасе⁵¹⁸. Он просуществовал от Августа до Константина.

На эллинистическом Востоке первое изображение «мускульной кирасы» предстает на тетрадрахмах, драхмах и оболлах Селевка I, выпускавшихся монетным двором Персеполя. На оборотной стороне изображена Ника, водружающая победный трофей, главной частью которого является именно такая кираса⁵¹⁹. Они были достаточно широко распространены в этом регионе⁵²⁰.

Нижняя часть туловища прикрывается тем, что В.И. Сарианиди назвал юбкой. Его описание выглядит следующим образом: «бедро до колен задрапированы в складчатую юбку, переданную широкими, разделенными на прямоугольники полосами. Подол заканчивается широкими складками»⁵²¹. В действительности же здесь изображены птериги -

⁴⁹⁷ Серии 4 - 11 его чекана. См. Vopar-achchi 1991. P. 202-208.

⁴⁹⁸ Серия 3 его чекана. См. Vopar-achchi 1991. P. 221.

⁴⁹⁹ Серии 3 и 4 его чекана. См. Vopar-achchi 1991. P. 227.

⁵⁰⁰ Серии 2 и 3 его чекана. См. Vopar-achchi 1991. P. 271.

⁵⁰¹ Серии 3,4 и 6 его чекана. См. Vopar-achchi 1991. P. 285.

⁵⁰² Серии 5 и 9 его чекана. См. Vopar-achchi 1991. P. 290-293.

⁵⁰³ Серии 2,5 и 7 его чекана. См. Vopar-achchi 1991. P. 295-297.

⁵⁰⁴ Серии 1,2 и 5 его чекана. См. Vopar-achchi 1991. P. 299-300.

⁵⁰⁵ Серии 1, 4, 6 и 10 его чекана. См. Vopar-achchi 1991. P. 319-323.

⁵⁰⁶ Серия 4 его чекана. См. Vopar-achchi 1991. P. 327-328.

⁵⁰⁷ Ср. также Литвинский 2001. С. 353.

⁵⁰⁸ В чекане Готарза I и Дария (?). См. Seilwood 1980. Тип 33.4 и 37.1.

⁵⁰⁹ Сарианиди 1983. С.

⁵¹⁰ Pugachenkova, Rempel 1991. P. 17.

⁵¹¹ Boardman 1991. P. 355.

⁵¹² Сарианиди 1989. С. 74; Sarianidi 1985. P. 30.

⁵¹³ Мордвинцева 2003. С. 12.

⁵¹⁴ См. Snodgrass 1967. P. 92.

⁵¹⁵ Snodgrass 1967. P. 92.

⁵¹⁶ Известны многочисленные изображения в расписной керамике, терракоте и т.д. См., например, Arias, Hirmer, Shefton. 1962. Pl. 144, 178, 179; Schmidt 1965. P. 25,154,316; Snodgrass 1967. Pl. 43.

⁵¹⁷ Воспроизведение см. Alscher 1956. Tat. 38; Snodgrass 1967. Pl. 56. Можно также упомянуть практически одновременную надгробную стелу Панхара, сына Леохара, из Пирея, где в сцене сражения го-плит представлен также в кирасе такого типа. См. Zanker 1988. P. 21.

⁵¹⁸ Vermule. 1959-1960; Vermule 1968. P. 6-7, 41-42. Самая известная статуя этого типа - изображение Августа из Прима-Порта. См., например, Picard 1926. Fig. 150.

⁵¹⁹ Newell, 1978. P. 154-156; Pl. XXXII.

⁵²⁰ Jäger 2006. Отметим, однако, что автор работы, претендующей на полный охват материала, совершенно не упоминает пряжки Тилля-тепе.

⁵²¹ Сарианиди 1983. С. 51; Сарианиди 1989. С. 75.

длинные кожаные полоски, скрепленные металлическими заклепками. Они располагались в два-три ряда⁵²². Самое раннее их воспроизведение засвидетельствовано на уже упомянутом рельефе Аристонавта⁵²³. Они хорошо видны и на привлекавшихся монетах Селевка I.

В.И. Сарианиди детально описывает ноги воина⁵²⁴ и то, что он считает сандалиями⁵²⁵. В действительности здесь изображены мягкие сапоги с двойной шнуровкой и двумя ремнями вокруг голенищ, имеющими две больших пряжки в виде полумесяца⁵²⁶. Плащ, по описанию В.И. Сарианиди, переброшен через левую руку так, что концы его ниспадают почти до ног. На плече плащ перехвачен пряжкой в форме полумесяца. Под грудью панцирь перехвачен ремнем, второй ремень - для подвешивания меча - опоясывает наискось живот.

Меч не виден, хорошо заметна только его ручка - в виде головы хищной птицы. Именно рукоять указывает на тип меча - это бесспорно махайра. Махайра представляла собой слегка изогнутый односторонний меч, первоначально характерный для кавалерии, а затем взятый на вооружение и пехотой. Он носился на боку на перевязи, как и представлено в нашем случае. Такие мечи использовались и греко-македонянами, и персами. Судя по находкам в храме Окса, использовались они и в Бактрии эллинистического времени⁵²⁷. В связи с этими находками Б.А. Литвинский детально исследовал проблему происхождения, эволюции и распространения этого типа мечей⁵²⁸. Он специально подчеркивал, что на анализируемом нами изображении представлена именно махайра⁵²⁹. В правой руке воин держит копье. Хотя В.И. Сарианиди называет его длинным⁵³⁰, это определение не может считаться правильным - копье нормального размера. Щит - круглой формы и расположен так, что виден в профиль. Судить о том, как он был украшен, не представляется возможным.

Рассмотрев главный персонаж исследуемой сцены, мы можем полностью согласиться с мнением Дж. Бордмена о том, что здесь представлен типичный греческий воин эллинистической эпохи⁵³¹. Однако, для полного понимания сцены необходимо осмысление того, в каком окружении он представлен и как это окружение с ним соотносится.

Важную роль в общей композиции играют изображения деревьев, расположенных по обе стороны от воина. Хотя высказывалось предположение, что в данном случае обрамляют сцену не изображения деревьев, а «полосы орнамента в виде венка из трилистников»⁵³², предположение В.И. Сарианиди кажется все же более приемлемым, особенно учитывая то обстоятельство, что никаких следов венка при всем желании обнаружить невозможно. У подножья деревьев расположены фантастические животные, которых В.И. Сарианиди называет драконами, а Дж. Бордмен - переработанными крылатыми львами⁵³³. В.И. Сарианиди дает подробное описание того, что он увидел: «Сильно изогнувшееся в уступающей позе тело с коротким колечком-хвостиком опирается на согнутые задние ноги с когтистыми лапами. На бедренных и берцовых частях ног овальные углубления, возможно гнезда для самоцветов, которые так и не были вставлены. Передние лапы

⁵²²Блос1дга85 1967 Р. 91-92.

⁵²³ Представлены птериги и на упомянутой выше стеле Панхара.

⁵²⁴ «Мускулистые ноги с выделенными коленями» (Сарианиди 1983. С. 51; Сарианиди 1989. С. 75).

⁵²⁵ «На ногах сандалии с ремешком, пропущенным между большим и вторым пальцем. Четко выделенная шнуровка сандалий опоясывает ногу под коленом и посредине икр, где она туго затянута полусферическими пряжками» (Сарианиди. 1983. С. 51; Сарианиди 1989. С. 75).

⁵²⁶ Воагбтап 2003а Р. 354.

⁵²⁷ Литвинский 2001. С. 249.

⁵²⁸ Литвинский 2001. С. 277-290.

⁵²⁹ Литвинский 2001. С. 294.

⁵³⁰ Сарианиди 1989. С. 75.

⁵³¹ Воагбглап 2003а. Р. 354.

⁵³² Мордвинцева 2003. С. 12.

⁵³³ Воагбтап 2003а. Р. 357.

с выпущенными загнутыми длинными когтями опираются на колени задних ног; контуры передних лап подчеркнуты снизу мелкими косыми насечками, передающими короткую шерсть. Из напряженных мускулистых плеч выступают короткие крылья, в основании которых выдавлены гнезда-кружочки. Откиннутые назад головы на изогнутых шеях с рельефно выделенными загривками, оскаленные зубастые пасти, грозно нахмуренные глаза подчеркнуты сверху торчащими острыми шипами, сморщенный нос с хищно очерченными ноздрями дополняет устрашающий образ»⁵³⁴. Дж. Бордмен приводит прорисовку передней части чудовища, так как он его понял⁵³⁵. Нам представляется, что термин, используемый В.И. Сарианиди, более оправдан, тем более что сам Дж. Бордмен, выявляя генезис этих созданий, постоянно называет их драконами⁵³⁶. И В.И. Сарианиди, и Дж. Бордмен в связи с определением сущности этих фантастических животных указывают на далекие восточные связи, но при этом первый ограничивается Пазырыком⁵³⁷, а второй добавляет еще и Китай. Мы можем полагать, что точный термин не столь важен, как само определение сущности. Сущность же состоит в том, что этот монстр, похожий на восточного дракона, располагается у корней дерева.

На вершинах деревьев изображены птицы, держащие в клювах ленты⁵³⁸. Видовое определение данных птиц дать невозможно, хотя В.И. Сарианиди безоговорочно называет их орлами.

Прежде чем дать собственную трактовку всей сцены, представленной на пряжках, позволим себе привести те выводы, к которым пришел В.И. Сарианиди и некоторые другие исследователи, которые обращались к данному объекту.

В интерпретации данного образа В.И. Сарианиди не вполне последователен. Прежде всего, он указывает на сходство образа данного воина с изображением бога Ареса на известных нисийских ритонах. Второе предположение состоит в том, что на Востоке Александра Македонского часто называли Двурогим. Отсюда следует допущение, что на данных пластинках представлен именно этот царь. Исследователь указывает, что «классический греческий профиль» воина не оставляет сомнения в том, что здесь «изображен персонаж, принадлежащий исключительно греко-римскому искусству». Но, считает В.И. Сарианиди, драконы не были свойственны ни греко-римскому искусству, ни искусству Передней и Средней Азии. Зато они весьма популярны в скифском искусстве Алтая, где фантастические звери с оскаленными пастями - один из самых ярких персонажей. Исходя из этого автор делает свой конечный вывод: «изображения на золотых пряжках из Тилля-Тепе - редкий, но чрезвычайно яркий пример смешения глубоко местных греко-бактрийских и привнесенных кочевнических культурных традиций»⁵³⁹.

Позднее он несколько видоизменил свои выводы⁵⁴⁰. Был отринут наивный аргумент о «классическом греческом профиле»⁵⁴¹. Взамен В.И. Сарианиди развивает новую систему аргументации. Прежде всего, он сопоставил изображение воина на данных пряжках с изображением

⁵³⁴ Сарианиди 1983. С. 51-52.

⁵³⁵ Boardman 2003a. P. 365, fig. 16a.

⁵³⁶ Boardman 2003. P. 133-146.

⁵³⁷ Следует ссылка на: Руденко 1960. Табл. ХСVII, № 4.

⁵³⁸ В описании птицы присутствуют следующие моменты: «глаза подчеркнуты рельефно выступающими вверх шипами, крылья сложены на спине» (Сарианиди 1983. С. 51-52).

⁵³⁹ Сарианиди 1983. С. 53.

⁵⁴⁰ Сарианиди 1989. С. 76-77.

⁵⁴¹ Действительно, достаточно посмотреть на монеты греко-бактрийских царей, чтобы понять, что носы у них были различных форм и размеров.

на монетах Канишки, где на оборотной стороне представлен бог Орланго, стоящий фронтально, держащий в руке копье, имеющий на поясе меч с рукоятью в виде головы птицы, а его головной убор увенчан также изображением птицы⁵⁴². Следующий этап в его построениях - утверждение, что «это древнеиранское божество ассоциируется с Гераклом и Аресом» в известных надписях Нимруд Дага⁵⁴³. При этом автор нигде не оговаривает факта соответствия кушанского Орланго общеиранскому Веретрагне (Варахрану)⁵⁴⁴, что мешает читателю, не очень детально знающему эволюцию иранской религии, понять логику его построений.

После этого сопоставления он вновь возвращается к вопросу о том, кто же был изображен на пряжке. Опираясь на вышеизложенное построение, он высказывается в пользу древнегреческого божества войны Ареса, вспоминая при этом его изображения на нисийских ритонах. Однако вслед за этим вновь появляется идея об изображении здесь Александра Македонского, как символа «величия и непобедимости»⁵⁴⁵. В дополнение к более раннему аргументу о рогах на шлеме автор добавляет идею о сходстве изображения кирасы Александра на известной помпейской мозаике (а также одной из помпейских статуй) с кирасой на пряжках.

Идея об Александре вызывает большие сомнения, прежде всего, системой аргументации. Александра называли «двурогим» не потому, что некоторые селевкидские и греко-бактрийские цари носили шлемы, украшенные бычьими рогами. Основания для этого были совсем иными⁵⁴⁶. Точно также не кажется подходящим и сравнение кирас на мозаике и на пряжках. Трудно даже представить, как могло появиться такое сравнение. Кираса на мозаике совершенно другого типа, она полностью идентична кирасе из так называемой «могилы Филиппа II» в Вергине⁵⁴⁷. Не согласуются между собой и другие утверждения В.И. Сарианиди относительно этого доспеха.

Мы в свою очередь попытаемся выявить природу этого образа. Нам не кажется продуктивной попытка В.И. Сарианиди сопоставить изображение на данной пряжке с изображением Канишки, поскольку оно не полное. У Канишки отсутствует щит. Главное основание для сравнения - фронтальная поза и копье в руке. Если идти по этому пути, то неизбежным будет привлечение и иных (иногда более близких) аналогий, например, изображение Александра Македонского на знаменитых монетах, воспроизводящих его победу над Пором⁵⁴⁸, или статую Селевка I, где он предстает в «героической наготе», но опираясь на копье⁵⁴⁹, или изображения воинов-наемников III в до н.э. из одного из александрийских некрополей⁵⁵⁰.

Имеются весьма многочисленные прямые аналогии, однако, происходящие из достаточно отдаленного региона. Если исходить из таких элементов иконографической схемы как стоящий фронтально воин, держащий в правой руке копье, а в левой щит, то достаточно многочисленные примеры подобной схемы мы видим в Пальмире⁵⁵¹ (Рис. 7).

⁵⁴² В.И. Сарианиди не дает сноски, но явно имеет в виду: Rosenfield 1967. P. 95-96, Pl. IX, № 167,168.

⁵⁴³ Эта идея также заимствуется у Розенфилда (Rosenfield 1967. P. 95), но также без сноски.

⁵⁴⁴ См. Gray 1929. P. 119.

⁵⁴⁵ Сарианиди 1989. С. 77.

⁵⁴⁶ См. Костюхин 1972. С. 105-135.

⁵⁴⁷ Подробнее см. Cohen 1997.

⁵⁴⁸ См., например, Кошеленко. 2006. С. 98 (здесь же вся предшествующая литература).

⁵⁴⁹ См., например, Smith 2001. Fig. 3.

⁵⁵⁰ Rouveret 2004. P. 37. Экземпляры №№ Ма 3642 и Ма 3645.

⁵⁵¹ Рельеф, изображающий бога Са-драфа (55 г. н.э.), см. Colledge 1976. Fig. 27; рельеф с изображением двух воинов (I в. н.э.) см. Colledge 1976. Fig. 37; рельеф с изображением шести духов-стражников (191 г. н.э.) см. Colledge 1976. Fig. 44. Об этом рельефе см. также Ghirshman 1962. P. 75. Fig. 87A.

Рис. 7.

Пальмира.

Рельеф с изображением
шести духов-стражников

Мы считаем, что исследование должно опираться на два тезиса. Прежде всего, на анализ не только самого изображения воина, но и на анализ его окружения, поскольку оно было явно не случайным, а было порождено определенными идеологическими представлениями.

Обратим внимание, прежде всего, на изображение птиц, находящихся на вершинах деревьев. В клювах они держат ленты. Единственное объяснение, которое может быть предложено для этой детали сцены, - птицы несут воину диадему. Диадема в эпоху эллинизма представляла собой единственный совершенно бесспорный символ царской власти⁵⁵². В мире восточного эллинизма тема птицы, несущей символ царской власти, представлена в парфянском искусстве. Она зафиксирована как на монетах⁵⁵³, так и в сфрагистике Маргианы⁵⁵⁴. Данная тема представляет вариант более традиционной схемы, когда царя увенчивает богиня Ника⁵⁵⁵. Обычно считается, что птица, заменяющая Нику, - орел⁵⁵⁶, но это не может считаться твердо установленным. В зороастрийском тексте (Яште 19 или «Замийяд-яшт»), основное содержание которого - восхваление хварно (фарна), хварно предстает в виде птицы Варагн⁵⁵⁷. На эту роль с равным основанием могут претендовать орел, сокол, ястреб или ворон.

Также, с нашей точки зрения, необходимо указать на акцентированное представление в данной сцене копья. У греков и римлян копье представляло собой символ власти и суверенитета⁵⁵⁸, точно так же, как у многих ираноязычных кочевников таким символом был лук⁵⁵⁹.

Подводя некоторые итоги, мы с определенной долей уверенности можем утверждать, что основной персонаж сцены - воин, одетый и вооруженный как грек. Монументальность образа заставляет предполагать, что это миниатюрное изображение было уменьшенной копией гораздо более крупного произведения. Вполне вероятным кажется предположение о надгробной стеле как том прообразе, который послужил источником для нашего изображения. Однако при создании копии были введены некоторые новые элементы, которые расширили и углубили ее значение. Прежде всего, надо обратить внимание на появление птицы с лентами диадемы. Это немедленно придает изображению воина иной статусный характер - изображение воина становится

⁵⁵² См., например, Smith 2001. P. 13.

⁵⁵³ На драмах и халках Фраата IV (Sellwood 1980. Тип 52 - 54). Об этом сюжете см. также Curtis, 2007. P. 422.

⁵⁵⁴ Кошеленко, Гаилов 2006. С. 14-15.

⁵⁵⁵ В парфянской нумизматике, начиная с царя Дария (?). См. Sellwood 1980. тип № 36.19. В маргианской сфрагистике - см. Кошеленко, Гаилов 2006. С. 15.

⁵⁵⁶ См. Duchesne-Guillemin. 1979. P. 375-386.

⁵⁵⁷ Авеста. 1993. С. 158-159.

⁵⁵⁸ Показательно в этом отношении греческое выражение «дориктета хора» (земля [взятая] копьем). См. Самохина 1979. С. 92 сл. Специально в применении к царской скульптуре эллинистического времени см. Smith. 2001. P. 20. О римлянах см. Alto'ldi 1951. P. 1-29.

⁵⁵⁹ См. Раевский 1977. С. 81-86.

изображением царя, а учет особого значения копья приводит к выводу об изображении победоносного царя, царя-завоевателя. При этом тот факт, что диадему царю несет не Ника, а птица, переводит сцену в иную идеологическую систему - систему иранских зороастрийских концепций. Достаточно отчетливо виден источник этих идей. Это не представления тех кочевников, которые отвоевали Бактрию у греков. В их искусстве данный сюжет не зафиксирован. Это - влияние соседней Парфии, которая как раз в этот период проводит активную политику на востоке.

Наконец, необходимо отметить еще одну особенность данной композиции. Дерево рядом с царем - это бесспорно изображение «мирового дерева» с полностью присущими ему атрибутами: птица вверху, как олицетворение «верхнего мира», химерическое существо внизу, у корней дерева, как олицетворение «нижнего», хтонического мира и само дерево, как воплощение «срединного», земного мира⁵⁶⁰. Но при этом нам хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство - царь в этой картине предстает по своему масштабу практически равным дереву, что делает его своеобразным аналогом мирового дерева и заставляет думать об особом месте царя в универсуме. Это, конечно, обожествленный царь, царь, воспринимаемый как «пантократор», а не героизированный правитель как это иногда предполагается⁵⁶¹.

ЛИТЕРАТУРА

Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. Перевод с авестийского И. Стеблин-Каменского. М., 1993.

Гаилов В.А., Кошеленко Г.А. Бактрийский царь в кочевнической трактовке // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXII. Москва-Магнитогорск-Новосибирск. 2008. С. 86-98.

Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.

Кошеленко Г.А. Становление денежного обращения на эллинистическом Востоке // РА. 2006. № 3. С. 95-105.

Кошеленко Г.А., Гаилов В.А. Новое о парфянской культуре: раскопки в Мервском оазисе // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 2. 2006. С. 7-21.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Том 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.

Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.

Раевский Д.С. К вопросу об основании царской власти в Парфии («Парфянский лучник» и его семантика) // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977. С. 81-86.

Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006.

Самохина Г.С. Развитие представлений о хшра бор[кт]тс>9 в эпоху эллинизма // Античный полис. Межвузовский сборник. М., 1979. С. 88-99.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1960.

Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М., 1989.

Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе (Северный Афганистан) // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 307-318.

Топоров В.Н. Дерево жизни // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I. М., 1980. С. 398-406.

⁵⁶⁰ В общей форме см. Топоров 1980. С. 398-406. В применении к ираноязычным кочевникам см. Раевский. 2006. С. 35-105, 148-153.

⁵⁶¹ P1rotter 1996. Э. 110-112.

Alföldi A. *Hasta - Summa Imperii: The Spear as Embodiment of Sovereignty in Rome* // *AJA*. 63.1951. P.1-29.

Alscher L. *Griechische Plastik*. B. III. Berlin, 1956.

Arias P.E., Hirmer M., Shefton B.B. *History of Greek Vase-painting*. L., 1962.

Bernard P. *Fouilles d'Aï Khanoum*. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne (MDAFA, T. XXVIII). Paris, 1985.

Boardman J. *Three monsters at Tillya Tepe* // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 9. № 1-2. 2003. P. 133-146.

Boardman J. *The Tillya Tepe gold: a closer look* // *Ancient West and East*. Vol. 2. № 2. 2003a. P. 348-374.

Bopearachchi O. *Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques*. Catalogue raisonné. Paris, 1991.

Cambon P. *Tillia tepe*. Catalogue // *Afghanistan. Les trésors retrouvés*. Collections du musée national de Kaboul. Paris, 2007. P. 164-213.

Cohen A. *The Alexander Mosaic. Stories of Victory and Defeat*. Cambridge, 1997.

Colledge M.A.R. *The Art of Palmyra*. London, 1976.

Curtis V.S. *Religious Iconography on Ancient Iranian Coins* // *After Alexander*.

Central Asia before Islam. Ed. By J. Cribb and G. Herrmann. Oxford, 2007. P. 413-434.

Dintsis P. *Hellenistische Helme*. I. Texte. Roma, 1986.

Duchesne-Guillemin J. *La royauté iranienne et le xvarenah* // *Iranica*. Ed. Gh. Gnoli, A.V. Rossi. Napoli, 1979. P. 375-386.

Ghirshman R. *Parthes et Sassanides*. Paris, 1962.

Gray L. *Foundations of the Iranian Religions* // *Journal of the K.R. Kama Institute*. 15. 1929. Guillaume O. *Graeco-Bactrian and Indian Coins from Afghanistan*. Delhi-Oxford-New York, 1991.

Jäger U. *Dergriechisch-hellenistische Muskepanzer und sein Fortleben in Zentralasien*, 4. Jh. v. Chr. bis 879. Jh. n. Chr.: Ein kurzer Beitrag zum rüstungstechnologischen Nachleben des Hellenismus in Zentralasien // *Arms and Armour as Indicators of Cultural Transfer. The Steppes and the Ancient World from Hellenistic Times to the Early Middle Ages*. Edited by M. Mode and J. Tubach in Cooperation with G.S. Vashalomidze. Wiesbaden, 2006. S. 127-136.

Kochelenko G.A., Sarianidi V.I. *Les monnaies de la nécropole de Tillia-tepe (Afghanistan)* // *Studia Iranica*. T. 21, fasc. 1.1992. P. 21-32.

Newell E.T. *The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. With a Summary of Recent Scholarship Additions and Corrections by O. Morkholm*. New York, 1978.

Pfrommer M. *Die Gräber von Tillya-tepe. Eine späthellenistisch-frükaizerzeitliche Nekropole zwischen achämenidischem Erbe, griechischer Tradition und nomadisch-zentralasiatischer Gegenwart* // *Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters*. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums, 9-14 März 1994, in Berlin / Hrsg. von B. Funk. Tübingen, 1996. S. 91-119.

Picard Ch. *Sculpture antique. De Phidias à l'ère byzantine*. Paris, 1926.

Pugachenkova G.A., Rempel L.I. *Gold from Tillia-tepe* // *Bulletin of the Asia Institute*. 5.1991. P. 11-25.

Rosenfield J.M. *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkley-Los Angeles, 1967.

Rouveret A. avec collaboration de Ph. Walter. *Peintures grecques antiques*. La collection hellénistique du musée de Louvre. Paris, 2004.

Sarianidi V.I. *Le tombe regali della "Collina d'oro"* // *Mesopotamia*. T. XV. 1980. P. 5-18.

Sarianidi V.I. *Bactrian gold from the excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afganistan*. Leningrad, 1985.

Schütz V. *Tilla-tepe: nouveaux enjeux* // *L'art d'Afghanistan de la préhistoire à nos jours*. Nouvelle données. Actes d'une journée d'études. UNESCO. 11 mars 2005. Paris, 2005. P. 71-84.

Schiltz V. Tillia tepe, la "Colline de l'or", une necropole nomade // Afghanistan, Les trésors retrouvés. Collections du musée national de Kaboul. Paris, 2007. P. 69-80.

Schiltz V. Catalogue des œuvres exposées. Les notices concernant Tillia tepe // Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du musée national de Kaboul. Paris, 2007. P. 270-289.

Schmidt J. Dictionnaire de la mythologie grecque et romain. Paris, 1965.

Sellwood D. An Introduction to the Coinage of Parthia. London, 1980.

Smith R.R.R. Hellenistic Sculpture. London, 2001.

Snodgrass A.M. Arms and Armours of the Greeks. London, 1967.

Vermule C.C. Hellenistic and Roman cuirassed Statues // Berytus. Vol. XIII, fasc. 1-2. 1959-1960.

Vermule C.C. Roman Imperial Art in Greece and Asia Minor. Cambridge (Mass.), 1968.

Zanker P. The Power In Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988.

Заключение

Наша небольшая книга ориентирована не столько на специалистов, сколько на рядовых интеллигентных читателей, которых в нашей стране, слава богу, еще хватает. Мы хотели рассказать в ней о некоторых наиболее интересных, с нашей точки зрения, археологических открытиях, о людях, которые их совершали, о той обстановке, в которой происходили открытия. Но самое главное - мы хотели напомнить, как хрупко прошлое, как легко уничтожить историю народа. Разграбленные музеи, сожженные библиотеки, перекопанные памятники прошлого - в результате народ забывает о своих предках и, соответственно, дичает. Создается впечатление, что военные конфликты второй половины прошлого века, к сожалению, имели своей целью не только передел земли, ресурсов, но и передел памятников прошлого. Слишком часто эти конфликты захватывали в эпицентры событий музеи мирового значения. Нам приходится повторять то, что уже не раз говорилось ранее: люди, будьте бдительны.

МИТТ. Т. I. - Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII - XVвв. Арабские и персидские источники. Под редакцией С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, и А.Ю. Якубовского. М. Л., -1939.

The Archaeology - The Archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period / Ed. by Allchin F.R. and Hammond N. London-New York-San Francisco, 1978.

Ball-Gardin - Ball W. avec la collaboration de J.-C. Gardin Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan. T. I-II. Paris, 1982.

Inscriptions - Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie Centrale par Rougemont G. avec des contributions de P. Bernard (Corpus inscriptionum Iranicarum. Part II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia.Vol. I. Inscriptions in non-Iranian languages). London, 2012.

Prospections 1 - Prospections archéologiques en Bactrlane Orientale (1974-1978). Sous la direction de J.-K. Gardin. Vol. 3. Gentrlle P. Données paléogéographiques et fondements de l'Irrigation. Paris, 1989.

Prospections 2 - Prospections archéologiques en Bactriane Orientale (1974-1978). Sous la direction de J.-K. Gardin. Vol. 2. Lyonnet B. Céramique et peuplement du chalcolitique à conquête arabe. Paris, 1997.

Prospections 3 - Prospections archéologiques en Bactrlane Orientale (1974-1978). Sous la direction de J.-K. Gardin. Vol. 3. Cardin J.-K. Description des sites et notes de synthèse. Paris, 1998.

The Crossroads - The Crossroads of Asia. Transformation In Image and Symbol in the Art of ancient Afghanistan and Pakistan. Organising and Editorial Committee Dr. F.R. Allchin, Professor Sir John Boardman, Mr. J. Cribb, Dr. J.C. Harle and Mr. N. Kreitman / Ed. by E. Errington and J. Cribb with M. ClarIngbull. Cambridge, 1992.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Г.А. Кошеленко, Р.М. Мунчаев, В.А. Гаилов

АРХЕОЛОГИЯ АФГАНИСТАНА
В ДНИ МИРА И ДНИ ВОЙНЫ

Некоммерческое партнерство «Историко-культурное наследие Кубани»
www.gipanis.ru

Макет, верстка, цветокоррекция:
Е.Д. Петрова

Подписано в печать 17.06.14.
Формат 70х100 1/8. Печать офсетная.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Locus Slandi»
Москва, ул. Щепкина, 8

ISBN 978-5-94375-165-3

